This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

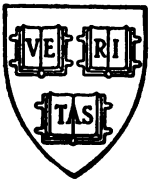
We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4336.89.11



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЯ

ВЕРШИНЫ,

ОПИСАННЫЯ

Я. Бутковымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Санктпетербургъ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1845.

Digitized by Google

Slav 4336.89.11
V

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ,
7-го Сентября 1845.

Цензоръ А. Никитенко.

МКНР

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 27 1972

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Назидательное слово.

Порядочный человѣкъ 1

Ленточка 59

Почтенный человѣкъ 83

Битка 111

Сто рублей 133

Digitized by Google

Digitized by Google

НАЗИДАТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАЗИДАТЕЛЬНОЕ СЛОВО

О

Петербургскихъ вершинахъ.

Изъ всѣхъ столицъ древняго и новаго Міра, можетъ быть, одинъ Петербургъ имѣетъ оригинальное удобство стоять на зыбкомъ, земноводномъ основаніи, въ уровень съ моремъ. Его острова, образованные изъ топкихъ болотъ ужаснымъ количествомъ свай, исполинскою насыпью, возвышаются надъ горизонтомъ Невы и дикой, невоздѣланной почвы, подобно холмамъ Рима и Царя-града. На островахъ, въ предѣлахъ Лиговки и Невки, разрастаются въ вышину и ширину зданія, которыя при зачатіи Петербурга были

Digitized by Google

неболѣе какъ мелкіе домишки, на *голландскій манеръ,* достойные какого нибудь *Шлюшина,* а потомъ, въ полтора вѣка, обстраивались флигелями, расширялись, и сомкнувшись въ тѣсные ряды, вдругъ кинулись многими этажами въ свободное, подъоблачное пространство, и все это пространство, охваченное душными или холодными клѣтками, подъ человѣческимъ названіемъ комнатъ, перегороженное на безчисленные закоулки подъ нѣмецкимъ названіемъ квартиръ и россійскимъ — хватеръ, особливо небесная, приболотная и чисто-болотная линіи биткомъ набиты разнымъ народомъ, составляющимъ особое Петербургское человѣчество, говорящее особымъ Петербургскимъ нарѣчіемъ. Въ срединѣ между первою и послѣдними изъ упомянутыхъ линій уже не сжато, а просторно, удобно, комфортабельно обитаетъ блаженная частица того самаго человѣчества, собственно именуемая Петербургомъ.

И несмотря на численную незначительность блаженной частицы, она

Digitized by Google

исключительно слыветъ Петербургомъ, *всѣмъ* Петербургомъ, какъ будто прочее полумилліонное населеніе, родившееся въ его подвалахъ, на его чердакахъ, дышущее однимъ болотнымъ воздухомъ, лечащееся болотными испареніями незначитъ ничего, даже вовсе несуществуетъ! и если говорится о единодушномъ движеніи Петербурга, о мысли, о мнѣніи, о радости, о скорби, о наслажденіяхъ и заботахъ Петербурга, то понимаются движеніе, мысль, радость, скорбь, наслажденія и заботы одной срединной линіи, и если книги пишутся — пишутся для срединной линіи, и если въ книгахъ описываются люди и дѣйствія людей, то люди непремѣнно, «подъ великимъ штрафомъ,» должны принадлежать къ срединной линіи, и дѣйствія совершаться въ срединной линіи, иначе книга будетъ безтолкова, *грязна*, и сочинитель книги — *мужикъ*, незнающій свѣта и галантерейнаго обхожденія.

Да будутъ навѣки святы и ненарушимы ученія, понятія и условія отно-

Digitized by Google

сительно блаженной линіи *всего* Петербурга; да разрастается онъ въ ширину, въ глубь и въ вышину, да укрѣпляется болѣе и болѣе въ своихъ болотахъ и понятіяхъ на своихъ островахъ и сваяхъ! Здѣсь нѣтъ противорѣчія, ни мысли противорѣчія, и если сказано слово о такомъ высокомъ предметѣ, какова срединная линія, то сказано въ смыслѣ согласія со всѣмъ касающимся ея исключительности.

Люди, занимающіе упомянутую выше, небесную линію, или *Петербургскія Вершины*, имѣютъ много общаго въ жизни съ обитателями подваловъ и первыхъ этажей, съ Петербугскимъ *Низовьемъ;* но еще болѣе — несходства между ими, и потому переселись даже *верхній* человѣкъ къ *срединнымъ*, или *низовымъ* людямъ, его переселеніе будетъ непроизвольное, совершится по независѣвшимъ отъ него или по встрѣтившимся ему обстоятельствамъ. *Верхній* человѣкъ всюду останется *верхнимъ* человѣкомъ, всюду перенесетъ свои понятія и свои страсти. Вообще,

Digitized by Google

сошествіе верхняго человѣка долу, бываетъ по двумъ главнымъ причинамъ: онъ или разбогатѣетъ и занимаетъ бельэтажъ, наполняя его своею атмосферою, въ которой движется прежнимъ порядкомъ, пока постепенно вліяніе иной атмосферы, атмосферы бельэтажныхъ туземцевъ не привлечетъ его въ свою орбиту, или предавшись какой нибудь положительной индюстріи, какъ то, сочиненію проектовъ для радикальнаго преобразованія Вселенной, или просто сочиненію доносовъ и ябедъ, или, простѣе—раздачѣ скопленнаго безпорочною службою капитальца, по частямъ, въ вѣрныя руки, подъ благонадежный, несгараемый залогъ, за десять процентовъ въ мѣсяцъ, переходитъ въ среду людей низовыхъ, промышленыхъ, которымъ онъ наиболѣе можетъ быть полезенъ и, поселяется въ нижнемъ этажѣ, или въ подвалѣ. Есть еще и другія причины, по которымъ *верхній* человѣкъ становится обитателемъ *Низовья*, но это причины случайныя, побочныя, неимѣющія никаго отноше-

Digitized by Google

нія къ особенности и самобытности жителей *Петербургскихъ Вершинъ;* притомъ же — «по Сенькѣ и шапка,» говорятъ на этихъ Вершинахъ, и «видѣнъ Сенька по шапкѣ,» говорили древніе Москвичи, изобрѣтшіе эту пословицу, — слѣдовательно, куда бы ни попалъ верхній человѣкъ, онъ всюду замѣтенъ, хоть и не по шапкѣ; нынче всѣ головы покрыты одинаковыми шапками, а все-таки замѣтенъ.

Восхожденіе низоваго человѣка на *Петербургскія Вершины,* какъ и всякое восхожденіе, несравненно затруднительнѣе сошествія оттуда въ Низовые. *Низовые* люди, будто болотныя растенія, крѣпко держатся своей почвы и почва ихъ держитъ. Ихъ дѣла, виды, надежды, страсти и стремленія имѣютъ исключительнымъ, постояннымъ поприщемъ землю; между ими нѣтъ поэтовъ, которые уносились бы мыслію въ облака, ни честолюбцевъ, которые мечтали бы о верхнихъ этажахъ, это, однимъ словомъ, разумѣется деревянный мужской родъ, люди *крѣпкіе земли.*

Digitized by Google

Но есть между ими существа, ясно доказывающія, что онѣ не болотныя растенія и не-крѣпкіе землѣ: это легкій, эфирный, женскій родъ, по свойству одинаковый во всѣхъ линіяхъ: надболотной, приболотной, болотной и подболотной; онѣ неразграничены въ понятіяхъ, выгодахъ, стремленіяхъ, подобно мужскому роду; всѣ онѣ и всюду имѣютъ одно понятіе—о любви, одну выгоду — въ любви, одно стремленіе— къ любви, и она-то, любовь, странное чувство, которое мужской разумъ и мужской эгоисмъ давно пренебрегли и бросили какъ *занятіе* не ведущее ни къ чему, она-то часто извлекаетъ женщину изъ нѣдръ земноводнаго семейства, и возводя на Петербургскія Вершины, заставляетъ ее любить во второмъ этажѣ, проклинать любовь въ третьемъ, страдать за любовь въ четвертомъ, торговать любовью въ пятомъ, каяться и умирать отъ послѣдствій любви еще выше, подъ самою кровлею, въ помѣщеніи, не носящемъ даже имени

Digitized by Google

этажа, называемомъ просто: *каморкою повыше.*

Эти-то странные обитатели подъ-облачныхъ вершинъ Петербурга занимаютъ первое мѣсто въ слѣдующихъ очеркахъ, и этимъ очеркамъ сознательно не дано названія «Очерковъ Петербурга,» или инаго, относящагося къ Петербургу вообще. Здѣсь дѣйствуютъ особые люди, которыхъ, можетъ быть, Петербургъ и не знаетъ, люди, составляющіе не общество, а толпу; но хотя это и толпа, однако толпа самобытная, не безстрастная, не безмысленная, движимая чутьемъ, а смирившая въ себѣ страсти и желанія положительнымъ началомъ мудрости—опытомъ и повседневною зависимостью отъ среднихъ и низовыхъ обитателей, отъ чужихъ страстей и чужихъ обстоятельствъ. Въ этой толпѣ есть люди, которыхъ скорби и радости опредѣляются такеою на говядину, которыхъ мечты летаютъ по дровянымъ дворамъ, надежды сосредоточиваются на первомъ числѣ, честолюбіе стремится къ казенной квартирѣ,

Digitized by Google

самолюбіе къ пожатію руки экзекутора, или начальника отдѣленія, сластолюбіе въ кандитерскую; есть люди, многіе люди, гордящіеся знакомствомъ съ хористкою, хвастающіе обѣдомъ въ два рубля ассигнаціями, приходящіе въ восторгъ отъ Екатерингофскаго гулянья, упадающіе духомъ отъ неожиданнаго возрожденія самихъ себя въ образѣ маленькаго ребенка.

И тамъ же, во мракѣ невѣдомой Петербургу существенности, иногда пронзительною молніею блещетъ мысль, которая, будучи выражена не *нашимъ* словомъ, низведена долу, въ среду общества обитающаго ближе къ землѣ, сочувствующаго земнымъ интересамъ, быть можетъ, благотворно дѣйствовала бы на самое общество; но *здѣсь* ей суждено коснѣть и исчезать въ томъ же мракѣ. А если изрѣдка и проскользаетъ она въ произведеніи литературномъ, то проскользаетъ не иначе какъ преслѣдуемою контрабандою, облеченная въ странные образы, и въ этихъ образахъ то фантастическихъ, не-

Digitized by Google

вѣроятныхъ, то скучныхъ отъ частаго появленія, она недоступна не только равнодушному читателю, который не разумѣя *особыхъ обстоятельствъ*, требуетъ отъ книги мысли и ясности мысли, но и строгому судіи, торопливо пробѣгающему книгу, по обязанности отыскать въ ней безсмыслицу, и даже тому, кто съ постояннымъ вниманіемъ наблюдаетъ, чтобы въ ней не было ничего кромѣ безсмыслицы!

Digitized by Google

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ОПИСЫВАЮТСЯ МАЛЕНЬКОЕ ЖАЛОВАНЬЕ И КРОШЕЧНЫЕ ЛЮДИ.

Внимательнаго наблюдателя, не имѣющаго другаго занятія кромѣ чтенія объявленій въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ и странствованія по улицамъ, переулкамъ и кандитерскимъ богохранимаго града Санктпетербурга, поражаетъ изобиліе *порядочныхъ людей*, разнящихся между собою образомъ жизни, возрастомъ, важностью взгляда, цвѣтомъ перчатокъ, но имѣющихъ одно общее свойство — жить на счетъ ближняго.

Здѣсь не подразумѣваются тѣ порядочные люди, которые служатъ въ разныхъ мѣстахъ и существуютъ жалованьемъ, наградами и приношеніями доброхотныхъ дателей.

Digitized by Google

Изображается, говоря высокимъ философскимъ слогомъ, самоздательная и самозаключительная самость порядочнаго человѣка.

Левъ Силичъ Чубукевичъ, нося дѣвственный чинъ Коллежскаго Регистратора, вовсе не думалъ сдѣлаться когда нибудь порядочнымъ человѣкомъ. Онъ получалъ двадцать пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ жалованья и десять рублей въ годъ награды. Во дни этого полученія онъ хаживалъ въ кухмистерскую, гдѣ, за полтину мѣдью, обѣдалъ не только гастрономически, но даже съ *бѣшенымъ восторгомъ*. Послѣ такого обѣда, въ теченіе двухъ недѣль, ему снились супъ со свининою, жаркое изъ свинины и еще какое-то непостижимое блюдо, въ родѣ самаго животнаго съ начинкою. Потомъ ему уже ничего не снилось, и онъ спокойно питался печенкою и колбасою, которыя забиралъ въ мелочной лавкѣ, въ долгъ, до вожделѣннаго перваго числа.

Въ Чубукевичѣ было развито чувство приличія въ превосходной степени. Возвращаясь изъ Департамента домой, онъ никогда, кромѣ самыхъ темныхъ вечеровъ, не рѣшался купить вышеозначеннаго снадобья на мосту, лучшаго качества и за половин-

Digitized by Google

мую цѣну противъ лавочной. Напрасно духъ искуситель, въ видѣ здраваго разсудка, говорилъ ему: «Чубукевичъ! несчастный, безталантный Чубукевичъ! не робѣй! купи этой свѣжевареной, благоухающей печенки и этого горячаго картофеля! купи, глупецъ, на гривну! И тотъ будетъ такъ же не уменъ, кто осмѣлится указать на тебя пальцемъ: «вотъ, дескать, чиновникъ!» Купи же! Ты не виноватъ, что высиживая себѣ, въ продолженіе осьми часовъ въ сутки чахотку, не высидѣлъ тарелки супа! Ты бѣднякъ, ты лошадь! Ты не долженъ *самозаключительно* заключать о томъ, что тѣ, которые получаютъ по пятнадцати тысячъ, ѣздятъ въ каретахъ, живутъ въ чертогахъ.....» — Чубукевичъ не внималъ коварному голосу! Уже мостъ съ соблазнительнымъ кушаньемъ былъ далеко за нимъ, и онъ, спотыкаясь, поднимался по узкой, грязной и темной лѣстницѣ въ свою каморку въ пятомъ этажѣ, на заднемъ дворѣ, въ Гороховой.

Лишенія и нужды сдѣлали изъ Чубукевича родъ ходячей машины для письма, приводимой въ движеніе столоначальникомъ и экзекуторомъ. Не было насмѣшки, не было

Digitized by Google

уничиженія которыхъ бы онъ не снесъ терпѣливо и молчаливо. Сознаніе ничтожества и безнадежности его положенія убило въ немъ весь запасъ самолюбія, а запасъ этотъ, по соображенію крошечнаго ранга и недальняго воспитанія Чубукевича, долженствовалъ быть весьма значителенъ. И онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, безъ разбора, называютъ лошадьми и пошлыми дураками, и которые ждутъ только одного сильнаго толчка, одного нравственнаго потрясенія, чтобы или вовсе одурѣть и переѣхать на постоянное жительство на девятую версту, или выказать и доказать умъ обширный, опытность изумительную.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ОБЪЯСНЯЮЩАЯ БЛАГОДѢТЕЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ СЕМЕРКИ НА РАЗВИТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ СТРАСТЕЙ.

Не смотря на крайнюю скудость своихъ способовъ, Чубукевичъ не ударился лицемъ въ грязь, когда товарищи поздравили его съ полученіемъ чина и напомнили ему, что по обычаю, надобно *спрыснуть* эту обновку. Всѣ они получили приглашеніе завернуть къ нему «на чашку чаю,» и завернули: кто съ Литейной, кто изъ Коломни, кто съ Выборгской Стороны, а самъ столоначальникъ, особа, къ которой даже не осмѣлились отнестись съ приглашеніемъ, удостоилъ его неожиданнымъ посѣщеніемъ, пріѣхавъ изъ Новой Деревни.

Для такого высокаго гостя и угощеніе долженствовало быть приличное; и вотъ, не успѣлъ еще «самъ столоначальникъ» подать Чубукевичу указательный перстъ для пожатія, а тотъ уже отправилъ свою хо-

Digitized by Google

зайку съ новенькимъ фракомъ къ одному благодѣтелю рода человѣческаго, снабжающему нуждающихся деньгами, до десятой части стоимости залога, за десять процентовъ въ мѣсяцъ, вычитаемыхъ изъ одолжаемой суммы. Получено было, сверхъ чаянія, по уваженію давняго знакомства, двадцать рублей, и за эти деньги куплены двѣ бутылки настоящаго шампанскаго. *Высокая самость* — это названіе ученый столоначальникъ давалъ особамъ выше осьмаго класса, а почтительные подчиненные дали его самому ученому столоначальнику — иныхъ напитковъ употреблять не соизволяла!.....

Когда бутылки и другіе сосуды съ жизнедательною влагою были опорожнены, въ маленькой комнатѣ пятаго этажа воцарилась искренность и веселость. Гости и хозяинъ разговорились о различныхъ удовольствіяхъ, встрѣчающихся въ этой скоротечной жизни. Столоначальникъ выше всего ставилъ Италіянскую Оперу, а за нею преферансъ; другіе отдали предпочтеніе хорошему жалованью и казенной квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а Чубукевичъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, обѣдъ, начинающійся горячимъ супомъ и оканчиваю-

Digitized by Google

щійся холоднымъ киселемъ со сливками, есть совершеннѣйшее и недостижимѣйшее изъ наслажденій — сокъ блаженства!

— Изберемъ же, господа, изъ всѣхъ этихъ удовольствій то, которое возможнѣе для насъ въ нынѣшній вечеръ. Я разумѣю преферансъ, сказалъ столоначальникъ.

«Хорошо! Станемъ играть въ преферансъ,» отвѣчали гости.

— Что, преферансъ, господа! воскликнулъ Чубукевичъ: что за игра безъ всякихъ, почти безъ всякихъ послѣдствій?

«Неужели вы играете въ банкъ?»

— Я никогда еще не игралъ ни въ какую игру; до смерти боялся проиграть! Сами посудите.... но теперь — куда не шло. Попробовалъ бы счастья! Мнѣ отъ роду не случалось испытывать ничего въ родѣ счастья!

Винные пары вскружили всѣ головы и въ особенности голову Чубукевича, который въ обыкновенномъ состояніи духа ни за что не отважился бы загнуть уголъ на родную копѣйку.

«Идетъ!» закричали гости. «Идетъ банкъ!»

— Матушка, Степанида Андреевна, заприте двери!

Digitized by Google

Всѣ гости имѣли при себѣ полученное въ этотъ день жалованье, а у столоначальника, кромѣ того, была еще въ наличности чувствительная благодарность челобитчиковъ. Чубукевичъ, издержавшійся на угощеніе, досталъ со дна сундука старые рубли, съ незапамятнаго времени хранившіеся на *черный день*.

Высокая самость метала банкъ. Не прошло и четверти часа, какъ всѣ понтёры, кромѣ Чубукевича, очистили свои карманы, потребовали сильнѣйшаго пунша, и стали мрачными зрителями игры, сосредоточившейся между столоначальникомъ и его подчиненнымъ.

Нѣсколько убитыхъ картъ отрезвили Чубукевича; онъ очнулся, увидѣвъ, что находится въ опасности проиграть все, скопленное имъ въ нѣсколько лѣтъ тяжкими лишеніями; но отказаться отъ игры онъ не имѣлъ силы; желаніе и надежда отъиграться побуждали его понтировать. Счастіе, впрочемъ, не вовсе пренебрегло имъ: семерка выиграла; онъ загнулъ уголъ, и — выигралъ; еще уголъ, и еще выигралъ!

— *На не!* воскликнулъ онъ, ломая карту. «Выигралъ! Что за дьявольщина! Тебѣ

Digitized by Google

рѣшительно везетъ въ этотъ вечеръ!» говорили проигравшіеся.

— *Ва-банкъ! Темная!*

Тоска, сжимающая сердце при выжиданіи, направо или налѣво упадетъ карта, восторгъ, доходящій до бѣшенства при выигрышѣ, желаніе овладѣть всѣмъ, что осталось у банкомета, страхъ потери всего, что уже выиграно, все это преобразовало Чубукевича мгновенно и радикально: лошадиная безчувственность ко всему замѣнилась огненною, дотолѣ имъ неиспытанною страстью. Онъ увидѣлъ, что не все не везетъ ему, испыталъ искусительный способъ пріобрѣсть въ одно мгновеніе то, что высиживалъ тяжкою, неблагодарною работою въ цѣлый мѣсяцъ. И вотъ въ изступленіи, въ нравственной горячкѣ, обыкновенно овладѣвающей новичками въ игрѣ, Чубукевичъ произноситъ дрожащимъ голосомъ: «ва-банкъ! Темная!»

Безъ выбора онъ выдернулъ изъ старой колоды одну карту, то была — опять семерка. Въ ней казалось что-то таинственное, роковое..... Уже нѣсколько разъ сряду она выигрывала; уже потрясла она душу Чубукевича до такой степени, что онъ не

Digitized by Google

могъ быть снова лошадью. Но чѣмъ же быть ему? Что значитъ эта постоянная удача въ одной картѣ? Умилосердилась ли судьба надъ его злою долею и послала ему новое, свѣтлое бытіе, или эта удача есть послѣднее коварное искушеніе демона, чтобы горьче, безотраднѣе была для него жизнь?

Голова его горѣла, глаза налились кровью. Наступила минута ожиданія; то была адская минута! Онъ уже раскаялся въ своей жадности. Злой духъ шепталъ ему: «Чубукевичъ! ты проиграешъ! Почему ты не кончилъ на томъ, что пріобрѣлъ: тутъ столько серебряныхъ рублей, сколько дней въ году, сколько не имѣлъ ни ты, ни отецъ, ни дѣдъ твой! Эта золотая существенность обратится для тебя въ коварный сонъ; но ты не уснешь уже никогда, ты одурѣешь съ тоски!»

Молчаніе. Слышалось біеніе благородныхъ сердецъ подъ вицъ-мундирами. Банкометъ творилъ дѣло свое то же не съ прежнимъ спокойствіемъ: руки его дрожали и пальцы не воздержались бы отъ поползновенія передернуть роковую карту, если бъ онъ зналъ ее. *Темная* какъ будто для того,

Digitized by Google

чтобы болѣе помучить понтера и банкомета, долго не показывалась. Талія исходила.....

— *Атандѐ!* кричитъ Чубукевичъ въ неистовомъ восторгѣ, вскрывая *семерку*.

«Опять семерка! Какое дьявольское счастіе!» воскликнули гости.

— Банкъ мой сорванъ! Пора домой, господа! сказалъ банкометъ, стараясь скрыть досаду и огорченіе. Прощайте, почтеннѣйшій Левъ Силичъ; благодарю за угощеніе!

«Прощайте Левъ Силичъ!» повторили гости уходя.

— До свиданія, господа! Покорно благодарю за посѣщеніе! Извините, пожалуйста, что такой случай вышелъ.

«Извѣстное дѣло — случай! Спокойной вамъ ночи.»

И они ушли, оставивъ на засаленномъ столѣ Чубукевича столько денегъ, сколько ему никогда и не снилось. Сочтя деньги и положивъ ихъ подъ подушку, онъ легъ спать, но ему не спалось. Нѣсколько разъ онъ принимался глядѣть на деньги, чтобы удостовѣриться, точно ли наяву онъ владѣетъ ими; потомъ онъ началъ разсчитывать, сколько лѣтъ надлежало бы ему служить въ департаментѣ, сколько надобно было перепи-

Digitized by Google

сать отчетовъ и отношеній, сколько должно было получить выговоровъ отъ столоначальника, замѣчаній отъ экзекутора, и не могъ разсчесть: суммы, годы и карты перепутались въ его воображеніи, и онъ только повторялъ просебя: «о, много, много!»

Потомъ вспомнилъ онъ, что въ немъ не признаютъ ни способностей, ни чувства, ни души; что нѣтъ предмета столь пустаго, о которомъ бы ему позволили «свое сужденіе имѣть.» А почему? Потому что онъ питается печенкою, живетъ на чердакѣ, ходитъ въ изношенномъ платьѣ съ Толкучаго Рынка! Вспомнилъ онъ, какъ живутъ-поживаютъ другіе люди, *чѣмъ* они живутъ, *какія* у нихъ способности, и какъ надъ этими людьми никто не смѣется, никто не ругается, какъ уважаютъ и принимаютъ ихъ всюду!.... А почему?

— «Теперь у меня есть все: и способности, и чувство, и душа!» думалъ онъ засыпая.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

ДОСКОНАЛЬНО ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО СЪ ПОРЯДОЧНЫМЪ КОЛИЧЕСТВОМЪ ДЕНЕГЪ МЕЛКІЕ ЛЮДИ ДѢЛАЮТСЯ ПОРЯДОЧНЫМИ ЛЮДЬМИ.

Нужно ли распространяться о томъ, что каждый бѣднякъ, каждый глупецъ — одно и тоже, — каждый безталанный горемыка, чародѣйственною силою рублей превращается въ весьма хорошаго человѣка, даже въ весьма разумнаго человѣка, благородной наружности, внушающей уваженіе, и даже въ человѣка съ отличными дарованіями и интересною наружностью, въ которой есть что-то такое особенное, этакое!... Ясно, что разумъ и дарованія заключаются въ самыхъ рубляхъ, а рубли сообщаютъ свои качества тѣмъ, у кого они въ рукахъ.

Чубукевичъ, проснувшись на другой день, чувствовалъ себя уже порядочнымъ человѣкомъ. Самодовольствіе и самонадѣянность проникли въ душу, дотолѣ доступную од-

Digitized by Google

ному унынію, цѣпенѣвшую подъ ледянымъ гнетомъ насущныхъ нуждъ, насмѣшекъ товарищей, пренебреженія старшихъ. Прежде, до этого благодатнаго вечера, онъ никогда не разсуждалъ, боялся разсуждать, и разсужденія его, когда они противъ воли втирались ему въ голову, были не складны, жалки, глупы, такъ что онъ самъ, махнувъ рукою, говаривалъ просебя: «Правъ Тихонъ Карповичъ, куда мнѣ разсуждать! и для чего? Что выйдетъ? рѣшительно ничего! Лучше мнѣ переписывать набѣло.» Теперь, напротивъ, разсуждалось такъ смѣло, такъ умно, и умно потому, что смѣло. Соображенія разныхъ причинъ приводили къ объясненію самыхъ оригинальныхъ послѣдствій. Онъ сообразилъ и нашелъ удобоисполнимымъ, отнынѣ впредь выѣзжать или выползать ко всѣмъ благамъ міра сего не на своей груди, въ которую стучалась чахотка, а верхомъ на чужой спинѣ, по примѣру многихъ другихъ порядочныхъ людей, подчиненныхъ и начальствующихъ.

Прежде, опоздавъ четвертью часа, онъ на цыпочкахъ прокрадывался по канцеляріи къ своему столу, принимался за работу, и между тѣмъ какъ на него сыпались выго-

Digitized by Google

воры и насмѣшки, писалъ, не оглядываясь, по крайней мѣрѣ цѣлый часъ; потомъ робко поднималъ голову и обращался къ своему столоначальнику: «Извините, Тихонъ Карповичъ! Такой случай вышелъ!.... Вотъ я уже и переписалъ!» Теперь смѣло и бодро прошелъ онъ къ своему столу, хотя опоздалъ двумя часами; въ глазахъ и въ лицѣ его выражалось даже что-то такое, чему сначала не вѣрили чиновники: имъ показалось, будто онъ насмѣхался надъ ними, будто хотѣлъ сказать: «Вотъ вамъ и лошадь, господа!» Столоначальникъ, увидѣвъ его, не сказалъ, какъ прежде: «Наконецъ и Левъ Силичъ удостоили явить себя міру и департаменту!» Все было иначе нежели прежде: на него глядѣли съ неподдѣльнымъ уваженіемъ; столоначальникъ, прежде только, въ минуту величайшаго благорасположенія, удостоивавшій подавать ему палецъ для пожатія, теперь самъ дружески жметъ ему руку, говоря: «Заспались? Съ вами въ первый разъ случилась вчерашняя оказія? Да и чисто, нечего сказать, вы насъ обобрали! Кстати: что это вы не бываете ни гдѣ кромѣ департамента и своей подоблачной квартиры? Это дурно!

Digitized by Google

Все думать, да писать, да опять думать — можно дописаться до чахотки, додуматься, Богъ вѣсть, до чего! Если хотите, я познакомлю васъ въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ собираются порядочные люди?»

— Сдѣлайте одолженіе, Тихонъ Карповичъ; я очень радъ!

«И хорошо! Къ чему все корпѣть надъ бумагами! По совѣсти, любезнѣйшій, намъ съ вами пришлось бы умереть десять разъ, прежде чѣмъ мы достигли бы управленія Министерствомъ, или даже департаментомъ!»

Въ первый разъ высокая *самость* удостоила своего подчиненнаго столь дружелюбнаго объясненія, вѣроятно, вѣдая, что Чубукевичъ, послѣ вчерашней схватки, можетъ пренебречь его покровительствомъ, или по другимъ причинамъ.

Чубукевичъ сдѣлался героемъ для всей канцеляріи. Онъ получилъ десять приглашеній на обѣды, на вечера, на пикники, и ни отъ одного не отказывался. Понявъ случайность и шаткость своего положенія, онъ торопился утвердиться въ немъ и достигнуть верха блаженства — жить на чужой счетъ. Онъ смѣкнулъ, что пріязнь и уваженіе, встрѣченныя имъ въ слѣдствіе счаст-

Digitized by Google

ливыхъ угловъ, продаются не долѣе той минуты, когда его оберутъ и пустятъ нищимъ. Онъ видѣлъ коварную цѣль этой внимательности, которую оказывали ему люди, прежде безпощадные, расточительные на насмѣшки надъ нимъ, всегда готовые на униженіе его, и занялся развитіемъ своей *самозаключительности* обо всемъ, о чемъ прежде не смѣлъ заключать, усовершенствованіемъ своей *самости*, чтобъ не нуждаться ни въ чьемъ руководствѣ, не сдѣлаться жертвою коварства и быть истиннымъ, оригинальнымъ, порядочнымъ человѣкомъ.

Быстро шли его знакомства, связи, успѣхи и образованіе подъ волшебнымъ вліяніемъ угловъ и транспортовъ. До какой степени развилъ онъ свою *самозаключительность*, явствуетъ изъ того, что онъ не урѣзывалъ себя въ финансовомъ отношеніи ни при одномъ случаѣ, и когда счастіе изцѣляло ему, она, *самозаключительность*, спасала его за малыя пожертвованія.

Чрезъ мѣсяцъ онъ казался такимъ порядочнымъ человѣкомъ, что въ немъ и узнать нельзя было прежняго скромнаго, измученнаго, безмысленнаго, оборваннаго почеповдца. Уже обѣдъ, начинающійся го-

Digitized by Google

рячимъ супомъ и оканчивающійся холоднымъ киселемъ,» не былъ для него блаженствомъ блаженствъ: онъ обѣдалъ у лучшихъ ресторатеровъ столицы. Онъ узналъ, испыталъ и *самозаключительно* обсудилъ многія другія наслажденія, растущія вдоль Невскаго Проспекта, отъ танцовальнаго общества до Знаменскаго Моста. Онъ умѣлъ порядочно говорить о пустякахъ, напѣвалъ Италіянскія аріи, бывалъ во всѣхъ театрахъ, пренебрегалъ Русскимъ, терпѣлъ Нѣмецкое, обожалъ Французское и приходилъ въ неистовый восторгъ отъ Италіянскаго; въ департаментѣ занимался лѣниво, и когда экзекуторъ замѣчалъ ему это, онъ отвѣчалъ, что цѣна труда его все таки превышаетъ цѣну трехъ фунтовъ печенки, и подалъ въ отставку.

Роскошенъ и веселъ былъ прощальный пиръ, который далъ Чубукевичъ своимъ прежнимъ сослуживцамъ. Надругой день мелкіе чиновники хвалились, что каждый изъ нихъ выпилъ и съѣлъ, по меньшей мѣрѣ, на шесть съ полтиною, и что это ужасно, если разсчесть хорошенько. Самъ етолоначальникъ, по своему высокому положенію не входившій въ подобные разсче-

Digitized by Google

ты, объявилъ, что Чубукевичъ, въ настоящемъ своемъ видѣ и качествѣ представляетъ рѣдкій физикоморальный фактъ: «оригинальную, самозаключительную *самость* порядочнаго человѣка.»

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

ИЗЪ КОТОРОЙ ЯВСТВУЮТЪ ДАЛЬНѢЙШІЕ УСПѢХИ ЧУБУКЕВИЧА ВЪ КАЧЕСТВѢ ПОРЯДОЧНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Порядочный человѣкъ имѣлъ доброе, чувствительное сердце: онъ съ одинаковою готовностью давалъ копѣйку серебромъ нищему и сто рублей промотавшемуся пріятелю; но если этотъ пріятель встрѣчался съ нимъ въ душеспасительномъ занятіи, Чубукевичъ не затруднялся обобрать его до нитки.

Онъ однако не принадлежалъ къ числу тѣхъ артистовъ, которые посвящаютъ себя безусловному служенію *дамъ*. Онъ былъ столько опытенъ, что занимался картами не какъ ремесломъ, обезпечивающимъ существованіе, а какъ изящнымъ искусствомъ, приличнымъ и полезнымъ порядочному человѣку. Онъ понялъ перевѣсъ существенныхъ неудобствъ и опасностей въ званіи *игрока* надъ мимолетною, неопредѣлительною

Digitized by Google

выгодою, и потому старался быть и слыть не игрокомъ, а *порядочнымъ человѣкомъ*. Отсюда возникаетъ послѣдствіе высокой важности: такъ какъ порядочный человѣкъ долженъ умѣть пить, пѣть, любить, и, *между прочимъ*, играть, то чѣмъ болѣе въ немъ этого умѣнья, тѣмъ выгоднѣе и ярче отдѣляется онъ отъ толпы обыкновенныхъ чиновниковъ, играющихъ въ карты съ явнымъ намѣреніемъ составить себѣ изъ этого занятія профессію, выиграть какой нибудь рубль на покупку говядины или дровъ.

Глядя проницательно на житейскія обстоятельства и условія, Чубукевичъ озаботился предпочтительно предъ всѣми иными благами о расширеніи круга, въ которомъ самъ становился болѣе и болѣе сіяющимъ и притягивающимъ центромъ. Ловкій и хитрый, онъ незамѣтно *пыталъ* и изучалъ сердце, бумажникъ, понятія и страстишки всякаго, кто попадалъ въ его орбиту.

Съ помощью этихъ способностей онъ со дня на день пріобрѣталъ новыхъ знакомцевъ. То были люди всѣхъ родовъ, кастъ, возрастовъ, значеній: и важные департаментскіе чиновники, съ своими Аннами на

Digitized by Google

шеѣ, и первогильдейные купцы съ своими сдобными женами и дочками, еще болѣе важные по денежнымъ причинамъ, и Нѣмецкіе магазинщики съ своими магазинщицами, и актрисы съ своими откупщиками, и содержатели танцъ-классовъ съ своими посѣтителями, и, наконецъ — разные мелкотравчатые господа, пріязнь которыхъ была чиста, безкорыстна въ превосходной степени; не требуя отъ Чубукевича ни малѣйшей взаимности въ дружбѣ, они довольствовались одною честію угостить его шампанскимъ на послѣднія деньги, для того, чтобы на другой день имѣть право сказать пріятелю, не имѣвшему этой чести: «Вчера были деньги, да попался Чубукевичъ. «Ну, что!» говоритъ: «Такой милый малый! Я *взялъ* да и потребовалъ пару бутылокъ! Что дѣлать! Угости, говоритъ, а не угостишь, тамъ мы съ тобою не друзья!»

Такимъ образомъ Чубукевичъ возъимѣлъ странное, исключительное значеніе въ своемъ кругу, и кругъ этотъ былъ весьма обширенъ, охватывая собою всѣ третьи и четвертые этажи Адмиралтейскихъ Частей, а въ отдаленіи отъ средоточія Петербурга даже вторые этажи, однимъ словомъ всѣ

Digitized by Google

Петербургскія вершины. И весь этотъ народъ, разнообразный, самолюбивый и, большею частію глупый, представлялъ въ отношеніи къ Чубукевичу пріятное единство и сплошную глупость. Всѣ ласкали его, уважали, и для многихъ онъ былъ даже необходимъ; — пылкіе офицеры считали его добрымъ, любезнымъ малымъ, и еще болѣе пылкіе купцы обожали его какъ человѣка, который хорошъ на все и мастеръ *распотѣшить.* И предъ нимъ смягчался свирѣпый Петербургскій эгоисмъ, страшное порожденіе полугодовой зимы и болотныхъ испареній; для него бывали свѣтлыя явленія дружбы, невозможной въ меркантильномъ вѣкѣ; предъ нимъ развязывались кошельки закоснѣлыхъ скрягъ, для которыхъ уже не существуетъ въ жизни ни какой радости, ни ясной мечты, ни филантропическихъ заблужденій, которые все поняли и обсудили, изъ всего извлекли адскую существенность и существенность сосредоточили въ кредитныхъ билетахъ; его угощали дорогимъ обѣдомъ у Дюме, люди, получающіе десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья; имъ восхищались, его находили любезнымъ, занимательнымъ, интереснымъ

Digitized by Google

такіе господа и госпожи, которые давно уже разочарованы всѣмъ, кромѣ себя, не восхищаются ни чѣмъ, кромѣ себя, не находятъ интереснымъ ничего, кромѣ себя.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ГУЛЯЕТЪ ПО НЕВСКОМУ, И ЗАХОДИТЪ ВЪ ГОСТИННИЦУ НА ВОЗНЕСЕНСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ.

Чубукевичу нерѣдко случалось занимать деньги безъ отдачи, гнуть углы и совершать другія дѣла, которыя не сошли бы съ рукъ у инаго, менѣе порядочнаго человѣка, менѣе изучившаго сердце и духъ Петербургскихъ туземцевъ. Онъ однако не позволялъ себѣ увлекаться жадностью, овладѣвающею даже благотворительнымъ человѣкомъ при очевидной возможности *погрѣть руки*, ни своимъ господствующимъ положеніемъ среди обитателей Петербургскихъ вершинъ. Онъ былъ дальновидѣнъ и хитръ въ превосходной степени, дальновидѣнъ и хитръ какъ человѣкъ, созданный нищетою. По этому онъ выжидалъ такихъ обстоятельствъ, которыя обезпечили бы ему прочное и болѣе важное значеніе, и пока онъ выжидалъ, у него бывали и чер-

Digitized by Google

ные дни: кошелекъ его пустѣлъ, и въ перспективѣ не представлялось ни малѣйшаго кредита, ни одной дружеской компаніи, гдѣ можно бы «пустить на пе;» тогда онъ сидѣлъ въ квартирѣ и читалъ Полицейскія Вѣдомости; иныхъ газетъ и журналовъ онъ терпѣть не могъ, по причинѣ стиховъ и сельскаго хозяйства

Но лишь только онъ добывалъ денегъ, имъ овладѣвало лихорадочное безпокойство: онъ торопился вознаградить себя за потерянное время, вновь пройти всѣ наслажденія, отъ самаго пошлаго — дремать въ кандитерской за чашкою шоколада, до самаго упоительнаго — сорвать банкъ, и съ этою цѣлью отправлялся на Невскій Проспектъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ повстрѣчался въ кандитерской съ искреннимъ своимъ пріятелемъ, а пріятелей всякаго рода и званія, какъ выше объяснено, было у него множество, и онъ дѣлилъ ихъ на два разряда: *на очищаемыхъ и очистителей.* Очищаемые были простые пріятели, пріятели на ту пору, когда имѣли деньги и могли подвергаться дѣйствію *очищенія*. Очистители, напротивъ, были постоянные пріятели, сотрудники порядочнаго человѣка въ дѣлѣ

Digitized by Google

очищенія, сколько можно назвать сотрудниками людей, подобно прочимъ, сильно очищенныхъ уже Чубукевичемъ, и только по уваженію ихъ фанатической преданности, непотрясаемой никакимъ очищеніемъ, принятыхъ въ искренніе пріятели. Съ ними Чубукевичъ былъ простъ и откровененъ. — Между порядочнымъ человѣкомъ и очистителемъ, котораго онъ встрѣтилъ въ кандитерской, произошло слѣдующее объясненіе.

«А!» сказалъ очиститель.

— А! воскликнулъ Чубукевичъ.

Рукожатіе.

«Ну?» спросилъ очиститель.

— Ну? въ то же время спросилъ порядочный человѣкъ.

Молчаніе. Черезъ минуту очиститель снова заводитъ разговоръ.

«Что тебя не видать нигдѣ цѣлую недѣлю?»

— Страдалъ чахоткою въ карманѣ. Къ счастію одинъ *бычекъ* вздумалъ заплатить старый долгъ!

«Кстати: нѣтъ ли у тебя *лишняго бычка?* Крайне нужно! А не то хоть взаймы дай что нибудь.»

— Бычка нѣтъ, а деньги берегутся на обо-

Digitized by Google

роты въ нынѣшній вечеръ. Завтра дашь, пожалуй. Впрочемъ, если ты будешь сегодня въ «очистительномъ» обществѣ, то обойдешься безъ моей услуги; мнѣ самому крайне нужны деньги. Чортъ возьми! Цѣлую недѣлю потерялъ понапрасну! Пойду искать *бычка!*

Бычекъ — слово техническое, подразумѣвается не рогатый недоросль изъ породы мычащихъ, а персона говорящая, совершенно человѣческаго вида и чисто бычачьяго свойства. Слово это изобрѣлъ и пустилъ въ ходъ порядочный человѣкъ.

— Хочу радикально перемѣниться, продолжалъ Чубукевичъ, обращаясь къ очистителю. Хочу, внимай: хочу жениться!

«Жениться! Вотъ выдумалъ! Какой же ты будешь порядочный человѣкъ, когда женишься?»

— Надоѣло существовать одними этажными оборотами! Что, нѣтъ ничего положительнаго, солиднаго. Женюсь и стану *почтеннымъ* человѣкомъ!

«А, почтеннымъ! Это другое дѣло! Въ твоей наружности и теперь есть что-то подозрительное, почтенное!

— Что, наружность! Почтенныя и всякія

Digitized by Google

наружности дѣлаются такъ же, какъ пирожки съ ванилью! Пустяки для знающаго человѣка! Надобно только найти, во-первыхъ, пристойнаго *бычка*, для заключенія холостой жизни, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, и, во-вторыхъ, пристойную персону — лѣтъ не старѣе пятидесяти, съ толикимъ же не менѣе числомъ тысячъ приданаго!

Пріятели разстались, назначивъ себѣ свиданіе въ очистительномъ обществѣ. Чубукевичъ направилъ путь въ одну изъ гостиницъ Вознесенскаго Проспекта. Тамъ останавливаются, большею частію, пріѣзжіе изъ степныхъ губерній помѣщики, закладывающіе свои имѣнія въ Банкъ и проигрывающіе ихъ въ банкъ; совѣтники по винной и соляной частямъ, люди денежные по разнымъ причинамъ, люди, возвращающіеся изъ отпуска, вырвавшіеся изъ родительскихъ объятій, получившіе на дорогу благословеніе въ видѣ полнаго бумажника; купцы, пріѣхавшіе «Москву брать», и разные другіе господа, прибывшіе въ Петербургъ безъ всякой служебной и дѣловой цѣли, такъ, взглянуть на Неву, на Исаакія, на Невскій Проспектъ, на Александровскую Колонну и на

Digitized by Google

прочія рѣдкія вещи, которыхъ нѣтъ у нихъ, въ степныхъ губерніяхъ!

Въ гостинницѣ, куда пришелъ Чубукевичъ, онъ былъ извѣстенъ одному половому подъ именемъ *хорошаго барина*, потому что имѣлъ бобровый воротникъ на бекешѣ, а другому подъ именемъ *ликернаго барина*, потому что выпивалъ нѣсколько рюмокъ ликера въ каждое свое посѣщеніе.

Половые — народъ извѣстно какой; они столбнемъ стоятъ предъ посѣтителемъ, будто наблюдая какъ онъ ѣстъ, а въ самомъ дѣлѣ слушая, что онъ говоритъ; то сами разсказываютъ снисходительному слушателю трактирныя происшествія. Чубукевичъ давалъ полную волю словоохотному половому говорить все, что ему вздумается, не показывая особаго вниманія къ его вѣстямъ, но принимая ихъ къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребномъ случаѣ соображенію.

Когда онъ занялъ въ гостинницѣ обычное мѣсто въ углу комнаты, половой, не ожидая приказанія, принесъ ему крафинъ съ ликеромъ, и сталъ предъ нимъ съ разинутымъ ртомъ, готовымъ разлиться повѣствованіемъ обо всемъ, что случилось и что еще не успѣло случиться между послѣднимъ и

Digitized by Google

настоящимъ посѣщеніемъ *хорошаго барина*, онъ же и *баринъ ликерный*. Онъ ожидалъ только пока Чубукевичъ выпьетъ другую рюмку, потому что послѣ первой его милость ничего не слушала.

— «Ну!» сказалъ Чубукевичъ.

Въ то же мгновеніе изъ устъ половаго полился слѣдующій разсказъ непрерывно, однообразною скороговоркою.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ЧУБУКЕВИЧЪ НАХОДИТЪ БЫЧКА. РАЗСКАЗЪ ЮЛОВАГО.

«Анадысь былъ самъ надзиратель. Что, говоритъ, у васъ всякіе люди живутъ? Нѣтъ, сударь, ваше благородіе, не всякіе, а хорошіе люди, съ прачпортами, какъ слѣдуетъ, и ни копѣйки не прибавимъ. На то порядокъ соблюдаемъ: больше порядка — меньше подати, какъ водится. Съ тѣмъ и ушелъ. На дворникѣ выместилъ: въ контору призвалъ, въ сибирку засадилъ; да што!... Вчера одинъ господинъ, такой важный: пальто не пальто, шляпа не шляпа, чай кушалъ, биштикъ кушалъ и проглотилъ было салфетку камчатную да ложку серебряную; спровадили — такая оказія! Я, говоритъ, благородный, а вы всѣ мужики, мѣщане! Я, говоритъ, имѣю право приколотить васъ, какъ скотовъ, и заплачу штрафа годовую подать. Мѣщанину, говоритъ, безчестье небольшое, не то, что благо-

Digitized by Google

родному: тутъ, говоритъ, честь и безчестье! Въ Сибири, въ каторжной работѣ, говоритъ, мѣста не найдешь! — Знаемъ, сударь, что мѣщанинъ не то, что благородный, мы въ томъ не виноваты; а вы, сударь, все таки не извольте глотать сервизу. Стыдно, сударь! Стращалъ, Боже упаси, какими муками, а подъ конецъ, какъ *самъ* будочникъ пришелъ, взмолился, сердечный, да што!... А вотъ, опомнясь, пріѣхалъ изъ какого-то города, Чертоболотнаго, штоль, и у насъ въ нумерахъ остановился, купецъ, молодой, богатый; былъ онъ купеческій сынъ — отецъ недавно умеръ; очень хорошій человѣкъ; грамотѣ плохо ученъ. Отецъ держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ: заставлялъ дворъ мести, въ полушубкѣ ходить, въ лабазѣ сидѣть; получилъ полмилліона наслѣдства; да што, говоритъ, за житье въ Чертоболотномъ! Пріѣхалъ сюда на свѣтъ поглядѣть. Бѣлья батистоваго заказалъ; портному Французу велѣлъ нашить что ни на есть въ свѣтѣ наилучшаго платья; все черезъ меня ведетъ; самъ ничего не знаетъ; такой дикой, хуже нашего брата, половаго. Дай-ко намъ полмилліона хоть не рублей, а копѣекъ, не ударимъ въ грязь лицемъ!

Digitized by Google

Хочетъ все видѣть и имѣть, что ни есть лучшаго и дорогаго, а за что не платится, того и не нужно. Притомъ конфузится, сердечный, видно что вѣкъ просидѣлъ въ лобазѣ! Одѣлся такимъ бариномъ, что чудо, просто Коммерціи Совѣтникъ! А скажетъ слово— бѣда! Иной разъ самъ покраснѣетъ. Просилъ достать билетъ въ Италіянскую, что хошь возьми, только достань. И радъ бы деньгу нажить — не могу, знакомства такого не имѣю. Теперь мучится; хотѣлъ.... ни вѣсть чего! Двадцать каретъ, говоритъ, нанять, да по всѣмъ улицамъ и по Невскому съ музыкою, съ пѣснями проѣхать, надѣлать кутерьмы..... а послѣ за все заплатить, чтобы всюду о немъ говорили. Да здѣсь не Чертоболотное, сударь — широко не разъѣдетесь!—А не угодно ли въ *Очистительное* Общество? Рѣдкостное общество! Чудеса тамъ всякія: и танцовать тамъ, и пить, и ѣсть, и все прочее можно, что только душѣ угодно да карману сносно. Ну, такъ поѣду въ *Очистительное.* Что стоитъ *очистительное?* Пять рублей цѣна; да знаю, что не захочетъ — сто рублей, говорю. Возьми, говоритъ, билетъ, и взялъ. — Нынче вечеромъ ѣдетъ съ знакомымъ

Digitized by Google

купцемъ: старикъ хорошій, и больно не любится молодцу; да што, говоритъ: самъ порядка тамошняго не знаю, чтобъ не обмишулиться; дѣлать, говоритъ, нечего: поѣду съ нимъ, когда нѣтъ товарища подушѣ. Вотъ онъ самъ.....»

— Какъ его зовутъ? спросилъ равнодушно порядочный человѣкъ.

«Чубуковъ-съ, Никита Архипычъ, Чертоболотный первой гильдіи купецъ.»

Раздался звонокъ; половой исчезъ; порядочный человѣкъ обратилъ вниманіе на Чубукова: то была разодѣтая въ пухъ самая нелѣпая и самая смѣшная фигура. Не требовалось большей наблюдательности, чтобъ съ перваго взгляда вполнѣ оцѣнить искателя наслажденій.

Еще не перевелись у насъ, въ глуши, милліонщики, которые сдѣлавшись изъ мужиковъ первостатейными купцами, внесли въ новый бытъ старыя понятія, и содержатъ дѣтей своихъ въ изумительномъ невѣжествѣ. По мнѣнію этихъ людей, для того, чтобы дѣти ихъ не промотали богатаго наслѣдства, надобно сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ говорящихъ машинъ, возрастить въ душѣ и сердцѣ ихъ ненависть ко всякому

Digitized by Google

знанію, которое не ведетъ прямо къ сохраненію и увеличенію капитала. Любя деньги, какъ всѣ смертные, они отличаются особеннымъ направленіемъ этой любви: они чуждаются всѣхъ удовольствій, на которыя проматываются другіе; воздерживаются отъ всѣхъ благъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены за деньги. Чубуковъ былъ одинъ изъ самыхъ дикихъ наслѣдниковъ. Отецъ выучилъ его выкладывать на счетахъ и читать Кругъ Соломоновъ. Онъ подвергался всевозможнымъ уничиженіямъ и былъ первымъ постояннымъ чернорабочимъ у своего отца, который, умирая, утѣшался мыслію, что оставляетъ своею *Микишку* предобрымъ парнишкою; но Микишка былъ себѣ на умѣ: похоронивъ отца, онъ пустился въ Петербургъ просвѣщаться и наслаждаться. Воображеніе его, развитое въ лабазѣ, не представляло ему удовольствій возвышеннѣе, упоительнѣе тѣхъ, которыя требуютъ чудовищныхъ издержекъ, и въ короткое время онъ уже вкусилъ кое что изъ просвѣщенія, спустивъ сотню тысячъ; но, чтобъ насладиться и просвѣтиться вполнѣ, онъ чувствовалъ недостатокъ въ хорошемъ пріятелѣ, который бы руководилъ его въ ла-

Digitized by Google

биринтѣ Петербургскихъ удовольствій. Къ счастію, съ деньгами все можно найти въ Петербургѣ — и руководителей, и наставниковъ, и друзей....

Нѣсколькихъ минутъ соображенія и еще двухъ рюмокъ ликера было довольно порядочному человѣку для составленія плана новому, сто тысячъ первому нашествію на чужой карманъ. Онъ нашелъ *бычка*, оставалось овладѣть имъ....

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

въ которой порядочный человѣкъ просвѣщается бычка.

Балъ въ Очистительномъ Обществѣ. Чубуковъ пріѣхалъ съ Лукою Тысячепуговицинымъ, стариннымъ знакомцемъ своего отца. Улыбаясь и краснѣя, искатель просвѣщенія и наслажденій смотритъ на дѣло чудное, дотолѣ имъ невиданное, на балъ, на танцы, на столичный прекрасный полъ допотопной породы, и грѣшныя мысли толпятся въ головѣ его.

Вдругъ сильное движеніе въ залѣ. Толпа офицеровъ и фрачныхъ людей, о которыхъ нельзя сказать опредѣлительно, что они за люди, прежде чѣмъ заговорятъ — толпа, дотолѣ двигавшаяся безсознательно, окружила новое лице, только что появившееся. Раздались восклицанія: «Чубукевичъ! гдѣ ты пропадалъ? Левъ Силичъ! — Ба! Утѣшитель! Любезнѣйшій! — Вина Чубукевичу! — Шампанскаго! — Хочешь шампан-

Digitized by Google

скаго? пойдемъ со мною! — «Нѣтъ, со мною — у меня есть кое-что важное...» говорилъ откупщикъ, взявъ Чубукевича подъ руку съ явнымъ намѣреніемъ лишить общество золотаго человѣка. — Что тамъ важное? возразили офицеры рѣшительнымъ тономъ: Чубукевичъ принадлежитъ всѣмъ, всему обществу; — мы не позволимъ увести Чубукевича, будто актрису!»

Но Чубукевичъ на этотъ разъ не имѣлъ намѣренія принадлежать ни откупщику, ни всему обществу. Бросивъ въ толпу нѣсколько соблазнительныхъ анекдотовъ и назидательныхъ для пылкаго юношества изрѣченій, онъ отправился къ той части посѣтителей Очистительнаго Общества, которая, ради единой солидности своей или приличія, весьма строго наблюдаемаго здѣсь *по особымъ* причинамъ, не встрѣтила его при появленіи громогласнымъ привѣтствіемъ... Онъ обошелъ всѣхъ дамъ и каждой сказалъ что нибудь интересное, вызывавшее улыбку и даже смѣхъ, и это съ своей стороны было особенно интересно для тѣхъ, которые не слыхали, что говорилъ онъ. Потомъ Чубукевичъ обратился къ Лукѣ Тысячепуговицыну, къ его супругѣ, женщинѣ, по-

Digitized by Google

видимому, дюжей, и къ его дочери, весьма образованной и любезной дѣвицѣ, возбуждавшей въ любителяхъ хорошихъ женщинъ лаконическое замѣчаніе, что «тутъ есть около чего походить.» Эта любезная дѣвица была, между прочимъ, и завидною невѣстою: за нею пятьдесятъ тысячъ приданаго и домишко въ Галерной, и по этой причинѣ заиее сватались многіе люди *благороднаго* званія, которое подобно другимъ званіямъ, названіямъ и именамъ сильно кружитъ разумную голову Русскаго человѣка: въ числѣ жениховъ *благороднаго званія* (чиновныхъ, кромѣ Чубукевича, который по обстоятельствамъ своей жизни и по своему остроумію придавалъ названію чиновника смыслъ *особенный* и не назывался чиновникомъ), были многіе промотавшіеся отставные корнеты и другіе извѣстные своею *удалью* и происхожденіемъ, по Тысячепуговицынъ и слышать нехотѣлъ о такихъ молодцахъ; не смотря на то что усы и шпоры воинственныхъ корнетовъ произвели сильное впечатлѣніе на сердце его дочери, онъ рѣшился выдать ее только за человѣка порядочнаго, который бы съ перваго дня супружеской жизни могъ сдѣлаться *почтеннымъ чело-*

Digitized by Google

вѣкомъ. Выборъ его палъ на Чубукевича, который пользовался изъ всей молодежи самою неукоризненною репутаціею, и подавалъ большую надежду на превращеніе *въ почтенные люди*. Выборъ Чубукевича палъ на приданое дочери Тысячепуговицына, которое было самымъ большимъ изъ всѣхъ ему доступныхъ приданыхъ, и подавало надежду на увеличеніе законною частію изъ достоянія Тысячепуговицына, когда Богу угодно будетъ воззвать его отъ сей скоротечной жизни къ вѣчному блаженству.

«Рекомендую вамъ, батюшка, Левъ Силичъ, этого молодаго человѣка: сынъ моего стариннаго друга, Никита Архипычъ Чубуковъ,» говорилъ Тысяченуговицынъ, представляя порядочному человѣку Чертоболотнаго купца первой гильдіи.

— Очень радъ....

«Никита Архипычъ — Левъ Силичъ Чубукевичъ, извѣстнѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ въ Петербургѣ.»

Бычекъ промычалъ что-то непонятное; онъ еще не зналъ, что говорится въ такихъ случаяхъ, но въ глазахъ его уже сверкнуло удовольствіе по причинѣ пріобрѣ-

Digitized by Google

тенія знакомства съ извѣстнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человѣкомъ въ Петербургѣ.

И вотъ порядочный человѣкъ овладѣваетъ бычкомъ, уводитъ его отъ Тысячепуговицына, разсказываетъ ему забавныя исторіи, тму глупостей, злословитъ окружающихъ, объясняетъ, что за народъ эти господа и госпожи, столь вѣжливые и чинныя на балѣ, и вызывается познакомить его съ самыми хорошенькими дамами по собственному его выбору; но бычекъ упирается противъ послѣдней статьи: онъ неловокъ во всемъ, особливо съ женщинами, и откладываетъ удовольствіе знакомства съ ними до дальнѣйшей выправки своей персоны, до того времени, когда онъ заучитъ нѣсколько необходимѣйшихъ фразъ; онъ торопится только скрѣпить узелъ дружбы съ порядочнымъ человѣкомъ, отъ котораго уже въ восторгѣ.

«Вы, никакъ, скучаете *тутича?*» спрашиваетъ онъ у порядочнаго человѣка.

— Я скучаю? Напротивъ, я такъ доволенъ бесѣдуя съ вами....

Бычекъ скромно опускаетъ глаза и мычитъ:

«Не захотѣлось ли вамъ, примѣрно, вы-

Digitized by Google

нить чего нибудь, али закусить, тово какъ оно, просто сказать.... безъ гнусности.»

— Какъ вамъ угодно! Я не прочь. Въ такомъ случаѣ, лучше намъ уѣхать отсюда.

«Уѣдемъ-те *отельича* ко мнѣ, али тавo, куда можно.»

— Въ кандитерскую, если хотите.

«Ну, въ кандитерскую.»

Уходя, бычекъ остановился въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на одну особу, сіявшую красотою и невинностью. Чубукевичъ, пропустивъ его впередъ, подошелъ къ этой особѣ, шепнулъ ей нѣсколько словъ и отправился вслѣдъ за бычкомъ.

Они уединились въ особой комнатѣ въ кандитерской, на Невскомъ Проспектѣ.

«*Шампанскаго, итоль?*.... Унасъ ни почемъ!» воскликнулъ бычекъ. «Гей! Шампанскаго полдюжины!»

Подали шампанское; пробки хлопнули; сердца скороспѣлыхъ друзей взыграли радостью.

«*Очень* весело жить увасъ *путичка!*» молвилъ бычекъ.

— Да; но вы, конечно, не испытали еще всѣхъ удовольствій Петербургской жизни! Я готовъ, гдѣ понадобится, содѣйствовать вамъ...

Digitized by Google

«Спасибо вамъ! *Ужотка* мы хорошенько побаемъ про это, *а теперича*, тово.... Чего бы намъ еще?...»

— Мнѣ ничего не нужно; но если вы хотите, не мѣшаетъ потребовать бисквитъ къ шампанскому и пирожковъ съ ванилью. Пріятное лакомство!

«Вотъ *што* люблю, такъ люблю! По *нашенски* — требуй всего, чего душѣ захотѣлось! Гей, *бисквитовъ*, пирожковъ съ ванилью и всякихъ сластей!»

— Кстати: *я* хотѣлъ разспросить васъ еще на балѣ..... чуть ли мы не родня между собою: ваша фамилія Чубуковъ, моя Чубукевичъ; вы родомъ изъ Чертоболотнаго — одинъ изъ предковъ моихъ тамъ поселился. Я имѣю сильную причину думать, что мы родные.

«Ой ли! Разскажите, пожалуйста! Славная была бы штука!»

— Нашъ родъ Чубукевичей происходитъ отъ Османа, Чубукчи-баши, т. е. Османа, начальника трубконосцевъ Султана Магомета, покорителя Цареграда. По гаремнымъ интригамъ, Султанъ многомилостивый приказалъ однажды отрубить Осману голову; друзья успѣли извѣстить его объ этомъ, и

Digitized by Google

Османъ, съ частью своихъ сокровищъ бѣжалъ въ Польшу; тамъ онъ принялъ Христіанскую Вѣру, женился и прозвался Паномъ Чубукомъ. Въ послѣдствіи, за услуги, оказанныя имъ въ войнахъ Польши съ Турціею, Король Польскій пожаловалъ ему достоинство Грабія, по нашему Графа. Два сына его, Графы Богуславъ и Богумилъ, назывались уже не Чубуками, а Чубукевичами, по происхожденію своему отъ Чубука; одинъ изъ нихъ выѣхалъ на Жмудь, другой въ Россію, въ Чертоболотное. Жмудскіе Чубукевичи, среди политическихъ переворотовъ въ Литвѣ и Польшѣ, утратили свое графское званіе, а Чубукевичи Русскіе, назвавшіеся въ Чертоболотномъ Чубуковыми, лишились даже дворянскаго достоинства и записаны въ однодворцы.....

«Точно! Дѣдъ и отецъ мой были однодворцы!»

— Теперь вамъ понятно на чемъ я основываю родство мое съ вами. Кажется, нѣтъ ни какого сомнѣнія.....

«Совершенно ни какого! Мы правнуки Графа Чубука, и должны быть тоже графами.....»

— Справедливо; но я и не думаю хло-

Digitized by Google

ротать объ этомъ: нужны большія издержки; а къ чему послужитъ мнѣ графское достоинство? Я имѣю о титлахъ свое, особое понятіе!

«Ура! Что толковать объ издержкахъ! Выхлопочите мнѣ графскій титулъ, во что бы то ни стало!»

Бычекъ въ восторгѣ. Онъ не сомнѣвается ни въ родствѣ своемъ съ Чубукевичемъ, ни въ общемъ происхожденіи отъ ясновельможнаго Пана Грабія Чубука. Мысль изъ купца сдѣлаться графомъ кружитъ пустую голову бычка; онъ только боится, чтобъ родственникъ не отказался посвятить свои труды на увѣнчаніе его титломъ сіятельства.

«Ну, ужъ какъ вы себѣ хотите, а мнѣ ей же ей *ужасть* какъ захотѣлось быть графомъ!»

— Послѣ объ этомъ. Что титла! Стоитъ ли толковать о нихъ за шампанскимъ! Станемъ лучше говорить милыя глупости, какъ будто бы мы были въ обществѣ женщинъ.

«Эхъ, женщины! Признательно сказать, одна, которую я видѣлъ на балѣ, чертовски щемитъ сердце. Видно, что не изъ простыхъ, а какая нибудь этакая..... Смертельно полюбилась, изъ головы нейдетъ!....»

Digitized by Google

— Такъ и быть! Начну услуги мои съ нынѣшняго же вечера, говоритъ, смѣясь, Чубукевичъ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, явился мальчикъ. — «Проси!» сказалъ ему порядочный человѣкъ.

Бычекъ выпучилъ глаза, стараясь понять, какую услугу хочетъ оказать ему предупредительный родственникъ. Дверь отворилась, и въ комнату вошла особа, сіяющая красотою и невинностью.....

Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, Чубукевичъ и Чубуковъ были уже искренними друзьями.....

Digitized by Google

ГЛАВА ОСЬМАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ГНЕТЪ УГЛЫ У КАРТЪ И ЛОМАЕТЪ РОГА У БЫЧКА, И КОТОРОЮ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ОКАНЧИВАЕТСЯ ЭТОТЪ РАЗСКАЗЪ.

Прошло нѣсколько дней. Чубукевичъ сдѣлался тѣнью Чубукова: они слывутъ друзьями, они говорятъ одинъ другому *ты*. Чубукевичъ пріискалъ Чубукову учителей Французскаго языка и танцованія, образуетъ его понятія, облагороживаетъ манеры; нанимаетъ ему квартиру въ Морской, меблируетъ ее роскошно, покупаетъ ему щегольской экипажъ, разумѣется, на его же деньги; наставляетъ его въ играхъ всякаго рода, необходимыхъ для порядочнаго человѣка, и хлопочетъ о графскомъ достоинствѣ. По этому случаю онъ пригласилъ въ квартиру бычка нѣкоторыхъ *необходимыхъ* людей, и представляетъ ихъ почтенному хозяину, который уже не мычитъ, какъ прежде, а ясно произноситъ вы-

Digitized by Google

тверженную фразу. Гости эти были пріятели Чубуковича, изъ разряда *очистителей*, люди высокой нравственности, степенные, не подкупные. Послѣ представленія ихъ Чубукову, порядочный человѣкъ замѣтилъ: «Только бы этихъ нашъ расположить въ свою пользу; если они захотятъ, ты смѣло можешь считать себя графомъ!»

«Какъ же ихъ расположить? По нашему такъ просто, дать имъ что слѣдуетъ.....»

— А по нашему, по-Петербургски, этого нельзя сдѣлать. Здѣсь честь, безкорыстіе, амбиція.....

«Такъ распорядись, пожалуйста, какъ знаешь! Вотъ депозитокъ на двадцать тысячъ.»

— Хорошо. Я выжду удобную минуту, и куплю этихъ господъ.

Какъ водится, или какъ говорится, для препровожденія времени, гости играли въ преферансъ.

«Ну, стоитъ ли тянуть эту глупую канитель! Преферансъ бабья игра!» сказалъ одинъ изъ почтенныхъ людей. «По мнѣ, если играть, такъ играть въ ту, что бросаетъ и въ потъ и въ дрожь.... А? какъ вы думаете, господа?»

Digitized by Google

— Мы согласны! отвѣчали прочіе гости; но что скажетъ нашъ почтенный хозяинъ? Онъ, кажется, не любитъ занятій этого рода, и ему скучно смотрѣть на насъ, подвизающихся на зеленомъ полѣ.

«Напротивъ, я тоже готовъ участвовать,» отвѣчалъ бычекъ. — Соединили четыре ломберные стола, и вокругъ нихъ засѣли двѣнадцать удальцовъ. Чубукевичъ приготовился метать банкъ. Подъ рукою его стояла корзина съ новыми картами.

— Вотъ мой банкъ, господа, — сказалъ онъ, положивъ передъ собою пукъ билетовъ, полученныхъ отъ Чубукова. Гости понтировали.

«Десять на туза!»

— Пятнадцать на двойку.

«Тысяча на даму!» воскликнулъ Чубуковъ, кладя на столъ билетъ въ тысячу рублей.

— Правила Коммерческаго Банка требуютъ, сказалъ равнодушно Чубукевичъ своему другу и родственнику, чтобъ вы сдѣлали бланкъ на этомъ билетѣ, на случай если бы онъ перешелъ въ другія руки.

Чубуковъ нацарапалъ кое-какъ свое имя и прозваніе на оборотѣ билета.

Digitized by Google

Тузъ и двойка выиграли; дама упала направо.

— Ваша дама убита, сказалъ опять порядочный человѣкъ, обращаясь къ бычку и взявъ у него билетъ въ тысячу рублей.

«Не велика бѣда!» говоритъ бычекъ равнодушно. Онъ удвоиваетъ куши и проигрываетъ еще нѣсколько билетовъ.»

«Чортъ возьми! Не уступишь ли ты мнѣ метать? Такъ и чешутся руки обыграть васъ всѣхъ.»

— Съ удовольствіемъ! отвѣчаетъ порядочный человѣкъ, передавая карты бычку.

Гости понтируютъ на самыя ничтожныя суммы, и не гнутъ угловъ при выигрышѣ. Чубукевичъ трудится за всѣхъ.

«Тысяча на двойку!»

Двойка легла налѣво.

— Уголъ!

Бычекъ снова начинаетъ метать.

— *Атанде!* Есть! Другой уголъ на шесть *кушей*. *Темная!* восклицаетъ порядочный человѣкъ.

Бычекъ смущается. Едва онъ бросилъ на обѣ стороны по картѣ, Чубукевичъ останавливаетъ его новымъ восклицаніемъ:

Digitized by Google

Атанде! Семерка. — Сочтите, сколько вы проиграли. Угодно продолжать?

«Конечно, конечно; почемужъ не играть!» И Чубуковъ призадумался. Онъ уже не былъ такой богачъ, какимъ воображалъ себя. У него оставался еще одинъ билетъ, правда, на значительную сумму, но и на послѣднее его достояніе.

— Гей, шампанскаго! Еще шампанскаго, господа! Кутить, такъ кутить! Богъ вѣсть, прійдется ли намъ опять сойтись когда нибудь такъ весело!

— *Ва-банкъ!* Темная! говоритъ Чубукевичъ.

Бычекъ совершенно растерялся. Глаза его помутились, руки задрожали; онъ уже не ждалъ выигрыша. Смутно понималъ онъ, что попалъ въ когти діавола, о которомъ такъ много и такъ умно говорятъ Чертоболотные грамотѣи.

— Атанде! Тройка. Вы проиграли банкъ, сказалъ Чубукевичъ съ надлежащимъ равнодушіемъ порядочному человѣку, взявъ со стола билетъ, послѣдній билетъ на наличныя деньги бычка.

И бычекъ не помнилъ, что двѣ тройки легли уже направо, а это была третья!...

Digitized by Google

На то онъ *бычекъ*, на то Чубукевичъ, порядочный человѣкъ; наконецъ на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

«Все!» сказалъ просебя просвѣщающійся. Холодъ и дрожь пробѣжали по его тѣлу.

«Все!» повторилъ онъ, глядя въ глаза гостямъ своимъ, какъ полуумный.

— Пора домой, господа, сказали гости. До свиданія, Никита Архипычъ! Мы постараемся вывести васъ въ графы.

— Прощайте, Никита Архипычъ! сказалъ порядочный человѣкъ, наполняя бумажникъ билетами и бросая взоръ сожалѣнія и участія на Чубукова. Что дѣлать! У него все-таки было доброе, человѣколюбивое сердце; онъ помнилъ, что самъ когда-то страдалъ нищетою болѣе нежели страждетъ этотъ промотавшійся богачъ; но ожидавъ подобнаго случая такъ долго, съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою философическою самозаключительностію, могъ ли онъ пощадить этого жалкаго бычка, явившагося въ Петербургѣ въ такую пору, когда рѣдко отыскиваются люди, сосредоточивающіе въ себѣ качества богатаго наслѣдника, любителя просвѣщенія и, *наипаче* дурака?

Digitized by Google

«Все!» говорилъ просебя-бычекъ, необращая вниманія на прощаніе своего родственника. «Вотъ и все!» А отецъ сорокъ лѣтъ собиралъ по копѣечкѣ всякими неправдами. — Гей! вина! Кутить, такъ кутить!»

На другой день квартира Чубукова опустѣла. Мебели Гамбса были проданы негоціянту изъ толкучаго рынка, экипажъ барышнику, и искатель наслажденій, просвѣщенія и графскаго достоинства еще выручилъ столько, что могъ на лихой тройкѣ умчаться въ родное Чертоболотное, гдѣ у него оставались отчій домъ и мучной лабазъ. Какъ человѣкъ, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, все случившееся съ нимъ въ Петербургѣ онъ приписываетъ діавольскому навожденію, за пренебреженіе отеческихъ наставленій. Теперь онъ самый ревностный старовѣръ и самый ожесточенный противникъ просвѣщенія.

Порядочный человѣкъ женился, вскорѣ послѣ этого происшествія, на дочери Тысячепуговицына. Нельзя сказать, чтобы онъ перемѣнился, потому что тѣ, которые одинъ разъ побывали въ ежовыхъ рукавицахъ жизни не могутъ перемѣнить ни сво-

Digitized by Google

его о ней понятія, ни своихъ правилъ объ отношеніяхъ къ ближнему; онъ однакожъ весьма *смягчился:* не скитается по кандитерскимъ и не ловитъ *бычковъ.* Ясно, онъ сталъ человѣкомъ солиднымъ, и всѣ, кто даже и незнаетъ его лично, взглянувъ на четырехъэтажный домъ его, на его карету новаго фасона, говорятъ: «сейчасъ видно, что очень хорошій, очень порядочный человѣкъ этотъ Чубукевичъ!...»

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕНТОЧКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛЕНТОЧКА.

Между прочимъ съ замѣчательною быстротою размножается племя курящее, піющее и поющее, и, что всего опаснѣе, мыслящее. По увѣренію людей пожилыхъ, знающихъ свѣтъ, страсть новаго поколѣнія разсуждать и мыслить о разныхъ отвлеченностяхъ, рѣшительно ни къ чему не ведетъ. По мнѣнію людей молодыхъ, это ведетъ къ чему-то такому особенному..... Кто правъ, кто не правъ — Аллахъ вѣдаетъ! но достовѣрно, что нынче всѣ разсуждаютъ; даже иной порядочный человѣкъ, или, говоря языкомъ невѣжественной старины, мальчишка толкуетъ объ Испанскихъ и Китайскихъ дѣлахъ и насмѣшливо смотритъ на такіе предметы, предъ которыми, быть можетъ, отецъ его преклонялъ выю въ благоговѣйномъ безмолвіи. Есть и такіе люди, которые не судятъ

Digitized by Google

и не рядятъ, а только слушаютъ какъ судятъ и рядятъ другіе, и, смотря на нихъ, можно подумать, будто они только слушаютъ, а сами не разсуждаютъ и неумѣютъ разсуждать, а между тѣмъ они-то и разсуждаютъ....

Не таковъ былъ Иванъ Анисимовичъ. Хотя онъ по своему возрасту, даже по своему воспитанію принадлежалъ къ новому поколѣнію, однако ни одинъ врагъ рода человѣческаго недерзнетъ обвинить его въ принадлежности къ этому поколѣнію *по свойству*. Рѣшительно, несчастіе для него, что онъ родился въ восемьсотъ осьмнадцатомъ году, а не раньше полусотнею лѣтъ, когда подобные ему люди цѣнились дорого и часто занимали мѣсто на ледяныхъ вершинахъ общества.

Впрочемъ, самъ Иванъ Анисимовичъ никогда не разсуждалъ о несвоевременности своего существованія, никогда не предавался опаснымъ отвлеченностямъ. Уже ему наступала двадцать седьмая весна, а онъ все еще пребывалъ въ скромномъ чинѣ Губернскаго Секретаря и въ скромнѣйшемъ званіи чиновника для письма втораго разряда. Десять лѣтъ сряду просидѣлъ онъ въ

Digitized by Google

одномъ чинѣ, въ одной должности, на одномъ жалованьи, на одномъ стулѣ, за однимъ столомъ и за однимъ занятіемъ — перепискою отчетовъ своего Министра. Въ это десятилѣтіе Иванъ Анисимовичъ цѣнился только съ одной стороны, со стороны своей каллиграфіи. Что касается до драгоцѣннѣйшей его способности ни о чемъ не мыслить, не разсуждать, на нее никто не обращалъ вниманія..... даже иные грамотѣи называли глупостію эту способность. Таковъ вѣкъ!

Иванъ Анисимовичъ жилъ на Литейной, въ нижнемъ этажѣ стариннаго деревяннаго домика. Онъ терпѣть не могъ высокихъ домовъ, темныхъ и крутыхъ лѣстницъ. Когда онъ смотрѣлъ внизъ изъ окна четвертаго этажа, или съ лѣстницы, образующей своими изгибами родъ глубокаго колодца, ему приходило въ голову, что прянувши съ этой высоты, можно разбиться въ дребезги; потомъ непостижимая сила влекла его внизъ; въ душѣ его возникало ужасное побужденіе сдѣлать роковой скачекъ; сердце его преисполнялось мучительнымъ ощущеніемъ паденія, и только съ большимъ насиліемъ надъ своею волею онъ успѣвалъ побѣдить обаяніе высоты и удержаться отъ исполне-

Digitized by Google

нія страшнаго намѣренія. По этой причинѣ онъ рѣдко посѣщалъ знакомцевъ, живущихъ въ верхнихъ этажахъ, и самъ занималъ квартиру внизу, представлявшую разомъ три удобства: дешевизну, невозможность упасть и возможность плавать на чемоданѣ при первомъ наводненіи.

Хозяинъ этой квартиры, *герръ* Вильгельмъ и хозяйка *мадамъ* Королина, были люди добрые и весьма почтенные. Иванъ Анисимовичъ доводился имъ кумомъ, крестилъ у нихъ двухъ маленькихъ нѣмочекъ: Анхенъ и Гретхенъ, которыя подросли въ его глазахъ, и всегда, какъ только онъ возвращался изъ департамента, приносили ему бутерброды. Все семейство очень любило Ивана Анисимовича за его тихій характеръ и за обходительность. Герръ Вильгельмъ занимался весьма полезнымъ ремесломъ — выдѣлкою изъ разной ветоши, получаемой въ лоскутной линіи, новаго, моднаго платья, по заказамъ магазиновъ Апраксина Двора. Онъ былъ также великій искусникъ въ истребленіи различныхъ насѣкомыхъ, и съ особеннымъ успѣхомъ истреблялъ ихъ во всемъ околоткѣ. Въ праздничные дни герръ Вильгельмъ, какъ добрый Христіанинъ, не за-

Digitized by Google

нимался работою, отдыхалъ отъ трудовъ и усиливалъ пріятность отдыха соразмѣрнымъ количествомъ напитка, извѣстнаго у Нѣмцевъ подъ названіемъ шнапса; къ этому наслажденію былъ приглашаемъ и Иванъ Анисимовичъ; но онъ, по слабости здоровья и по завѣщанію родителя всегда уклонялся отъ употребленія хмѣльнаго.

Въ комнатѣ Ивана Анисимовича стоялъ старый, во многихъ мѣстахъ треснувшій ящикъ съ клавишами. Иванъ Анисимовичъ добылъ этотъ ящикъ напрокатъ, въ качествѣ фортепіано, и будучи страстнымъ любителемъ музыки, твердо вѣрилъ, что это дѣствительно было фортепіано. Чтобы не значилъ впрочемъ этотъ ящикъ, достовѣрно, что большая часть клавишей производили непріятный стукъ, а остальные только отъ сильнаго удара издавали дребезжащіе звуки. Каждый разъ, по возвращеніи изъ департамента, Иванъ Анисимовичъ садился къ этому ящику, ударялъ по клавишамъ сначала одною, потомъ обѣими руками, и хотя, по собственному его сознанію, невыходило ничего особеннаго, однако все таки было *очень забавно*.

Однажды, предаваясь этой забавѣ, Иванъ

Digitized by Google

Анисимовичъ услышалъ стройные, пріятные звуки, извлекаемые, по соображенію его, изъ такого же инструмента, но болѣе искусною рукою. Онъ оставилъ свою забаву и сталъ слушать, какъ забавлялись другіе; а когда и другіе перестали забавляться, Иванъ Анисимовичъ спросилъ самого себя: гдѣ это такъ хорошо играютъ? и отвѣчалъ: по сосѣдству, у булочника; кто играетъ? На этотъ вопросъ онъ долго немогъ дать себѣ положительнаго отвѣта. «Булочникъ? Нѣтъ, онъ слишкомъ толстъ! Булочница? Нѣтъ, она такъ-себѣ что-то... Развѣ... да, точно... играетъ дочка вышерѣченныхъ супруговъ! Только она своими маленькими, прозрачными пальчиками можетъ извлекать изъ такого глупаго ящика, какъ фортепіано, такіе прекрасные звуки, какъ тѣ, которые онъ слышалъ! И такъ, рѣшено: играетъ она, бѣлокурая Минхенъ, чухоночка, по-нашему нѣмка, Вильгельмина Германовна.

— «Нѣмцы очень хорошіе люди!» подумалъ Иванъ Анисимовичъ.

Будучи природнымъ Русакомъ, не зная ни слова по-Нѣмецки, даже плохо выражаясь по-Русски, Иванъ Анисимовичъ любилъ однако Нѣмцевъ, хотя не ненавидѣлъ и Русскихъ,

Digitized by Google

потому что въ сердцѣ его не было мѣста ненависти. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ: «Нѣмцы очень хорошіе люди. Вотъ этотъ булочникъ, Германъ, кажется, Францовичъ, его жена Юлія Фридериховна и особливо его дочь Вильгельмина Германовна.... всѣ они очень хорошіе люди!... и Минхенъ чудесно играетъ на фортепіанѣ! Будь они Русскіе — совсѣмъ другое дѣло! Эта Вильгельмина, Минхенъ, Миночка звалась бы Матреною или Соломонидою; но это еще ничего, — она была бы толстою, дюжею дѣвою, поломойкою, а этотъ Германъ... Да, Нѣмцы очень хорошіе люди!»

Иванъ Анисимовичъ нерѣдко хаживалъ къ булочнику для покупки разныхъ сластей своимъ крестницамъ, и по причинѣ сосѣдства, былъ приглашаемъ зайти вечеркомъ «принятъ эйнъ стаканъ пуншъ,» часто видѣлъ и Минхенъ, когда она продавала пеклеваные хлѣбы, — но въ этомъ видѣ, въ видѣ торговки, онъ не обращалъ на нее вниманія. Притомъ же онъ былъ такъ скроменъ, такъ боялся смотрѣть на женщинъ съ подобающимъ прекрасному полу полувниманіемъ! а когда случалось ему встрѣчать взглядъ женщины, когда онъ замѣчалъ, что на него

Digitized by Google

смотритъ женщина, онъ совершенно терялся. Онъ небылъ изъ числа тѣхъ самолюбивыхъ чиновниковъ, которые такъ счастливо увѣрены, что для нихъ стóитъ только взглянуть на женщину, чтобъ уничтожить, *плѣнить* ее.

Но эти звуки, столь пріятно различествовавшіе отъ тѣхъ, которые извлекалъ Иванъ Анисимовичъ изъ своего ящика, чародѣйственно коснулись души его, музыкально настроенной. Минхенъ, которую онъ до сихъ поръ считалъ обыкновенною булочницею, какихъ онъ встрѣчалъ множество, теперь казалась ему особеннымъ, *неземнымъ* существомъ. Онъ пренебрегъ своею робостью, своею неловкостью во великихъ компаніяхъ, особливо въ тѣхъ, гдѣ бываютъ женщины, и рѣшился побывать въ гостяхъ у достопочтеннаго герра Германа.

«Что же, подумалъ онъ: не велика бѣда, если я просижу у нихъ какой нибудь часъ. Они уже разъ двадцать приглашали меня; сочтутъ невѣждой, если не пойду.... притомъ же и Минхенъ... она очень хорошо играетъ... Только фракъ у меня неварядный; даже, можно сказать... но это ничего.... Они люди простые, а Минхенъ.... Минхенъ!...»

Digitized by Google

Это было часовъ въ семь вечера. Иванъ Анисимовичъ, сообщивъ всевозможную благовидность своему костюму, превосходнѣйшему изъ всего, что создали въ этомъ родѣ игривая фантазія и крѣпко набитая рука его хозяина, отправился въ квартиру булочника. Тамъ нашелъ онъ сидѣвшихъ за самоваромъ самого герра Германа, родъ сдобнаго рублеваго калача, рябую мадамъ Юлію, сущее подобіе стараго пеклеваннаго хлѣба и фрейлейнъ Вильгельмину, которую можно сравнить только съ яркою звѣздочкою въ небесахъ, или съ свѣжимъ, душистымъ бисквитомъ на землѣ. Особо отъ нихъ, въ темномъ углу комнаты, сидѣлъ какой-то посторонній Нѣмецъ, который ничего не говорилъ, а только кашлялъ.

«А! Вотъ хорошо, что вы таки пришелъ: воскликнулъ герръ Германъ: хорошо, что вы недолго церемонился. Мишхенъ! Чаю Господину Ивану Анисимовичу!»

— Извините, Германъ Францовичъ, отвѣчалъ Иванъ Анисимовичъ: я, знаете, не люблю безпокоить никого.

«Какое тутъ безпокойство! Вы самый смирный сосѣдъ, Иванъ Анисимовичъ, замѣтила хозяйка.

*

Digitized by Google

— Я, вотъ видите ли, Юлія Фридериховна, хотѣлъ сказать, что это фортепіано, которымъ я забавляюсь отъ скуки, если оно васъ безпокоитъ....

«Что вы, Иванъ Анисимовичъ! Можетъ быть, я помѣшала вамъ своею игрою?...» сказала Минхенъ, подавая Ивану Анисимовичу стаканъ чаю.

Послѣ долгихъ объясненій въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ, оказалось, что одна сторона не безпокоитъ другой, даже напротивъ, одна другой доставляетъ взаимное удовольствіе своею «милою игрою.» Иванъ Анисимовичъ нечувствительно разговорился о музыкѣ, о погодѣ, и дороговизнѣ припасовъ, о плутняхъ извощиковъ и опять о музыкѣ. Когда, по приказанію Германа Францовича, Минхенъ влила въ другой стаканъ чаю для Ивана Анисимовича нѣсколько капель рому, онъ неотказался *принять* этотъ пуншъ, а когда пуншъ былъ *принятъ,* Иванъ Анисимовичъ почувствовалъ себя въ особенно счастливомъ расположеніи, и обратился къ Минхенъ съ просьбою сыграть что нибудь на фортепіано.

Минхенъ не противилась, сѣла къ фортепіану, и Иванъ Анисимовичъ услышалъ

Digitized by Google

тѣ же звуки, которые подѣйствовали на него пройдя сквозь стѣну; но теперь они были сильнѣе и чище, теперь достоинство игры возвышалось присутствіемъ артистки. И точно, хороша была Минхенъ за фортепіаномъ, совсѣмъ не то, что за прилавкомъ. Иванъ Анисимовичъ слушалъ и смотрѣлъ, и хотѣлъ бы всегда смотрѣть и слушать.... Никогда еще не было ему такъ пріятно, такъ весело, такъ «забавно,» какъ въ эту минуту! Чай, ромъ и Минхенъ розлили во всей его организаціи такую пріятную теплоту, какой онъ не ощущалъ дотолѣ. Имъ овладѣло новое обаяніе, пріятное обаяніе любви, которое не можетъ итти въ сравненіе съ другимъ обаяніемъ, побуждавшимъ къ скачку съ четвертаго этажа... Но нельзя было оставаться здѣсь долѣе. Пробило одиннадцать часовъ, и Иванъ Анисимовичъ почувствовалъ, что надобно оставить это пріятное мѣсто.

Уходя, онъ получилъ приглашеніе отъ герра Вильгельма бывать у нихъ чаще, безъ церемоніи. «Приходите завтра, Иванъ Анисимовичъ,» прибавила Минхенъ: «завтра я съиграю для васъ кое что новое, и спою если захотите!» И эти слова сопровожда-

Digitized by Google

лись такою улыбкою, что Иванъ Анисимовичъ чуть не кинулся на шею къ Минхенъ; чуть не поцѣловалъ ее совсѣмъ безуміемъ влюбленнаго чудака. Къ счастію, онъ вовремя вспомнилъ, что поцѣлуи этого рода считаются неприличными, и только описавъ руками полукругъ въ воздухѣ, отвѣчалъ трепещущимъ отъ сладостнаго волненія голосомъ: «Буду, непремѣнно буду.»

Возвратясь въ свою каморку, Иванъ Анисимовичъ обнаружилъ восторженное состояніе своего духа многими прыжками по комнатѣ; потомъ сѣлъ къ столу и, вперивъ глаза въ потолокъ, безпрерывно улыбался. Какія мысли занимали его, это явствуетъ изъ словъ, произнесенныхъ шепотомъ, просебя, съ разстановкою: «Виль-гель-мина.... Мин...мин...хенъ....» и кратко: «Минхенъ...» и еще кратче, съ выраженіемъ самой голубиной нѣжности: «Миночка!» Съ послѣднимъ словомъ онъ схватилъ свою маленькую крестницу Гретхенъ, и поцѣловалъ ее съ такимъ жаромъ, что та вскрикнула. Тогда Иванъ Анисимовичъ вспомнилъ, что это его крестница, и что ему пора спать....

Во всю ночь ему грѣзился одинъ чаро-

Digitized by Google

дѣйствительный образъ, и во снѣ онъ произносилъ то же имя, что на яву.

Когда, на другой день, явился онъ въ департаментъ, мечтая о томъ, что вечеромъ опять увидитъ ее, скажетъ ей, что думалъ о ней, и о многомъ другомъ на эту тему, онъ нашелъ тамъ, нежданно-негаданно новую причину въ восторгу, даже къ сумасшествію..... Онъ получилъ украшеніе вицъ-мундиру, предметъ тяжкихъ трудовъ чиновнаго человѣчества — *ленточку!* Многіе бочки издерживали, губили сотни тысячъ, милліоны рублей, дарили, проигрывали свое достояніе съ однимъ желаніемъ получить два вершка узкой ленточки, и не получали! Разорялись, разоряли другихъ, банкрутились и погибали въ томъ же болотѣ, изъ котораго были извлечены могуществомъ милліоновъ, а ленточки все-таки не получали! Между тѣмъ онъ, Иванъ Анисимовичъ, даже, можно сказать, *какой-то* Иванъ Анисимовичъ, получилъ ленточку! Вотъ соображенія, необходимыя для справедливаго понятія о мысляхъ, занимавшихъ его.

Чтобы объяснить этотъ важный случай въ жизни Ивана Анисимовича, надобно обратиться къ служебному его поприщу.. ..

Digitized by Google

Было уже сказано, что Иванъ Анисимовичъ десять лѣтъ провелъ въ одномъ чинѣ, за однимъ занятіемъ; но еще не сказано, что онъ умѣлъ отлично чинить перья, и что добродѣтель, какъ бы она ни была пренебрежена, рано ли, поздно ли возьметъ свое. Вотъ что случилось съ Иваномъ Анисимовичемъ на одиннадцатомъ году его ревностной и усердной службы.

Когда директору его понадобился чистописецъ, для переписки какой-то важной бумаги, ему указали на Ивана Анисимовича, и Иванъ Анисимовичъ былъ потребованъ въ квартиру директора.

«Потрудитесь переписать здѣсь эту записку, самымъ чистымъ и четкимъ почеркомъ; но замѣтьте и помните, что вы не должны никому говорить о ея содержаніи,» сказалъ директоръ Ивану Анисимовичу.

— Слушаю, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Иванъ Анисимовичъ, принимаясь за работу.

Записка была весьма обширнаго содержанія: говорилось что-то о разныхъ дѣлахъ по службѣ, предлагалось что-то..... и когда Иванъ Анисимовичъ переписалъ ее, дирек-

Digitized by Google

торъ сказалъ: «Это должно имѣть важныя послѣдствія..... Помните, что я говорилъ вамъ — никому ни слова! Долгъ чиновника, какъ долгъ всякаго человѣка — умѣть молчать кстати!»

— Слушаю, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Иванъ Анисимовичъ.....

«Между тѣмъ это и для васъ будетъ полезно. Вы слишкомъ долго занимаете одну и ту же ничтожную должность. Я подвину васъ впередъ, и на первый случай беру васъ къ себѣ въ секретари, а когда эта записка произведетъ ожидаемое дѣйствіе, можете ожидать еще кое-чего.»

— Всенижайше благодарю, Ваше Превосходительство! Радъ стараться всѣми силами!

«Напишите,» продолжалъ директоръ, вкладывая записку въ конвертъ, «напишите на этой черновой бумагѣ ея содержаніе, кратко.....»

Ивана Анисимовича бросило въ потъ и въ дрожь. Онъ оробѣлъ такъ, какъ никогда въ жизни не робѣлъ. Вообразите его положеніе: въ ту минуту, когда начальникъ, преисполненный къ нему благоволенія, даетъ ему *ходъ*, онъ чувствуетъ, что не можетъ

Digitized by Google

извлечь изъ бумаги ея содержаніе! Онъ не помнитъ, не знаетъ, даже вовсе не понимаетъ того, что самъ же переписалъ! Боже праведный! Иванъ Анисимовичъ никогда не упражнялся въ такихъ занятіяхъ.... Онъ никогда не думалъ о содержаніи того, что переписывалъ,—онъ только переписывалъ; но начальникъ.... извѣстное дѣло! Начальникъ не знаетъ столь уважительной и извинительной причины! Что онъ подумаетъ!

И Когда Иванъ Анисимовичъ, съ перомъ въ рукѣ, выдерживалъ неизъяснимую нравственную пытку, стараясь придумать какого бы содержанія была эта роковая бумага, директоръ замѣтилъ его безпокойство, пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ съ кроткою, ободрительною улыбкою:

«Что же вы? Развѣ вы забыли содержаніе этой записки, или..... или вовсе не понимаете ее?»

— Извините, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Иванъ Анисимовичъ дрожащимъ голосомъ, когда я переписывалъ..... я всегда только переписывалъ! А относительно сочиненія, чтобы, такъ сказать, изъ своей головы сочинить что нибудь—преподавалось очень давно! По этому....»

Digitized by Google

И онъ не зналъ чѣмъ кончить начатое оправданіе. Но тутъ Провидѣніе, невидимо покровительствующее несчастнымъ и подающее помощь отчаявающимся, озарило его лучезарною мыслію..... и въ мигъ Иванъ Анисимовичъ начерталъ на черновой бумагѣ слѣдующія слова: *Записка о разныхъ предметахъ.*

Директоръ, посмотрѣвъ на эту надпись, снова улыбнулся и продолжалъ: «Хорошо!.... въ другомъ случаѣ это было бы недостаточно, но теперь именно то и нужно, что въ васъ есть.... Хорошо; вы будете работать у меня въ кабинетѣ. Я извлеку изъ вашей *способности* все полезное и возможное!....»

И Иванъ Анисимовичъ, счастливый милостію директора вступилъ въ отправленіе своей новой должности. Правда, онъ ничего *не сочинялъ,* хотя и назывался секретаремъ, сочинялъ самъ директоръ, а онъ только переписывалъ, просиживая за этимъ занятіемъ цѣлые дни, иногда и ночи, и много переписалъ онъ веленевой бумаги, чисто, четко переписалъ, и директоръ весьма былъ доволенъ его трудолюбіемъ, а еще болѣе его *способностію.*

Digitized by Google

Между тѣмъ случилась перемѣна по Министерству. Министръ захворалъ и поѣхалъ лечиться на теплыя воды; директоръ вступилъ въ управленіе дѣлами, и вскорѣ послѣ того Иванъ Анисимовичъ получилъ ленточку.

Никогда честолюбіе не мучило безмятежной души его. Онъ бы и непорадовался этой наградѣ, если бъ получилъ ее однимъ днемъ раньше. Но теперь, когда въ головѣ его роятся идиллическія мечты, когда онъ можетъ сказать Вильгельминѣ, она же и Миночка: «я получилъ ленточку,» когда она, Минхенъ, можетъ порадоваться, что онъ получилъ ленточку, можетъ подумать, что такой чиновникъ, у котораго ленточка въ петлицѣ, достоинъ ея вниманія.... Теперь онъ цѣнилъ это украшеніе дороже всего на свѣтѣ, кромѣ Минхенъ.

И вотъ онъ опять у герра Германа, за чайнымъ столикомъ, и бѣлая ручка Минхенъ подаетъ ему стаканъ чаю. Тотъ же посторонній Нѣмецъ сидитъ попрежнему въ темномъ углу комнаты, и уже не кашляетъ, а дремлетъ.

Минхенъ снова садится за фортепіано, и играетъ, и поетъ, и улыбается Ивану Ани-

Digitized by Google

симовичу. Иванъ Анисимовичъ готовъ смѣяться и плакать отъ восторга. Онъ садится къ ней ближе, перевертываетъ предъ нею ноты, и такъ ему хочется схватить эту ручку и поцѣловать!....

Но, что же эта шалунья, Минхенъ, не замѣчаетъ, что у Ивана Анисимовича ленточка въ петлицѣ? Онъ ждетъ, долго ждетъ, и наконецъ потерявъ терпѣніе, говоритъ ей:

«Я вамъ похвастаю, Вильгельмина Германовна..... Я только сегодня получилъ, имѣлъ счастіе получить отъ начальства въ награду..... не знаю, впрочемъ, за что... вотъ эту маленькую вещицу.... не всякій имѣетъ!»

— А! ленточка! отвѣчала Минхенъ, разсѣянно взглянувъ на предметъ, къ которому Иванъ Анисимовичъ почтительно прикоснулся пальцемъ. «Ну, что жъ? Кто нынче безъ ленточки? Всякій чиновникъ съ ленточкою. А вотъ я вамъ похвастаю ленточкою... Вотъ ленточка!...

И Минхенъ поспѣшно вынула изъ-за корсета и развернула предъ Иваномъ Анисимовичемъ длинную, голубую ленту. Смѣясь и прыгая вокругъ него она говорила: «вотъ ленточка! Неправда ли, прелесть!» И она

Digitized by Google

поцѣловала ленточку съ такимъ жаромъ, такъ живо, что Ивану Анисимовичу стало какъ-то неловко и совѣстно. Шалунья!

«Да что жъ это за лентòчка такая,» спросилъ онъ въ недоумѣніи: это обыкновенная лента для дамскаго наряда, больше ничего; что въ ней особеннаго?»

— Особеннаго? Это *онъ* мнѣ подарилъ, сію минуту предъ тѣмъ какъ вы пришли. Это *его* первый подарокъ!»

«Его? Чей? Кто же вамъ подарилъ?» спросилъ опять Иванъ Анисимовичъ.

— Онъ, мой женихъ, Готлибъ!

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Ивана Анисимовича. Чувство непріятное, тоскливое, въ которомъ онъ самъ себѣ немогъ дать отчета, поразило его душу. Онъ взглянулъ въ темный уголъ и замѣтилъ, что безсловесная нѣмецкая фигура улыбается самодовольно и даже насмѣшливо...

«Прощайте, Германъ Францовичъ; мое почтеніе, Вильгельмина Германовна!

— Куда же вы торопитесь? Посидите!

«Извините, я только на минутку зашелъ... у меня много работы.... Прощайте; пойду *переписывать!*»

Также какъ вчера, сѣлъ онъ у стола и

Digitized by Google

молчаливо созерцалъ потолокъ своей комнаты. Лице его было блѣдно, дыханіе тяжело.... Крошечная Гретхенъ, весело прянувшая къ нему на колѣни, видя печаль его, долго смотрѣла на него съ дѣтскимъ соболѣзнованіемъ, и въ ея острыхъ глазкахъ засверкали слезы.... А онъ незамѣчалъ участія своей крестницы, томимый однимъ чувствомъ....и много, много тоски и муки выражалось въ словахъ, которыя онъ произносилъ шепотомъ: «Минхенъ... Миночка... *Лепточка!...*»

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЧТЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЧТЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе къ разсказу объ одномъ невѣроятномъ случаѣ.

Разъ какъ-то, проснувшись утромъ, я почувствовалъ непреодолимую охоту написать что нибудь *этакое*, а всему нищему роду извѣстно, какъ трудно у насъ, *по особымъ обстоятельствамъ* писать о чемъ бы то ни было: или попадешь въ просакъ, написавъ что нибудь неудобоваримое для читательскаго желудка, или наживешь замѣчаніе какого либо тонкаго критика, что вотъ-дескать глупость! или, послѣдовавъ великому правилу, что для счастія человѣчества можно писать только въ совершенно-глупомъ родѣ, не попадешь ни во что, ни наживешь ничего!

Въ слѣдствіе этихъ мудрыхъ соображеній,

Digitized by Google

я старался придумать такой предметъ для удовлетворенія упомянутой «*охотѣ написать* что нибудь этакое,» который не цѣнился бы *ни во что,* въ которомъ не было бы ничего, совершенно ничего: ни мысли, ни вымысла, похожаго на правду.... Я думалъ долго, предметъ не являлся, — явился кредиторъ.

Надобно опять повторить общеизвѣстную истину, что нѣтъ ничего непріятнѣе кредитора. Подобные люди даже нестерпимѣе *хорошихъ пріятелей,* неотвязчивѣе *вѣрныхъ друзей* — этой нечистой силы, плодящейся годъ отъ году въ ужасающей прогрессіи, нечистой силы, въ которую невѣруютъ люди, воображающіе себя всезнающими, и вѣруютъ смиренные невѣжды, отыскивающіе знаніе опытностью въ дѣлахъ житейскихъ. Изъ пріятеля и друга еще можно сдѣлать иногда полезное употребленіе, занявъ у него что нибудь, или просто обыгравъ его въ карты, а у кредитора уже не займешь ни гроша, его и не обыграешь. По этому кредиторы безполезнѣе пріятелей, хуже друзей....

Непріятный гость, удостоившій меня своимъ посѣщеніемъ, былъ одинъ изъ са-

Digitized by Google

мыхъ неукротимыхъ демоновъ своего рода. Хотя наконецъ онъ и долженъ былъ уважить абсолютную истину, что денегъ нѣтъ, а если денегъ нѣтъ, то нечего и надоѣдать по пустому, однако, злодѣй оставилъ меня не ранѣе какъ въ полдень, когда приходятъ прочіе кредиторы, точно такъ какъ въ полночь являются изъ могилъ мертвецы. По этой причинѣ я долженствовалъ не быть дома, пока говоръ желудка не разгонитъ незваныхъ гостей по домамъ, какъ крикъ пѣтуха разгоняетъ полуночныхъ бродягъ по могиламъ.

Я отправился на Невскій Проспектъ. Тамъ, говорятъ, встрѣчаются хорошіе *сюжеты;* но это неправда: на Невскомъ встрѣчаются тѣ же кредиторы, и тѣ же пріятели. Разница въ томъ, что Невскій представляетъ многія удобства ускользнуть благороднымъ образомъ отъ тѣхъ и другихъ, а если, напримѣръ, предвидится возможность сдѣлать изъ пріятеля *полезное употребленіе,* можно и самому догнать его, потому что пріятели — народъ чуткій и въ вышеприведенномъ случаѣ сами ускользаютъ съ быстротою молніи, или подобно кредитору, преслѣдующему должника.

Digitized by Google

Заботливо озирая мелькавшія мимо меня лица, съ трудомъ замѣтилъ я у входа въ кандитерскую Беранже одного пріятеля, котораго не видалъ въ теченіе года, со времени его женитьбы. Съ трудомъ, говорю, потому что для этого требовались вся зоркость страха и надежды, волнующихъ душу человѣка, который опасаясь встрѣтиться съ кредиторомъ, не только не боится пріятеля, но самъ идетъ на него бодро и смѣло, готовый въ ту же минуту сдѣлать изъ него хорошее употребленіе.

Годъ назадъ, этотъ человѣкъ, Лука Сидоровичъ Пачкуновъ, мелкій чиновникъ, а еще болѣе мелкій сочинитель, имѣлъ казенную форму, даже казенныя понятія; теперь, напротивъ, это былъ молодой человѣкъ благовидной наружности: трость, пальто, борода и, безъ сомнѣнія, рога. Мужъ, какъ должно быть мужу! Откуда же взялъ онъ всѣ эти блага, онъ, Пачкуновъ?

При встрѣчѣ съ пріятелями обыкновенно говорится: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ; здорова ли ваша супруга,» и тому подобное. Я въ этомъ случаѣ поступаю проще: послѣ обычнаго рукожатія, обращаюсь къ пріятелю съ такою рѣчью:

Digitized by Google

«Ты, вѣроятно, не откажешь обязать меня: одолжи мнѣ, на короткое время, сколько нибудь денегъ, хоть ничтожную сумму, какая у тебя водится.»

Пріятель обыкновенно отвѣчаетъ:

— Очень жаль, что не могу услужить тебѣ. У меня на этотъ разъ нѣтъ ни гроша.

Такова уже пріятеля всегда и всюду! Все, говорятъ, измѣняется къ лучшему, и это, можетъ быть, справедливо во многихъ отношеніяхъ, только не въ отношеніи къ пріятелямъ: они все тѣ же, что были за тысячу лѣтъ. Пали царства и народы, пронеслись вѣки, совершились событія, измѣнившія, и какъ утверждаютъ люди грамотные, усовершенствовавшія человѣчество, а пріятели не измѣнились, не усовершенствовались ни на одинъ рубль.

Между тѣмъ важная причина побуждаетъ меня обращаться съ пріятелями такимъ образомъ; она основывается на глубокомъ, даже, можно сказать, *тонкомъ* соображеніи. Вотъ что: люди — всѣ люди, а не то, чтобы одни только пріятели такъ созданы, что не занимай у нихъ денегъ, не будь имъ долженъ по распискамъ, по запискамъ, по векселямъ, на честное слово и на мѣлокъ, они,

Digitized by Google

эти крокодилы, эти *люди* забудутъ тебя, пренебрегутъ, уничтожатъ!.... Если бъ я былъ долженъ всему полумилліону Петербургскаго народонаселенія, весь этотъ полумилліонъ заботился бы обо мнѣ, о дѣлахъ моихъ, кланялся бы мнѣ при встрѣчѣ, терся бы у меня въ передней!

— Здравствуй, Лука Сидоровичъ! Не торопись! Сказалъ я пріятелю, запустивъ палецъ въ петлю его богатаго пальто. Погоди немного, потолкуемъ....

Лука Сидоровичъ, видя, что ему ускользнуть ни коимъ образомъ нельзя, улыбнулся такъ дружески, что я продолжалъ:

— Тебѣ, можетъ быть, покажется страннымъ, если я, при этой радостной встрѣчѣ, попрошу у тебя взаймы не много.... такъ, что у тебя водится въ бумажникѣ!

«И тебѣ, можетъ быть, покажется страннымъ, отвѣчалъ пріятель съ тою же дружескою улыбкою, если я, при этой радостной встрѣчѣ скажу, что не дамъ тебѣ ни гроша!»

— Вотъ что! Хорошъ пріятель!

«Но, посуди самъ, не опасно ли имѣть съ тобою расчеты: я *слышалъ* одинъ не-

Digitized by Google

пріятный *слухъ*.... говорятъ, будто ты не платишь долговъ!»

— А слышалъ ли ты другой, болѣе непріятный слухъ, что мнѣ не чѣмъ платить долговъ?

— «Въ этомъ ты самъ виноватъ. Надобно умѣть прібрѣтать деньги... А еще писатель! Ну, что, если тебѣ понадобится сдѣлать вдругъ какого нибудь нищаго человѣкомъ порядочнымъ, достаточнымъ, что ты напишешь: что твой герой получилъ наслѣдство? Старая пѣсня, любезнѣйшій! Нынче нищіе не получаютъ богатыхъ наслѣдствъ, и если какой нибудь отряха разбогатѣетъ, то ужъ вѣрно не наслѣдствомъ, а другими, *благоразумными* способами. Ну, какой же ты писатель, когда не въ состояніи не только обогатить своихъ героевъ, но и самому себѣ добыть копѣйку!...

— Напротивъ, я очень хорошо знаю способъ добывать деньги: за труды, дѣло извѣстное, никто не платитъ, и мы съ тобою, какъ люди опытные, всегда посмѣемся мечтамъ политическихъ экономовъ, которые сопрягаютъ трудъ съ вознагражденіемъ, съ богатствомъ. Теоретически и даже логически это такъ, но практически вовсе не

Digitized by Google

такъ: трудъ состоитъ въ законномъ бракѣ съ нуждою, слѣдовательно нечего и ожидать отъ этого союза такого плода какъ довольство, и мы съ тобою знаемъ, что можно жить всякими способами, только не трудомъ! Можно, напримѣръ, сорвать банчикъ, призанять у вѣрнаго друга до благодатнаго перваго числа, когда бы оно ни наступило. И такъ, я надѣюсь, что ты обяжешь меня вдвойнѣ: дашь денегъ взаймы и разскажешь, для моего назиданія и соображенія, нѣсколько *иныхъ* способовъ... на первый случай изъ тѣхъ, которыми ты самъ воспользовался.

«Денегъ не дамъ, сказалъ пріятель такимъ тономъ, что для меня не осталось ни какого сомнѣнія въ его рѣшимости не дать мнѣ денегъ, а что касается до способовъ, продолжалъ онъ, смягчаясь, то это не способы, а одинъ только, геніяльный, точнѣе, бывшій геніяльнымъ способомъ въ то время, когда я изобрѣлъ его. Изволь. Мнѣ не для чего скрываться, потому что онъ уже старъ, избитъ, истертъ, какъ способъ обогащать героевъ повѣсти или романа, посредствомъ наслѣдства.»

Мы зашли въ кандитерскую, закурили

Digitized by Google

сигары, и Лука Сидоровичъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію, которую передаю его словами, съ возможною точностью; но предваряю, что я самъ рѣшительно не вѣрю ему. Пачкуновъ всегда любитъ сочинять что нибудь *изъ своей головы*, въ чемъ не можетъ быть ни какого сомнѣнія по прочтеніи слѣдующей главы.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказъ отставнаго чиновника тринадцатаго класса Луки Сидорова Пачкунова.

«Это случилось вскорѣ послѣ моей женитьбы. Мой и возлюбленной жены моей медовый мѣсяцъ продолжался восемь дней; восемь дней мы были счастливы и находили другъ въ другѣ качества достойныя обожанія. Въ девятый день, утромъ, за чайнымъ столикомъ, мы поссорились. Извѣстно, что супругамъ трудно только въ первый разъ поссориться, а тамъ уже ссора сдѣлается удобною, легкою, необходимою. Мы стали браниться, сначала нѣжно, учтиво, тонко и будто не охотно, потомъ проще, наконецъ очень просто, съ явнымъ намѣреніемъ браниться до преставленія свѣта; но, увы! и на это занятіе мы употребили не болѣе двухъ недѣль. Потомъ у насъ не достало ни силы, ни терпѣнія браниться, и мы стали скучать.

Не совѣтую никому жениться съ тою

Digitized by Google

цѣлью, чтобы весь вѣкъ браниться. Пустой расчетъ! Дознано опытомъ, что супружеское счастіе продолжается одинъ мѣсяцъ: двѣ недѣли супруги счастливы любовью, и двѣ недѣли ссорою; потомъ блаженство любви и ссоры истощается и остается жестокая, томительная скука, а скука—значитъ совершенное несчастіе.

По прошествіи двухъ недѣль постоянной нашей ссоры, мы уже не чувствовали одинъ къ другой ни любви, ни вражды, и молчаливо сидѣли за тѣмъ же самымъ столикомъ, подъ гнетомъ вышеупомянутой скуки. Я курилъ сигару и думалъ, что, вотъ дескать, и скучно! Жена вязала чулокъ и, вѣроятно, думала то же. Наконецъ, кое-какъ между нами завязался разговоръ.

— Боже мой, какая скука! сказала жена моя.

«Скучно, очень скучно, душенька, да что дѣлать! Таково уже наше положеніе, отвѣчалъ я, зѣвая.

— Развѣ мы для того женились, чтобъ скучать! Это ужасно! Если бы ты взялъ ложу въ Италіянской Оперѣ, все таки мы имѣли бы какое нибудь развлеченіе.

«Ложу! легко сказать—ложу! Что, я по-

Digitized by Google

мѣщикъ съ пятью тысячами душъ, или журналистъ съ пятью тысячами подписчиковъ! Вотъ, если бъ ты отдала въ мое распоряженіе ломбардный билетъ, которымъ благословила тебя наша добрая маменька! Я взялся бы доставить тебѣ тысячу удовольствій. О! Я не умѣю наживать и беречь денегъ, но издерживать ихъ, тратить со вкусомъ — это мое дѣло.»

— А что будетъ послѣ, когда ты истратишь со вкусомъ наши послѣднія деньги? Нѣтъ, надобно обойтись безъ издержекъ. И мало ли какихъ удовольствій, развлеченій простыхъ, дешевыхъ!... Напримѣръ, если бы ты написалъ что нибудь такое, за что бы назвали тебя *геніемъ*. Очень пріятно быть женою генія! Совсѣмъ другое значеніе! Я бы тебя обожала, если бъ ты былъ геній!

«Ахъ, матушка! неужели ты не поняла по сію пору, что я геній, давно геній!»

— Почему же не пишутъ объ этомъ?

«Потому, что я за четыре тома своихъ стихотвореній получилъ десять рублей серебромъ; за трактатъ о соціяльной гуманности и гуманической соціяльности получилъ два съ полтиною. Не возьми я деньгами, взялъ бы чиномъ генія — дѣло из-

Digitized by Google

вѣстное! Двухъ наградъ за одну заслугу не даютъ, особливо такіе расчетливые люди какъ журналисты...»

— Но неужели ты не можешь разомъ взять деньги и получить названіе генія?

«Хорошо! Какъ только я окончу мою «*Исторію Достославныхъ Отвлеченностей*,» я получу разомъ и названіе генія, и пять рублей серебромъ... Трудъ великій! Онъ будетъ напечатанъ въ двѣнадцати книжкахъ одного толстаго журнала, отрывками.»

— Ты пишешь Исторію! Да гдѣ же твои *источники?* У тебя нѣтъ ни одной исторической книги объ этомъ предметѣ.

«Ахъ, душенька, ты вовсе не смыслишь въ Русской Литературѣ. Неужели я буду такъ *глупъ*, что рѣшусь написать Исторію *хорошо*, т. е., основать ее на фактахъ и только на фактахъ? Нѣтъ! Слава Богу, у меня достанетъ всегда способностей на сочиненіе Исторіи *по-Русски*. Я, сударыня, знаю, что такое обязанность Русскаго Историка, и буду историкомъ не хуже другихъ!»

— Но все же, если ты и получишь за эту Исторію названіе генія, не мѣшало бы достать побольше денегъ. Достань, пожалуй-

Digitized by Google

ста! Неужели у тебя нѣтъ ни какихъ другихъ способностей?

«Кажется, я доказалъ тебѣ, въ теченіе тридцати дней и тридцати ночей нашего счастливаго супружества, что обладаю отличными способностями...»

— Что эти способности! Надобно разнообразить жизнь, чтобъ не умереть со скуки; надобно достать денегъ на необходимыя развлеченія!

Доводы жены моей были ясны и неоспоримы. Безъ денегъ и, слѣдовательно, безъ *иныхъ* развлеченій, мы были въ опасности умереть отъ скуки. Я сталъ размышлять о томъ, какимъ бы образомъ добыть денегъ, и по долгому соображенію многаго множества способовъ нажить копѣйку, избралъ тотъ, который казался мнѣ наилучшимъ и явствуетъ изъ слѣдующихъ моихъ подвиговъ.

Я отправилъ къ редактору одного журнала сто рублей серебромъ, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь!

«Наступающій Великій Постъ побуждаетъ каждаго Христіанина озаботиться о душѣ своей. Движимые состраданіемъ къ страждущему человѣчеству, имѣемъ честь пред-

Digitized by Google

ставить вамъ, м. г., по мѣрѣ нашихъ способовъ, сто рублей серебромъ, и покорно просимъ употребить ихъ на облегченіе участи вышеозначеннаго человѣчества по вашему благоусмотрѣнію.

Затѣмъ имѣемъ честь быть и проч.

Супруги: Лука Сидоровъ Пачкуновъ, отставной чиновникъ 13-го класса и кавалеръ.

Анна Кузьмина Пачкунова, отставная 13-го класса чиновница.

Жительство имѣемъ въ Садовой, въ домѣ подъ No 7777, въ пятомъ этажѣ на заднемъ дворѣ.

Чрезъ три дня, въ газетѣ было напечатано трогательное изъявленіе благодарности двадцати-пяти страждущихъ семействъ, благотворителямъ-супругамъ Пачкуновымъ.

Давнымъ давно я сочинилъ и собственнымъ иждивеніемъ напечаталъ оду одного содержанія но подъ двумя названіями. Триста экземпляровъ этой оды носили такое заглавіе: «*Ода въ честь Гуманической соціальности, сочиненіе Луки Пачкунова, цѣна 15 рублей;* другіе триста экземпляровъ назывались «*Одою въ честь соціальной Гу.*

Digitized by Google

манности, сочиненіе Луки Пачкунова, цѣна 15 рублей.» Эта ода семь лѣтъ покоилась въ магазинѣ Смирдина, никто не покупалъ ее, никто не читалъ; но какъ въ ней много говорилось о колоссальности и просто сальности, то крысы, не имѣя понятія въ отборныхъ, модныхъ выраженіяхъ, употребляемыхъ въ Русской Литературѣ, и разумѣя *сальность* по своему, съѣли четыреста восемьдесятъ экземпляровъ.

Когда вѣсть о моей благотворительности на листкахъ газеты разнеслась по всему Петербургу и по всей Россіи, я извлекъ изъ тмы кромешной остальные двѣсти восемьдесятъ экземпляровъ своей поэмы и разослалъ ихъ ко всѣмъ достаточнымъ людямъ въ Петербургѣ, чиновникамъ и купцамъ, при слѣдующемъ циркулярѣ:

«Милостивый государь!

Извѣстное человѣколюбіе ваше, милосердіе къ страждущему человѣчеству, высокое просвѣщеніе и патріотическая любовь къ произведеніямъ Изящной Россійской Словесности, а кольми паче поэзіи, даетъ мнѣ смѣлость поднести вамъ сію оду, изданную въ пользу одного бѣднаго, пораженнаго несчастіями семейства. Слѣдуемыя

Digitized by Google

за оную деньги, имѣющія быть употребленными на облегченіе тяжкаго жребія означеннаго пораженнаго несчастіями семейства, а также и бо́льшую сумму, если соизволите пожертвовать съ толикою Христіанскою цѣлію, благоволите вручить подательницѣ сего.

Примите увѣреніе и проч.

Лука Пачкуновъ.»

Нанятъ былъ, за три цѣлковыхъ, *лихачъ* на весь день. Я уложилъ въ сани двѣсти восемьдесятъ конвертовъ съ моею одою, и давъ нужныя наставленія своей кухаркѣ, Матренѣ, бабѣ очень умной, разумѣющей поварское и грамотное дѣло, отправилъ ее кататься по Петербургу и развозить конверты по адресамъ.

Не раньше какъ въ семь часовъ вечера возвратилась моя Матрена, усталая, измученная, съ большимъ узломъ цѣлковыхъ, полуимперіяловъ, ассигнацій и депозитныхъ билетовъ. Жена моя, дотолѣ не подозрѣвавшая во мнѣ *пріобрѣтательныхъ* способностей, была въ восторгѣ отъ моего благотворительнаго подвига. Она кинулась ко мнѣ на шею и расцѣловала меня со всѣмъ жаромъ супружеской любви, возбужденной предчувствіемъ грядущихъ развлеченій.

Digitized by Google

«Видишь, жена, замѣтилъ я строго: сознайся, что ты виновата!»

— Виновата, душенька, очень виновата! Поѣдемъ скорѣе въ Англійскій магазинъ!

«Что? Развѣ затѣмъ я собралъ деньги! Нѣтъ, матушка! Благотворить такъ благотворить! Подвигъ нашъ еще не конченъ. Еще мы должны дать концертъ въ пользу бѣдныхъ. Приготовляйся: я буду играть на скрипкѣ, ты будешь пѣть. Живо, матушка! Тебя ждутъ рукоплесканія счастливцевъ и благословенія несчастныхъ!»

Я вновь отправилъ къ тому же редактору сто рублей, объяснивъ, что они выручены за мои оды, въ честь гуманической соціальности и соціальной гуманности, и что если ему, г-ну редактору, благоугодно содѣйствовать моему намѣренію, то я съ женою готовъ дать, на второй недѣлѣ поста, концертъ, котораго достоинство заключается не въ талантахъ нашихъ, на что мы и не имѣемъ притязанія, а въ его благотворительной цѣли.

Журналъ объявилъ о новомъ подвигѣ *извѣстныхъ* своею благотворительностію супруговъ Пачкуновыхъ, и объ ожидающемъ Петербургскую публику двойномъ, соеди-

Digitized by Google

ненномъ наслажденіи изящнымъ и благотвореніемъ. И должно отдать справедливость всѣмъ, до кого это относится, что если мы въ дѣлахъ человѣколюбія удивительные шарлатаны, за то въ подвигахъ шарлатанства истинные, неподдѣльные Христіане!.. Двумя предшествующими благотвореніями я до такой степени прославился, что всѣ къ кому я ни являлся съ билетами на свой концертъ, спѣшили заплатить мнѣ вдвое, втрое, только бы скорѣе избавиться моего присутствія, не возбудить во мнѣ новой, благотворительной идеи, новаго, опаснѣйшаго посягательства на ихъ карманы. Иные просто прятались, считая меня такимъ отчаяннымъ благотворителемъ, что я, не боясь Бога, потребую у нихъ въ пользу нищихъ и Богъ вѣсть какихъ пожертвованій! А отказать мнѣ было почти невозможно: обычай умный, благородный обычай предалъ бы анаѳемѣ дерзновеннаго, который отрекся бы отъ публичной благотворительности подъ тѣмъ предлогомъ... не помню, какъ тамъ сказано!

И точно, я, *воскриленный* успѣхомъ своей мысли, пришелъ въ такое изступленіе, что если бы мнѣ дали ходъ, если бы полиція, готовая взять на съѣзжую самого

Digitized by Google

праведнаго мужа, вытащившаго у богатаго ближняго бумажникъ для вспоможенія бѣдному ближнему, если бы, говорю, эта полиція, по причинѣ необычайнаго моего человѣколюбія не вздумала взять меня, не на съѣзжую, а *на замѣчаніе*, я, клянусь, сдѣлалъ бы изъ этого многолюднаго города самую праведную богадѣльню!

Волею или неволею публика Петербургская наполнила большую залу, которая то же, ради благотворительности моей, была предоставлена мнѣ безплатно, освѣщена и приготовлена на счетъ владѣльца дома. И вотъ я сталъ играть, точнѣе *пилить* на скрипкѣ, а жена моя запѣла! Можешь себѣ представить!... А предъ нами Петербургъ молчаливый, умиленный.... О! эта сцена была невыразимо трогательна, особливо при взглядѣ на Петербургъ, принужденный за свою благотворительность терпѣть, по моему соображенію, адскую пытку! И съ какимъ самопожертвованіемъ, съ какою стоическою твердостію этотъ чудный, блестящій, образованный, изнѣженный городъ выдерживалъ терзаніе! Уже мы, артисты и законные супруги Пачкуновы, уставали работать, а онъ не уставалъ насъ слушать,

Digitized by Google

насъ палачей своихъ! Наконецъ *комедія кончилась*, и только что она кончилась, Петербургъ шаркнулъ стульями и — бѣжать! О! какъ бѣжалъ онъ, великій Петербургъ, отъ насъ, маленькихъ, ничтожныхъ людей, сильныхъ единымъ человѣколюбіемъ!

Послѣ этого концерта я составилъ было геніяльный планъ самой отчаянной благотворительности. Я хотѣлъ, именемъ человѣколюбія, потрясти всѣ сундуки, опустошить всѣ кошельки, всѣ бумажники! Но несуждено было исполниться великой идеѣ, и я долженъ былъ кончить свое поприще въ самомъ началѣ.

Утомленные своего благотворительною игрою взобравшись на свой пятый этажъ, что на заднемъ дворѣ, и оглядѣвшись въ своей скромной квартирѣ, мы рѣшили, что если послѣ нашихъ подвиговъ еще остались въ какомъ нибудь углу Петербурга бѣдные и страждущіе люди, которыхъ миновала благость наша, то, конечно, это мы сами; слѣдовательно, мы имѣли полное право пожать наконецъ плоды нашего человѣколюбія.

Послѣ того мы наняли хорошую квартиру на Литейной; накупили мебелей; абониро-

Digitized by Google

вали ложу въ Италіянской Оперѣ; но, должно признаться, все таки жестоко скучали и часто ссорились. Однажды, проходя по Невскому и размышляя о средствахъ къ водворенію между нами любви и спокойствія, я зашелъ въ новооткрытый магазинъ; тамъ, любуясь разными машинами, я былъ пораженъ видомъ и устройствомъ одной изъ нихъ: кушетка не кушетка, столъ не столъ, Аллахъ вѣдаетъ, что за мебель такая была. Я спросилъ объ этомъ у магазинщика.

Ты, вѣроятно, читалъ въ газетахъ, что какой-то механикъ и мудрецъ во Франціи изобрѣлъ чудную, таинственную мебель: *супружеское, огнепостоянное ложе?* Мебель, которая обратила мое вниманіе, было это пресловутое ложе! Такъ какъ во всемъ магазинѣ и даже во всемъ Петербургѣ не было другаго ложа такого драгоцѣннаго свойства, то я и немогъ поторговаться какъ слѣдуетъ съ магазинщикомъ, который зналъ великую важность своей машины для супруговъ, подобныхъ намъ, Пачкуновымъ. Заплативъ за нее тысячу рублей, я съ торжествомъ повезъ ее домой, и, представь себѣ, не смотря на дороговизну этого ложа, человѣкъ двадцать же-

Digitized by Google

натыхъ пріятелей, повстрѣчавшихся со мною въ это время, узнавъ отъ меня о чудныхъ свойствахъ моей покупки, давали мнѣ за уступку ея большой барышъ; но я и слушать объ этомъ нехотѣлъ. За мною, по Невскому, валила толпа народа, состоявшая изъ счастливыхъ супруговъ, съ молчаливою завистію взиравшихъ на благодатную машину!

Жена моя дремала за журналомъ, когда дворникъ, съ помощію десяти постороннихъ мужиковъ, подъ моимъ предводительствомъ, внесъ и поставилъ посреди нашей спальни *огнепостоянное ложе*. Странный видъ и огромные размѣры его сначала испугали жену: она сочла эту неоцѣненную мебель чѣмъ-то въ родѣ адской машины; но когда я вывелъ ее изъ заблужденія, она пришла въ восторгъ, тотчасъ распорядилась вынести нашу старую кровать на чердакъ, и въ своемъ женскомъ нетерпѣніи едва дождалась узаконенной минуты, въ которую надлежало испытать спасительное вліяніе сопружескаго огнепостояннаго ложа.

Съ того времени мы живемъ припѣваючи, не скучаемъ, не ссоримся, и любимъ другъ

Digitized by Google

друга усовершенствованною, патентованною, магнетическо-соціально-гуманическою любовію!

Блаженство нашей жизни было только однажды возмущено слухомъ, будто хотятъ насъ, какъ отъявленныхъ благодѣтелей рода человѣческаго, выслать изъ Петербурга и запретить намъ въѣздъ въ обѣ столицы. Мы порядочно струсили; но къ счастію, моимъ примѣромъ воспользовались столь многіе, изобрѣтенный мною способъ публичныхъ благодѣяній роду человѣческому вошелъ въ такое употребленіе, что если выслать всѣхъ, кому любовь къ человѣчеству набиваетъ карманъ и служитъ блаженнымъ способомъ къ обрабатыванію грѣшныхъ дѣлъ, то самый большой городъ будетъ не люднѣе какого нибудь Сольвычегодска!»

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Заключеніе.

Съ уваженіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ я на моего пріятеля. Нежданно-негаданно нашелъ я предметъ для статьи совершенно согласный съ условіями Россійскаго книжничества; но какое названіе дать этому разсказу, невѣроятному и, *вѣроятно*, вымышленному, потому что пріятель мой, какъ выше сказано, любитъ то же сочинить что нибудь *этакое*. Благотворитель? Нельзя! Оскорбится народная нравственность; шарлатанъ? Неловко окрестить пріятеля этимъ наименованіемъ!

«Что' ты за человѣкъ теперь? спросилъ я у пріятеля. Не можетъ быть, чтобы ты былъ геній, или великій человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ геніевъ и великихъ людей, которые безпрестанно встрѣчаются здѣсь, на Невскомъ. Ты несравненно выше ихъ! Судя по твоимъ подвигамъ, если ты ихъ не-

Digitized by Google

сочинилъ, ты не меньше какъ *порядочный* человѣкъ!

— Самъ ты порядочный человѣкъ, отвѣчалъ мнѣ Лука Сидоровичъ, видимо обиженный. Неужели ты не понимаешь, что порядочный человѣкъ въ состояніи только сорвать банкъ, или занять у пріятеля безъ отдачи; но кто возвысился до соціальной благотворительности, самоотверженія изъ любви къ ближнему, кто публично, безнаказанно облегчалъ участь страждущаго человѣчества, тотъ — внимай, профанъ, тотъ уже сущій абсолютный, *почтенный человѣкъ!*

Digitized by Google

ВИТКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

БИТВА.

Жаль, что день отъ дня теряютъ свое значеніе въ Русскомъ Языкѣ и вовсе выходятъ изъ употребленія многія древнія, сильныя, мѣткія слова, тѣснимыя иными чужеязычными словами, будто потому, что языкъ нашъ бѣденъ, невыразителенъ! Нынѣ, напримѣръ, въ большомъ ходу слово *геній*. Стоитъ освѣдомиться, кого и за что величаютъ геніемъ. Журнальный сотрудникъ, которому разсчетливый редакторъ, или издатель журнала, не находитъ нужнымъ платить за трудъ, называется, для поощренія, геніемъ, а между тѣмъ онъ не геній, а только литературный *чернорабочій*. Въ канцеляріи, человѣкъ, совершенно владѣющій казеннымъ слогомъ, умѣющій запутать дѣло подьяческими крючками, съ одинаковымъ совершенствомъ пишущій и переписывающій слыветъ геніемъ, а онъ

Digitized by Google

только *строка*, и доселѣ законно и понятно придается названіе строки людямъ вышесчисленныхъ доблестей, обитающимъ въ степныхъ губерніяхъ, куда еще не достигъ бичъ безтолковыхъ нововведеній. Мелкій человѣкъ, ни разу не попавшійся въ кражѣ казенныхъ денегъ, тоже находитъ панегиристовъ, которые глупо увѣряютъ его и себя будто онъ геній; но онъ мелкій человѣкъ съ вытертыми локтями, по совѣсти, не болѣе какъ *воръ*, въ новѣйшемъ значеніи слова. Даже купечество Россійское приняло въ *свой* языкъ бусурманское слово, хотя, кажется, и не кстати бы Русскому человѣку крестить себя Нѣмецкимъ прозвищемъ; но вотъ причина: слышали мы отъ людей чиновныхъ и ученыхъ, что Наполеонъ былъ *геній;* по этому, что бы ни значило такое мудреное слово, все таки очень пріятно носить одно названіе съ Наполеономъ. О, Наполеонъ! Наполеонъ — и геній! Много Русскихъ разумныхъ головъ закружились отъ этихъ двухъ словъ, и вотъ: давно ли обанкрутился какой-то откупщикъ, давно ли онъ обезпечилъ себя десяткомъ домовъ, выстроенныхъ и купленныхъ на *женино имя*, на казенныя деньги и на достоя-

Digitized by Google

ніе тысячи обманутыхъ за *благородную* довѣренность достаточныхъ семействъ, которымъ уже не бывать достаточными, а итти по міру и просить милостыню ради Христа; дадно ли? И уже *всѣ*, знающіе этотъ чудный коммерческій оборотъ, кричатъ: Карпъ Карповичъ второй Наполеонъ, даже — Карпъ Карповичъ *второй геній!* Но, стою за значеніе Наполеона и генія (съ полнымъ сознаніемъ, что для Наполеона и генія нѣтъ въ томъ ни какой надобности), и опять скажу: это также не геній, это все таки *воръ*, но не въ нынѣшнемъ, слабомъ смыслѣ, это воръ въ древнемъ, обширномъ значеніи слова.

Далѣе, геніемъ называютъ такого человѣка, котораго нельзя назвать ни чернорабочимъ, ни строкою, ни воромъ, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, человѣка, который не что иное какъ *битка*.

Идетъ рѣчь о биткѣ.

Въ Петербургѣ существуетъ безчисленное, извѣстное только полиціи, количество гостинницъ, трактировъ, харчевенъ и «съѣстныхъ заведеній,» вообще называемыхъ трактирами. Эти заведенія отличаются одно отъ другаго своими нравами и обязанностями, своими замысловатыми вывѣсками и каче-

Digitized by Google

ствомъ своихъ посѣтителей. Есть трактиры или гостинницы, гдѣ въ дверяхъ стоитъ швейцаръ съ булавою; есть трактиры или харчевни, гдѣ швейцары и другіе крѣпко позолоченые люди составляютъ высшій классъ посѣтителей.

Средину между этими заведеніями занимаетъ Русскій трактиръ на Нѣмецкую стать, гдѣ хозяинъ старовѣръ, мужъ, преисполненный благочестія и ненависти къ табаку; гдѣ прислугу составляютъ *молодцы* изъ Ярославскихъ крестьянъ, одѣтые по-Нѣмецки, остриженные подъ *ла-вержетъ*, отчаянные любители табаку и горничныхъ; гдѣ во всѣхъ углахъ теплится неугасимый огонь.....

Трактиръ этого рода стоитъ на перекресткѣ двухъ улицъ. Надъ двумя входами въ него красуются вывѣски, на одной изъ нихъ начертана простая надпись: *въ хотѣ въ трахъ-тыръ городъ Кытай съ свеоные кушаньи;* на другой эта надпись, для вящшаго уразумѣнія проходящихъ, въ которыхъ предполагаются и люди, невѣдающіе книжной мудрости, повторяется іероглифами, имѣющими видъ чайника, сахарницы, графинчика, билліарда и двухъ человѣческихъ

Digitized by Google

фигуръ, которыхъ головы, безъ посредства шеи, приставлены прямо къ плечамъ; отъ плечъ проведены, одинакой мѣры, четыре отрасли на подобіе рукъ и ногъ.

Благочиніе, въ лицѣ будочника, постоянно блюдетъ за надлежащею тишиною и водворяетъ порядокъ въ самомъ трактирѣ по востребованію, и на два шага въ окрестности по личному благоусмотрѣнію.

Утромъ, въ шесть часовъ, трактирная команда пробуждается. Лишь только полусонный Петрушка открываетъ *въ хотъ въ трахтыръ*, является посѣтитель: лице блѣдное, на подобіе старой, бывшей нѣкогда бѣлою, лайковой перчатки, глаза тусклые, оловянные, борода небритая съ полгода; сертукъ казеннаго цвѣта, трижды вывороченный, и нѣкоторое подобіе жилета и панталонъ — пасквиль на панталоны и жилеты.

«А! Самсонъ Самсоновичъ! Поздненько вы сегодня!» говоритъ ему Петрушка.

— Проспалъ, отвѣчаетъ Самсонъ Самсоновичъ: очень тепло было. Хоть и не комната, а также тепло какъ бы и въ комнатѣ. Одѣяло и прочее дали не въ счетъ. Очень хорошіе люди!

Самсонъ Самсоновичъ самый постоянный

Digitized by Google

посѣтитель *Кытая*. Въ теченіе десяти лѣтъ каждый день проводитъ онъ въ этомъ трактирѣ. Гдѣ-то въ подвалѣ, на чердакѣ, или въ сараѣ онъ имѣетъ *квартиру*, тамъ онъ ночуетъ; но въ шесть часовъ утра онъ уже въ *Кытаѣ*. Половые, съ которыми онъ очень друженъ, приглашаютъ его пить чай, и онъ, сказавъ, что уже выпилъ *дома* восемь стакановъ, садится покушать, такъ, для компаніи. Потомъ уходитъ въ уединенную комнату, ложится на диванъ и спитъ до вечера, если не разбудятъ его въ теченіе дня новые посѣтители. Знающіе Самсона Самсоновича не прерываютъ покоя его, садятся на другомъ диванѣ и говорятъ: «пусть себѣ спитъ, Самсонъ Самсоновичъ!»

Вслѣдъ за Самсонъ Самсоновичемъ валитъ въ черную половину трактира толпа извощиковъ; партіи человѣка по четыре, требуютъ «собрать чайку на гривенничекъ, *получше давешняго, да поскорѣйча; оченно-больно нѣкогда!*»

«И Пчелку сегодняшнюю подавай!» прибавилъ Митюха, грамотѣй.

— Што Пчелку! восклицаетъ другой грамотѣй, Андрюха: подай Полицейскую!

«Не приносили еще » отвѣчаетъ половой.

Digitized by Google

— Ну, хоть вчерашню. Все равно!

Послѣ четырнадцатой чашечки чайку, у раннихъ посѣтителей завязывается разговоръ, бесѣда. Эти *господа* не любятъ толковать о пустякахъ. Хотя они читаютъ Пчелку, иные даже Полицейскую, однако вниманіе ихъ обращается исключительно на предметы выспренніе.

«Слышь, Андрюха!»

— Что вычиталъ, Митюха?

«Получено двѣсти тысячъ зубовъ какихъ-то, бѣсъ ихъ знаетъ, патентованныхъ, усовершенствованныхъ, механическихъ.....»

— О! я знаю, прерываетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, Кирюха.

«Это, ребята, зубы-самогрызы!»

— Ужъ не тѣ ли?

«Тѣ самые, что отъ двѣнадцати лихорадокъ и отъ самого бурмистра отгрызутся!»

— Вотъ кстати бы тебѣ, Митюха, говоритъ Кирюха, лукаво перемигиваясь съ прочими товарищами: кстати бы послать гостинца женѣ, хоть парочку зубовъ-самогрызовъ. Вишъ, она, сердечная, такая смиренница!

Общій хохотъ.

«Стой, ребята! Молчите и слушайте!» восклицаютъ оба грамотѣя.

Digitized by Google

— Што, овесъ вздорожалъ? вопрошаютъ профаны неграмотные.

«Какой тамъ овесъ!» отвѣчаетъ Митюха: «кончина свѣта будетъ!»

— Мало чего нѣтъ! Не смотри полиція, давно бы была кончина свѣта! И будетъ! Было жъ затмѣніе; вздорожала же водка! Прежде чего стоила косушка, а теперь что стоитъ? Будетъ, я вамъ говорю, ребята, будетъ страшный судъ на Пулковой Горѣ: тамъ уже и домъ такой выстроили. День и ночь смотрятъ на небо: чуть только покажется что нибудь такое, сейчасъ дадутъ знать въ полицію.....

Разговоръ въ этомъ духѣ, оставляемый уходящими, поддерживается остающимися и продолжается новыми посѣтителями во весь день. Онъ пріятно разнообразится разсказами извощиковъ о томъ, какъ одному изъ нихъ попался очень щедрый баринъ, три рубля серебромъ пожаловалъ и четыре оплеухи далъ, чтобъ его чортъ взялъ; какъ другой, весь день возилъ пьяныхъ подъ прикрытіемъ полиціи; какъ третьему сѣдокъ обѣщалъ выслать цѣлковый за то, что цѣлый день ѣздилъ, да невыслалъ; какъ четвертый видѣлъ въ полночь чорта у Казан-

Digitized by Google

скаго Моста. Дѣйствіе оканчивается въ одиннадцать часовъ ночи общею жалобою на худое время, на кузнецовъ и на дороговизну овса и водки.

Оборванный мальчишка съ утра до ночи стоитъ у входа въ такъ называемую *чистую половину*. Не смотря на его неизрачность, на его видимое, осязаемое ничтожество, въ немъ предполагаются превосходныя критическія способности, и роль его у этого входа весьма важна: при появленіи посѣтителя, онъ долженъ однимъ взглядомъ, быстрымъ и вѣрнымъ окинуть его съ ногъ до головы, и рѣшить въ какую изъ двухъ половинъ указать или отворить ему дверь. Этотъ глубокій критикъ до такой степени навострился въ своей должности, что для составленія себѣ точнаго понятія о посѣтителѣ, считаетъ достаточнымъ взглянуть только на локти и сапоги его.

Съ десяти часовъ утра *чистая половина* трактира наполняется почетными гостями: подрядчиками, поставляющими припасы и гробы въ госпитали и больницы, строющими казенныя зданія и содержащими въ нихъ надлежащую чистоту. Едва только они сѣли, является самъ трактирщикъ для засви-

Digitized by Google

дѣтельствованія имъ *решпектовъ*. Только подрядчики, поставщики и содержатели чистоты имѣютъ въ себѣ что-то такое, вызывающее трактирщика на особенное вниманіе къ нимъ, на собесѣдничество съ ними. Это, можетъ быть, происходитъ отъ общей охоты потолковать о политикѣ, въ которой съ одной стороны посѣтители весьма недалеки, потому что они читаютъ въ газетахъ одни только объявленія о торгахъ на подряды и поставки, а съ другой, трактирщикъ, читающій ежедневно газеты отъ заглавія до подписи цензоровъ, такъ силенъ, что чувствуетъ непреодолимое стремленіе высказывать свои мысли о Китайскихъ и Испанскихъ дѣлахъ и ставить слушателей въ тупикъ своимъ многознаніемъ.

«Ну, Кузьма Терентьевичъ, что новаго, что хорошаго у васъ?» спрашиваетъ поставщикъ припасовъ.

— Плохо, Терентій Кузьмичъ, отвѣчаетъ трактирщикъ со вздохомъ: очень плохо! Въ Китаѣ, не въ моемъ, а въ настоящемъ Китаѣ, торговля совсѣмъ остановилась. Англичане столько товаровъ навезли, что и дѣвать некуда. Быть войнѣ!

«Когда-то она будетъ, замѣчаетъ тоже

Digitized by Google

со вздохомъ поставщикъ гробовъ: а нашему брату прійдется съ голоду умереть. У меня своего товара столько накопилось, что и не знаю какъ съ рукъ сбыть. Просто Божеское наказаніе!»

— Думайте, какъ хотите, а война будетъ, продолжаетъ трактирщикъ. Пусть только Англичане построятъ у насъ желѣзныя дороги, а тамъ уже можно имъ и встряску задать!

«Ну, что, скажите пожалуйста, эти желѣзныя дороги,» спрашиваетъ содержатель чистоты: «я слышалъ отъ многихъ, отъ людей очень грамотныхъ..... Вотъ, напримѣръ, Евтѣй Лукичъ, всякую вещь разумѣетъ порядкомъ: желѣзо ли старое, ржавое, поставить вмѣсто новаго; гробы ли гнилые, вмѣсто прочныхъ, казенныхъ, все обработаетъ. Очень умный и праведный человѣкъ, говоритъ, что эти дороги просто дьявольское навожденіе.»

— Пустяки! возражаетъ трактирщикъ. Вашъ Евтѣй Лукичъ просто ханжа. Если бъ было что нибудь нечистое, такъ на то есть законы!

Трактирщикъ выразительно взглянулъ на подрядчиковъ, и какъ дѣло приходило къ

Digitized by Google

расчету, то онъ поклонился имъ и ушелъ. Вслѣдъ ему раздались восклицанія: «О! что это за голова Кузьма Терентьевичъ! Не даромъ же пишутъ въ книгахъ, что Русскій народъ *ко всему* способенъ!.... Просто сказать, побесѣдовавши съ нимъ полчаса, поумнѣешь на цѣлый день!»

Между тѣмъ появляются люди грамотные, книжные, письменные. Съ трехъ часовъ трактиръ преисполненъ чиновниками, конторщиками, просидѣвшими восемь часовъ сряду надъ отношеніями и счетами. Въ трактиръ они ходятъ для того, чтобъ убить время, прочитать газеты и повстрѣчаться съ пріятелемъ, у котораго водятся деньги, а есть между ними и такіе, которые не ожидаютъ встрѣчи съ пріятелями и требуютъ поскорѣе водочки крафинчикъ, чаю, закусить этакъ чего нибудь, и прочитать то же что нибудь.

Въ это время Самсонъ Самсоновичъ пробуждается, оправляетъ свой вѣчно неизмѣнный туалетъ, маневрируетъ вокругъ чиновниковъ, и наконецъ подходитъ къ одному изъ нихъ, который по нѣкоторымъ причинамъ пребывалъ въ умилительномъ состояніи.

Digitized by Google

«Вы меня извините,» говоритъ ему Самсонъ Самсоновичъ трогательнымъ голосомъ.

— Не за что! отвѣчаетъ чиновникъ, пребывающій въ умилительномъ состояніи.

«Нѣтъ! Вы меня извините. Вѣдь это у васъ березовка, или тысячелистникъ?»

— Это березовка, сопровождаемая телятиною!

«Такъ я и думалъ! Березовку сейчасъ замѣтно даже издали: совсѣмъ особый цвѣтъ имѣетъ.»

— Не угодно ли вамъ?

«Покорно благодарю! Я не употребляю.... но, за ваше здоровье!»

— Покорно благодарю! Не хотите ли закусить?.... вотъ.....

«Покорно благодарю! Я только что пообѣдалъ, очень хорошо пообѣдалъ, три блюда такіе..... Развѣ еще одну выпить для аппетита. За ваше здоровье!»

Самсонъ Самсоновичъ овладѣваетъ березовкою, сопровождаемою телятиною. Посѣтитель, лишенный половины обѣда, выходитъ изъ умилительнаго состоянія и мысленно посылаетъ Самсона Самсоновича къ чорту; а между тѣмъ Самсонъ Самсоновичъ

Digitized by Google

ускользаетъ въ другую комнату и подходитъ къ другому лицу.

«Вы меня извините, если я спрошу у васъ, что это вы кушать изволите: карамбамбулевую, или сорокалиственную, или же.....»

— Это Адамовы слезы!

«Такъ-съ! Адамовы слезы видны по цвѣту..... Очень пріятный цвѣтъ для глазъ, не то чтобы зеленый и, нельзя сказать, чтобы мундирный; а о вкусѣ и говорить нечего! Весьма усладительно, хотя съ одной стороны и горько!.....

Трактиръ, *городъ Кытай*, издавна славится, а въ трактирѣ славится буфетчикъ, особеннымъ приготовленіемъ Адамовыхъ слезъ по новѣйшему, усовершенствованному способу, и многіе, очень многіе хорошіе люди услаждаютъ свои горести этими горькими слезами, и кто, говорятъ, приметъ соразмѣрное количество этихъ капель, или слезъ, тотъ забываетъ и скуку, и горе, и оскорбленіе любви, и непріятности по службѣ, и были будто бы такіе люди изъ числа чиновныхъ, казенныхъ людей, ничего не пѣвшіе, не пившіе, не писавшіе, а только переписывавшіе, которые, подъ бла-

Digitized by Google

годатнымъ вліяніемъ «Адамовыхъ слезъ», пѣли самымъ раздирательнымъ образомъ и даже писали, такъ, просто, сами писали, а не то чтобы только переписывали!

Самсонъ Самсоновичъ, получивъ новое приглашеніе, глотаетъ «Адамовы слезы» и отправляется далѣе. И странно — не находилось человѣка, который бы оттолкнулъ Самсона Самсоновича непривѣтнымъ словомъ. Иной только подумаетъ что нибудь, а все таки скажетъ обычное для него: «неугодно ли вамъ» и «прошу покорно!» Самсонъ Самсоновичъ, обращаясь съ своимъ вопросомъ: «Что это вы изволите кушать,» произноситъ его слабымъ, кроткимъ голосомъ, и вопрошаемый, взглянувъ на него, встрѣчаетъ чуть замѣтную улыбку, то не бываетъ улыбка учтивости, ласки, благорасположенія, встрѣчаетъ взоръ, странный, сверкающій особеннымъ неистолкуемымъ чувствомъ, и отъ той улыбки, отъ того взгляда вздрагиваетъ человѣкъ, теряетъ веселое расположеніе духа, и спѣшитъ посадить Самсона Самсоновича возлѣ себя, угостить, обласкать его, не спрашивая кто онъ и не желая знать кто онъ.

Трактиръ пустѣетъ; только въ одной

Digitized by Google

отдаленной комнатѣ веселая толпа чиновниковъ, порядкомъ покутившихъ, собираясь домой, разсуждаетъ окончательно:

— Дуракъ! сущій дуракъ! Если бы не женился на какой-то родственницѣ директора, не бывать бы ему столоначальникомъ во вѣки вѣковъ! То ли дѣло Сой Кузьмичъ! Сою Кузьмичу не только столоначальникомъ, министромъ быть!

«Безъ всякаго сомнѣнія! Не будь онъ такъ *пренебрежекъ* службою, онъ былъ бы уже если не министромъ, то помощникомъ экзекутора!»

— Вообразите: вчера я..... да, я вчера былъ уже *пришедши* въ департаментъ, когда Сой Кузьмичъ.....

«Что и говорить! Сой Кузьмичъ у насъ самый бойкій человѣкъ! Просто сказать — *битка!*»

Самсонъ Самсоновичъ, забившись въ свой уголъ, пребывалъ въ умилительномъ состояніи. Онъ лежалъ на диванѣ, смотрѣлъ въ потолокъ, на хитрые арабески, и думалъ, что вотъ-дескать потолокъ, а это арабески, а тамъ паутина, а тамъ уже и Богъ знаетъ что такое..... О другихъ предметахъ онъ никогда не думалъ: онъ разучился ду-

Digitized by Google

мать. Но вдругъ его блѣдное, мертвое лице покрывается румянцемъ, оловяные глаза сверкаютъ, двѣ слезы, горьче и чище «Адамовыхъ слезъ» катятся по щекамъ, изъ груди вырывается тяжкій, долгій вздохъ....

«Битка!» говоритъ просебя Самсонъ Самсоновичъ. Это слово, долетѣвшее къ нему изъ отдаленной комнаты, поразило душу его, напомнило ему о чемъ-то давно прошедшемъ, давно забытомъ. Не всю жизнь свою провелъ онъ здѣсь въ трактирѣ: онъ жилъ когда-то между людьми, когда-то къ нему приходили такіе же люди несчастные, оборванные, какъ онъ, и спрашивали тѣмъ же сладостнымъ голосомъ: «что вы это кушать изволите?» Когда-то и о немъ говорили тоже, что говорятъ теперь о какомъ-то Соѣ Кузьмичѣ. Бойкій человѣкъ! *Битка!* говорили долго, двадцать лѣтъ.... и такова была его нравственная сила, что въ двадцать лѣтъ эта похвала, эта почесть ни разу не вскружила ему голову, не отважила его ни на одинъ отчаянный казусъ, ни на одну продѣлку, ни на одну плутню, которую бы онъ сдѣлалъ не по общепринятой методѣ, безъ надлежащей осторожности. Блестящая судьбина ждала его. Те-

Digitized by Google

перь онъ былъ бы уже, Богъ знаетъ, чѣмъ, ѣздилъ бы въ каретѣ, покровительствовалъ, судилъ, рядилъ.... Но бѣсъ попуталъ его на двадцать первомъ году ревностной службы: онъ зазнался! «Что!» сказалъ самъ себѣ Самсонъ Самсоновичъ, и послѣ этого «что» запустилъ руку въ казенный сундукъ. «Я-десять — битка!» И нашелся злодѣй, вѣрный другъ, которому недоставало только случая быть самому бойкимъ человѣкомъ и биткою! Вѣрный другъ *упёкъ* битку; битку отдали подъ судъ, битку выгнали изъ службы съ такимъ паспортомъ, что Боже упаси! Битку прозвали дуракомъ!

А предатель, дотолѣ лице ничтожное, *пѣшка*, прослылъ бойкимъ человѣкомъ, *биткою*, и не даромъ: теперь онъ лице весьма благородное и солидное; онъ не пренебрегъ великимъ множествомъ установленныхъ правилъ, формъ и порядковъ, онъ хранитъ ихъ строго, сидя на самой вершинѣ ихъ, и оттуда озираясь, дивится какъ высоко поднялся онъ!...

И сталъ скитаться Самсонъ Самсоновичъ по великому граду Петербургу.... долго скитался онъ съ своею горькою долею, наконецъ бросилъ якорь въ этомъ гостепріим-

Digitized by Google

номъ трактирѣ. Десять лѣтъ онъ провелъ здѣсь, и только здѣсь.... и такъ привыкъ къ своему положенію, такъ переродился, что и узнать нельзя въ немъ прежняго *битку;* онъ не горюетъ не страдаетъ, не заботится не мыслитъ ни о чемъ... Только лежитъ себѣ на диванѣ и смотритъ въ потолокъ.

Но иногда, рѣдко, подслушанный разговоръ чиновниковъ, въ родѣ вышеприведеннаго, поражаетъ душу его тоскою неумолимою. Онъ плачетъ въ своей каморкѣ, на своемъ войлокѣ.... онъ вспоминаетъ, онъ чувствуетъ, онъ думаетъ: «Когда бы я былъ точно хуже другихъ!... Когда бы другіе не были хуже меня!»

Бьетъ одиннадцать часовъ; трактиръ запираютъ. Веселые чиновники и вслѣдъ за ними Самсонъ Самсоновичъ, сопровождаемый Петрушкою, уходятъ. Одни поютъ:

«Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
Для ра — для ра — для радости лишь жить!»

Другой думаетъ: бойкій человѣкъ! Битка! — Ахъ, какой морозъ, господа! Что, если бы этотъ сюртукъ еще разъ выворотить, да починить, да ватою подбить! *Битка!.. .»*

Digitized by Google

Digitized by Google

СТО РУБЛЕЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТО РУБЛЕЙ.

Есть въ мірѣ предметы благоговѣнія всеобщаго, безусловнаго; есть величіе, совершенное въ глазахъ мудреца и дурака; есть сила, своенравно, деспотически располагающая жребіемъ человѣческимъ,—тѣ предметы — рубли, то величіе — рубли, та сила — въ рубляхъ!

Человѣкъ безъ рублей, хотя бы то былъ и чиновникъ, ничего не значитъ, ни къ чему негодится и ничего не стóитъ. Человѣкъ съ рублями, хотя бы то и не былъ чиновникъ, имѣетъ значеніе всюду, годится ко всему, и стóитъ той суммы рублей, которою онъ обладаетъ.

И странно, что при такой популярности рублей, доселѣ не дознано, какое именно количество ихъ нужно на каждую православную душу, или для счастія человѣка *даннаго* ранга! Впрочемъ, есть должности,

Digitized by Google

въ которыхъ можно обойтись вовсе безъ жалованья, которыя такъ и влекутъ къ служенію въ нихъ изъ одной чести, изъ одной любви къ отечеству!

Но Авдѣй Аполлоновичъ, давшій поводъ къ этому разсказу, не былъ изъ числа тѣхъ избранниковъ, которымъ своенравная судьба шлетъ полное, личное и потомственное блаженство въ образѣ такой-то счастливой должности. Авдѣй Аполлоновичъ чиновникъ, сынъ Аполлона Авдѣевича, поэта, имѣлъ несчастіе родиться въ дождливый осенній вечеръ, въ такую горькую минуту, когда отецъ его, прочтя жестокую критику на свои стихотворенія, написанную, по его соображенію, Карамзинымъ, смотрѣлъ на весь свѣтъ и между прочимъ, на умноженіе своего рода, съ самой дурной точки зрѣнія: «стиховъ, говорилъ онъ, не раскупятъ послѣ этой критики, а семейство увеличилось: надобно хлѣба! Вздумалъ же этотъ ребенокъ, прости Господи, родиться!» И Аполлонъ, изорвавъ въ клочки журналъ, заключавшій въ себѣ зловредную критику, и даже не взглянувъ на новорожденнаго, занялся, для успокоенія оскорбленнаго самолюбія, сочиненіемъ антикритики, въ ко-

Digitized by Google

торой съ первыхъ строкъ назвалъ Карамзина *онымъ Господиномъ* Карамзинымъ, далѣе, просто *какимъ-то* Карамзинымъ, но считая и это недостаточнымъ, объявилъ Карамзина не знающимъ Россійскаго стихотворства, и присовокупилъ къ тому иныя сильныя выраженія, въ наше время уже не употребляемыя, потому что образованность разлилась всюду, даже между литераторами.

«Изъ того, что Авдѣю не посчастливилось родиться въ пору, слѣдуетъ, что ему и жить не посчастливится. Трудно остуниться на первомъ шагу въ этотъ коварный міръ, а тамъ уже и пойдешь спотыкаться, пока не упадешь въ могилу!» Авдѣй былъ даже несчастнѣе многихъ, родившихся, подобно ему, не въ пору: когда ему наступило шестнадцать лѣтъ, для него нигдѣ во всемъ Петербургѣ не было мѣста и ваканціи—ни въ школѣ, ни въ канцеляріи, ни въ тѣсной квартирѣ поэта, ни даже на Парнассѣ, куда Аполлонъ хотѣлъ было встащить свое дѣтище, во избѣжаніе необходимости учить и платить за него. Искомой ваканціи нигдѣ не оказалось. Между тѣмъ, Аполлонъ родилъ, послѣ Авдѣя, еще большой томъ стихотвореній и маленькую

Digitized by Google

дочь. Наконецъ онъ умеръ отъ восторга, въ слѣдствіе чтенія третьей корректуры своихъ «Антологическихъ цвѣтовъ,» а сынъ, такъ, на вѣки вѣковъ и остался безъ ваканціи!...

Похоронивъ и помянувъ усопшаго Аполлона по Христіанскому обычаю, Авдѣй, его мать и сестра Наташа, которой въ ту пору было лѣтъ четырнадцать, принялись устроивать свое житье по новому способу: надобно было зарабатывать деньги на хлѣбъ насущный, потому что поэтъ, скончавшійся въ блаженномъ видѣніи себя «Россійскимъ Анакреономъ,» не оставилъ своей семьѣ ничего, кромѣ своихъ сочиненій въ корректурахъ. Мать достала себѣ и дочери работу для магазина, и онѣ, работая по двѣнадцати часовъ въ сутки, добывали вмѣстѣ одинъ мѣдный рубль. Но Авдѣй не умѣлъ ни писать стиховъ, подобно своему отцу, ни шить женскихъ нарядовъ, подобно матери и сестрѣ, онъ умѣлъ только «писать разныя бумаги», и тщетно старался пріискать себѣ мѣсто для этого занятія. Онъ бывалъ во всѣхъ Департаментахъ, Палатахъ, Канцеляріяхъ, обращался къ чиновникамъ всѣхъ классовъ и цвѣтовъ, всюду — и всѣ отвѣчали ему одно: *нѣтъ ваканціи!*

Digitized by Google

Грустно и больно было бѣдному Авдѣю видѣть себя въ необходимости существовать трудами матери и сестры! Напрасно онѣ ободряли его, совѣтовали не огорчаться, подождать, походить, понавѣдаться еще разъ, можетъ быть, уже и открылась гдѣ нибудь ваканція — напрасно! Въ душу его западало страшное подозрѣніе, что для него во всемъ мірѣ нѣтъ и не будетъ ваканціи, что онъ здѣсь такъ, какая-то случайность, ошибка — человѣкъ безъ ваканціи! Въ отчаяніи онъ рѣшился попытать «ваканціи» въ третій разъ, и отправился въ прежнія мѣста.

Въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, на вопросъ Авдѣя: «Что, позвольте спросить, еще не открылась ваканція?» Чиновникъ съ раздутыми щеками, отвѣчалъ ему сиплымъ басомъ, величественно воздѣвъ носъ къ потолку: «Говорятъ вамъ, что нѣтъ! — Нѣтъ такъ и нѣтъ! Что вы надоѣдаете своею ваканціею!» Въ эту самую минуту сѣдой старикъ, со звѣздою на груди, глядѣлъ изъ другой комнаты въ полуотворенную дверь на Авдѣя и на раздутаго чиновника. Когда Авдѣй, еще болѣе пораженный грубостію отвѣта хотѣлъ уйти, старикъ спросилъ у него кроткимъ голосомъ: «Что вамъ угодно,

Digitized by Google

молодой человѣкъ?» Авдѣй воодушевился отчаяніемъ и отвѣчалъ: «Надобно чѣмъ нибудь жить, Ваше Превосходительство! Не оставьте! Не милостыни а должности прошу! Зачѣмъ я на свѣтъ родился, если для меня нѣтъ ваканціи, у меня не спрашивали! А теперь мать, сестра!...»

Этотъ доводъ такъ подѣйствовалъ на ласковаго генерала, что онъ приказалъ Авдѣю подать просьбу о принятіи его въ «чиновники.»

Авдѣй земли подъ собою не видѣлъ, бѣжа домой съ радостною вѣстью. Онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ, но еще не добрался и до третьяго, а уже кричалъ: Маменька! Наташа! Есть ваканція!

Онъ поступилъ на службу и сталъ служить.... Вдругъ, въ одно прекрасное утро, чиновникъ съ раздутыми щеками, бывшій его начальникомъ, объявилъ ему, что его превосходительство, генералъ, переведенъ въ другое вѣдомство, и что по причинѣ преобразованія канцеляріи, онъ, Авдѣй, оставленъ за штатомъ, то есть *безъ ваканціи!*

Для человѣка, испытывающаго радости жизни только одинъ разъ въ мѣсяцъ, при полученіи жалованья, нѣтъ ничего ужаснѣе,

Digitized by Google

убійственнѣе, какъ быть внезапно оставленнымъ за штатомъ, неожиданно лишиться ваканціи, и не видѣть въ длинной цѣпи грядущихъ дней ни одного перваго числа!

И вотъ Авдѣй опять безъ ваканціи! Несчастный! Онъ только что изучилъ силу и необходимость двадцати рублей ассигнаціями, которые получалъ ежемѣсячно въ канцеляріи и отдавалъ матери, а мать всегда въ такихъ случаяхъ покупала что нибудь ему и сестрѣ.... и всѣ были такъ веселы, такъ счастливы.... И все разрушилось!

Нѣтъ въ свѣтѣ такого Англійскаго, стальнаго, усовершенствованнаго, патентованнаго пера, которое могло бы изобразить глубокую печаль бѣднаго, чиновнаго, трехъдушнаго семейства, пораженнаго, растерзаннаго мыслію, что Авдѣй опять безъ ваканціи! Каждая душа томилась и страдала посвоему, порознь отъ двухъ прочихъ душъ, каждая старалась сказать что нибудь утѣшительное, но въ уединеніи проливала горькія слезы!

Вообще несчастіе *данной* силы дѣйствуетъ не на всѣхъ одинаково: есть люди, которые подъ гнетомъ несчастія утѣшаются какою нибудь мечтою, воображая себя, на-

Digitized by Google

примѣръ, гнущими по четыре угла съ ряду, срывающими банкъ; есть люди, которые только бранятся и проклинаютъ весь свѣтъ, недопуская никакихъ утѣшеній, никакого развлеченія; есть люди, которые ничего не проклинаютъ, а только думаютъ: «вотъ опять несчастіе! даже и на Невскій не хочется взглянуть... по этому несчастіе сейчасъ замѣтно!» Есть, наконецъ, люди, которые въ несчастіи, тоже ничего не проклинаютъ, но и не думаютъ о Невскомъ, какъ другіе думаютъ только о томъ, что они несчастны, что нѣтъ для нихъ въ мірѣ ни одной радости, ни одной вѣрной надежды, ни одной ваканціи, которые считаютъ несчастіе не преходящимъ зломъ, а удѣломъ всей своей жизни. Это самые несчастные, и къ ихъ числу принадлежало многострадальное семейство «Россійскаго Акакреона.»

Но давно замѣчено и многократно повторено, что всякое горе проходитъ. Такъ и оставленіе Авдѣя за штатомъ сначала повергло семейство Акакрсона въ скорбь неутолимую, потомъ, постепенно всѣ стали привыкать къ этой бѣдѣ, и Авдѣю первому пришла въ голову живительная мысль, что если одинъ разъ ему уже удалось отыскать

Digitized by Google

ваканцію, то, можетъ, удастся это и въ другой. Онъ вспомнилъ, что не всѣ пишущіе и переписывающіе люди служатъ въ Департаментахъ и Палатахъ, что многіе чиновники служатъ въ купеческихъ конторахъ, что есть чиновники. конторщики, также какъ чиновники столоначальники. Одушевленный новою надеждою, Авдѣй отправился въ конторы, впрочемъ не въ самыя конторы, а только въ переднія, гдѣ обыкновенно лежатъ сторожа, занимаясь сподручнымъ дѣломъ—почесываніемъ затылка и боковъ. У этихъ сторожей, которые происходили изъ отставныхъ солдатъ, или изъ кровныхъ мужиковъ, Авдѣй смиренно освѣдомлялся: «нѣтъ ли здѣсь ваканціи по письменной части?» и въ десяти переднихъ получилъ одинъ отвѣтъ, что ваканціи ни какой нѣтъ! Безполезно проходивъ по Петербургу съ осьми часовъ утра до трехъ пополудни, когда обыкновенно конторы пустѣютъ, онъ уже подъ губительнымъ вліяніемъ разочарованія зашелъ въ переднюю конторы Господъ Щетинина и Компаніи. Тамъ сторожа не оказалось, и Авдѣй долженъ былъ пройти прямо въ контору, гдѣ кромѣ четырехъ конторщиковъ изволили быть и *сами* Господа Ще-

Digitized by Google

тининъ и Компанія. Авдѣй вдругъ замѣтилъ эту *самость*, потому что она сидѣла въ халатѣ по Русскому обычаю, и обращалась къ конторщикамъ, называя ихъ опредѣлительными именами: скотомъ, или дуракомъ, или бараномъ.

«Тебѣ что надобно?» спросилъ Щетининъ взглянувъ на униженно-кланяющагося Авдѣя.

— Нѣтъ ли ваканціи?.... Писать могу! отвѣчалъ Авдѣй.

«Вотъ видишь ли, *ершъ*,» воскликнулъ Щетининъ, обращаясь къ одному изъ конторщиковъ: «видишь!.... да не тебѣ говорю, *баранъ* (это относилось къ другому конторщику, который въ торопяхъ, сочтя себя за ерша, почтительно вытянулся предъ хозяиномъ): Я тебѣ, ершъ, говорю: вотъ видишь ли, я еще и не свистнулъ, а уже конторщики сбѣгаются... Такъ видишь ли...»

Въ эту минуту ершъ, покраснѣвшій, отвѣчалъ скороговоркою: «Хозяинъ! Я вижу больше, чѣмъ вы думаете!»

«То-то, ершъ! Изъ тебя былъ бы *путь*, если бъ ты не *ершился* больно! Ну, да потерплю еще маленько!»

Авдѣй послушавъ и поглядѣвъ на эту сцену, преисполнился глубокаго уваженія къ гос-

Digitized by Google

подамъ Щетинину и Компаніи; но видя, что эти господа, занятые преніемъ съ своими конторщиками, забыли о немъ, онъ позволилъ себѣ напомнить имъ о своемъ присутствіи скромнымъ кашлемъ.

«А, ты еще здѣсь! Такъ ты въ конторщики хочешь?» спросилъ Щетининъ, снова обращаясь къ Авдѣю.

— Я желалъ бы имѣть ваканцію. Сдѣлайте такую милость, дайте мнѣ ваканцію!

«А изъ *какихъ* ты?»

— Что съ?

«*Чей* ты такой? Я спрашиваю.»

Авдѣй рѣшительно не понималъ смысла этихъ вопросовъ и, смущенный, рѣшился молчать.

«Что *ефто* за народъ!» воскликнулъ господа Щетининъ и Комп: «Ему, ефто, толкомъ говоришь, а онъ молчитъ какъ..... какъ ракъ!»

— Извините, отвѣчалъ Авдѣй, трепещущимъ голосомъ, я не разслышалъ, или не понялъ, что вы изволили сказать.

«Я, выходитъ, спрашиваю, что ты за человѣкъ такой: крѣпостной ли ты, вольной ли ты.....»

— Я чиновникъ.

Digitized by Google

«Чиновникъ! Я не принимаю чиновниковъ.....» отвѣчалъ Щетининъ, октавою ниже.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ Авдѣй съ отчаяніемъ, я хотя и чиновникъ, однако могу работать не хуже .... да, ей Богу, не хуже крѣпостнаго, не только вольнаго!

«Знаю! Да, вы чиновники, народъ все такой..... у меня въ конторѣ только одинъ чиновникъ — я самъ, а всѣ прочіе мои конторщики!»

— Я и прошусь къ вамъ въ конторщики!

Въ это время нѣкоторые изъ конторщиковъ посмотрѣвъ на пришельца, насмѣшливо переглянулись между собою. Авдѣй, какъ ни мало былъ онъ свѣдущъ въ коварствѣ души человѣческой, понялъ, что конторщики, состоящіе изъ такъ называемыхъ «вольныхъ людей», уже враждуютъ противъ него, потому что онъ чиновникъ! Пораженный этимъ открытіемъ, онъ печально опустилъ голову, и на лицѣ его выразилось чувство глубокой скорби, понятной только тому, кому случалось искать и не находить ваканціи. Но было здѣсь одно лице, незамѣтное, повидимому также страдательное, какъ

Digitized by Google

и Авдѣй, которое взглянувъ на Авдѣя, не улыбнулось коварно, подобно другимъ конторщикамъ, и взглянувъ не спѣшило скрыть возбужденнаго въ немъ чувства. То лице — *ершъ*, по наружности младшій изъ конторщиковъ, ершъ, которому господа Щетининъ и Комп. только что угрожали изгнаніемъ изъ конторы. Когда взглядъ ерша повстрѣчался со взглядомъ Авдѣя, послѣднему показалось, будто въ немъ принимаютъ участіе.

— Хозяинъ! сказалъ ершъ обращаясь къ господамъ Щетинину и Комп. Вотъ, этотъ чиновникъ, которымъ вы меня пугали, очень хочетъ быть у васъ конторщикомъ, такъ я думаю себѣ, что если у васъ нѣтъ для него ваканціи, почему не прогнать меня!

«Ой, горе-мальчишка, звѣрь-мальчишка!» пробормоталъ господа Щетининъ и Комп.

— Да, я думаю, почему жъ не прогнать меня! Вѣдь вы меня держите потому только, что вы добрый человѣкъ, а я самъ не стою вашихъ милостей!

«Послушай, ершъ! сказалъ хозяинъ: будь на твоемъ мѣстѣ вотъ этотъ *баранъ*, или тотъ *болванъ*, я прогналъ бы его сію минуту; но тебѣ еще разъ прощаю, и прощаю

Digitized by Google

въ послѣдній разъ, а тамъ уже прогоню. Не *ершись!* Ты еще мальчишка! вотъ только по этому и прощаю.»

— Спасибо, хозяинъ. А чиновникъ-то?

«Чиновникъ! Ну, и чиновника приму. Посмотримъ, къ чему онъ годится!...

Принятіе Авдѣя въ конторщики совершилось въ одну минуту. Хозяинъ велѣлъ ему сѣсть за конторку, насупротивъ ерша, и переписывать, что ему дадутъ. На первый случай ершъ далъ ему небольшой счетъ, и онъ переписалъ его скоро, чисто, безъ ошибокъ, такъ что даже странно было, почему Авдѣю не даются ваканціи. Судьба! Щетининъ, посмотрѣвъ на работу Авдѣя, былъ ею доволенъ, но тутъ же замѣтилъ, что для него ваканціи въ конторѣ нѣтъ, а принимается онъ *сверхъ ваканціи*, по уваженію бѣдности его, съ жалованьемъ по десяти целковыхъ въ мѣсяцъ. Авдѣй поблагодарилъ Щетинина за человѣколюбіе и подумалъ: вотъ уже, на что: и пишу, и служу, и жалованье *достаточное* назначено, а все таки ваканціи не имѣю!.... Просто горе!

Всѣ конторщики Щетинина, какъ выше упомянуто, носили характеристическія названія, изобрѣтенныя и употребляемыя имъ

Digitized by Google

вмѣсто собственныхъ именъ. Онъ находилъ нужнымъ дать такое же названіе и Авдѣю; но трудолюбіе, исправность въ занятіяхъ, болѣзненный, страдальческій видъ бѣднаго чиновника разрушали каждый эпитетъ, какой только ни изобрѣтало остроуміе Щетинина. Онъ пробовалъ называть его рыбою, баричемъ и даже отряхою, но всѣ эти названія видимо были нелѣпы, и самъ Щетининъ чувствовалъ, что Авдѣй не похожъ ни на рыбу, ни на барича, ни на отряху. Однажды онъ назвалъ его *Антиподомъ*, но замѣтя, что ершъ, коварнѣйшій и неисправимѣйшій изъ конторщиковъ улыбнулся, и не зная въ точности, что̀ за вещь называется Антиподомъ, не повторилъ этого названія, и послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ рѣшился называть его просто чиновникомъ.

По примѣру хозяина, и конторщики прозвали Авдѣя чиновникомъ. Только ершъ, освѣдомясь у Авдѣя при первомъ съ нимъ разговорѣ, о его имени и отечествѣ, называлъ его всегда Авдѣемъ Аполлоновичемъ или просто Авдѣемъ, и Авдѣй съ своей стороны называлъ ерша Михѣемъ Тихоновичемъ, или просто Михѣемъ; въ смѣшеніяхъ

Digitized by Google

съ прочими конторщиками онъ хотя и не называлъ ихъ характеристическими именами, однако избѣгалъ и употребленія собственныхъ, замѣняя тѣ и другія мѣстоименіями. Нѣкоторое время конторщики, кромѣ Михѣя, дичились чиновника. Будь онъ «изъ вольныхъ», они давно успѣли бы познакомиться и побраниться съ нимъ, но такъ какъ онъ, къ своему несчастію, принадлежалъ не къ «вольнымъ,» а къ «благороднымъ,» то кастическая ненависть и кастическое уваженіе долго препятствовали сближенію обѣихъ сторонъ. Наконецъ, видя, что «чиновникъ» очень добрый малый, безъ всякой амбиціи, и самъ заискиваетъ ихъ расположенія, они рѣшились вести себя съ нимъ просто, и какъ только рѣшились, въ ту же минуту, для испытанія степени его моральной упругости, попросили его сходить на минутку купить для нихъ завтракъ. Этотъ завтракъ, для котораго каждый конторщикъ давалъ по гривеннику, былъ покупаемъ поочередно однимъ изъ нихъ: разъ бараномъ, въ другой скотомъ, въ третій дуракомъ, въ четвертый ершомъ. Авдѣй изъявилъ готовность отправляться въ эту экспедицію ежедневно, и его стали посылать

Digitized by Google

ежедневно. Завтракъ состоялъ обыкновенно изъ бѣлаго хлѣба, сыру, колбасы, а въ первое число и изъ бутылки мадеры въ тридцать копѣекъ серебромъ. Все это покупалъ Авдѣй съ такою скоростію и исправностію, что тотъ изъ конторщиковъ, который назывался *бараномъ*, и сверхъ того носилъ уличное имя Тита Никифоровича, замѣтилъ однажды, что Авдѣя надобно приглашать къ завтраку, хотя онъ и *не идетъ* своимъ гривенникомъ; но это замѣчаніе, сколько оно ни дышало нѣжнѣйшимъ человѣколюбіемъ и бараньею логикою, какъ-то непріятно отозвалось въ сердцѣ Авдѣя. Онъ, по обычаю, ничего не сказалъ, но на лицѣ его мелькнуло выраженіе чувства.....

— Я въ этомъ виноватъ, сказалъ ему ершъ въ ту же минуту. Я самъ сытъ, а о тебѣ и не подумалъ! Только теперь я замѣтилъ, что ты не покупаешь себѣ завтрака. — «И куда мнѣ? отвѣчалъ Авдѣй: для чего мнѣ завтракать и гривенникъ тратить! Богъ съ нимъ! Не умру до обѣда!»

— Ну, ужъ этому небывать! Гривенника тратить тебѣ не нужно, если для тебя такъ дорогъ гривенникъ, а со мною завтракай, не то поругаюсь съ тобою!»

Digitized by Google

— Ну, что жъ ты сердишься, Михѣй! Я не хочу и на свой счетъ завтракать; какъ же мнѣ рѣшиться на твой счетъ?....

Этотъ аргументъ былъ произнесенъ голосомъ совершеннаго убѣжденія въ его справедливости. Михѣй понялъ, что нечего настаивать и сказалъ: «Чудакъ!»

— Мы лучше вотъ что сдѣлаемъ, Михѣй, впередъ мы будемъ завтракать *пополамъ* — твой пятачекъ и мой пятачекъ. А то, самъ посуди, какъ же мнѣ завтракать на твой счетъ!

«Ну, пожалуй, отвѣчалъ Михѣй. Каждый на свой счетъ, по пятачку съ головы.»

Съ тѣхъ поръ Авдѣй и Михѣй завтракали *пополамъ*, особо отъ другихъ конторщиковъ, и когда они завтракали, разумѣется, въ отсутствіе хозяина, который бывалъ въ конторѣ не болѣе часа въ день и бранился, между ими происходили разговоры, сближавшіе ихъ, объяснявшіе одному для другаго *темныя мѣста* въ свойствахъ каждаго изъ нихъ. И послѣ того они становились одинъ другому болѣе интересными, одинъ къ другому чувствовали болѣе расположенія.

Михѣй, подобно Авдѣю, многократно непы-

Digitized by Google

тывалъ, что значитъ не имѣть ваканціи, и наконецъ найдя ее, служилъ за маленькое жалованье, принужденный сносить строптивость и грубость господъ Щетинина и Комп. Эти господа, придавая характеристическое названіе каждому изъ конторщиковъ, называли Михѣя ершомъ, и это названіе, сравнительно съ прочими, было для него весьма почетное. Оно дано было потому, что одинъ Михѣй осмѣливался не молчать передъ хозяиномъ и возражать безъ грубости, безъ обиды, за которою тотчасъ послѣдовало бы изгнаніе его изъ конторы, а съ учтивою колкостію, и господа Щетининъ и Комп. терпѣли эту колкость, и только по этой колкости и неуступчивости ставили его въ своемъ понятіи выше прочихъ конторщиковъ, даже дорожили имъ, сколько можно дорожить конторщикомъ, зная пословицу: «было бы корыто, собаки найдутся.»

При сходствѣ въ обстоятельствахъ жизни между Авдѣемъ и Михѣемъ, была разница въ свойствахъ: тотъ былъ угнетенъ, раздавленъ судьбою; былъ робокъ, боязливъ, страшился всего, особливо «ваканціи,» этотъ, напротивъ, чувствовалъ себя обиженнымъ несправедливо, жаждалъ мести, той мести,

Digitized by Google

потребность которой раждается въ сердцѣ человѣка, оскорблен аго условіями, отношеніями, обстоятельствами, и которая часто совершается не надъ однимъ отдѣльнымъ лицемъ, но надъ великою личностію общества и человѣчества. Эта жажда мщенія одушевляла его въ борьбѣ съ обстоятельствами; онъ не упадалъ духомъ, не покорялся ни ваканціи, ни судьбѣ. «Что такое судьба?» —говорилъ онъ, «я эту судьбу....» и онъ произносилъ такое слово, которое не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ презираетъ судьбу. Въ немъ уже таился зародышъ будущаго купца первой гильдіи, будущаго извѣстнаго благотворительностью гражданина, будущаго троекратнаго банкрута, оставляющаго коммерческое поприще съ почетнымъ званіемъ, съ милліономъ въ ломбардѣ на имя неизвѣстнаго, и съ дюжиною домовъ въ Петербургѣ на «женино имя,» однимъ словомъ, зародышъ будущаго великаго человѣка въ единственномъ родѣ, въ какомъ только могутъ быть великіе люди въ Русскомъ народѣ. Но это былъ еще зародышъ стремящійся къ развитію среди враждебныхъ стихій нищеты и оскорбленій. Какъ всѣ люди съ сильнымъ характе-

Digitized by Google

ромъ, со всемогущею вѣрою въ себя, ершъ былъ искрененъ и пылокъ; онъ не скрывалъ ни своего пренебреженія къ прочимъ конторщикамъ, ни своего неудовольствія къ хозяину, говоря, что терпитъ это потому только, что ожидаетъ отъ господъ Щетинина и Комп. одной выгодной коммиссіи, по исполненіи которой будетъ въ состояніи записаться въ купцы и заняться своимъ дѣломъ. Я такъ *обокраду* этого банкрота, пояснялъ онъ, какъ ни одинъ прикащикъ его не окрадывалъ. Я покажу ему, что если я дурной конторщикъ, за то хорошій аферистъ! Глаголъ «обокрасть» произвелъ на Авдѣя видимо непріятное впечатлѣніе, которое онъ старался скрыть отъ ерша, но тотъ замѣтилъ это и продолжалъ свои объясненія такимъ образомъ: Я только такъ говорю, что обокраду, а въ самомъ дѣлѣ, я воспользуюсь тѣмъ, что всюду называется: «умѣніемъ наживать копѣйку.» Жалованьемъ и трудомъ ее не наживешь, и ни кто не наживаетъ этимъ способомъ. Въ иномъ родѣ службы берутся взятки, на взятки строются домы и покупаются деревни. У насъ въ торговлѣ взятокъ нѣтъ, а есть другіе способы: купишь, напримѣръ,

Digitized by Google

товара на рубль, покажешь въ счетѣ на полтора рубля. Такъ многіе дѣлаютъ; и всѣ эти милліонщики, спроси у нихъ, что сдѣлало ихъ милліонщиками? жалованье? Трудъ? Пожалуй, они скажутъ, что трудолюбіе и честность; но это не всегда бываетъ справедливо. Я знаю, иногда самый трудъ скорѣе приводитъ къ голодной смерти, чѣмъ къ довольству въ жизни. Я знаю и докажу, что не хуже другаго умѣю благотворить себѣ на счетъ ближняго. Не робѣй же Авдѣй! Не покаряйся ничему, пренебрегай всякими обстоятельствами и пользуйся глупостію людей, а глупыхъ людей очень много на свѣтѣ!

Но эти назиданія не могли принести пользы Авдѣю. Его характеръ былъ уже образованъ, точнѣе — измятъ обстоятельствами «ваканціи», и душа его уже не была способна къ энергіи, къ упругости, свойственной людямъ стальной натуры. Онъ ослабѣлъ тѣломъ, духомъ, мыслію и воображеніемъ. Онъ не могъ принудить себя видѣть что нибудь хорошее въ мірѣ или ожидать чего нибудь сноснаго для себя. Въ тщетѣ покушеній извлечь мать и сестру, любимыхъ со всею нѣжностію доброй, ис-

Digitized by Google

крепкой души, изъ когтей бѣдности, принуждавшей ихъ къ убійственной работѣ, онъ нашелъ безотрадное убѣжденіе, что ни для него, ни для милыхъ ему нѣтъ въ этомъ грязномъ, усовершенствованномъ, распутномъ мірѣ ни одной порядочной вакансіи. И это убѣжденіе давило его во снѣ, пугало наяву, убивало въ немъ волю, растранвало воображеніе.

Онъ такъ былъ увѣренъ въ отчужденіи его судьбою отъ всѣхъ интересовъ, доступныхъ человѣческому роду, что не хотѣлъ даже попытать счастія или, по его мнѣнію, вакансіи, въ искусительной лоттереѣ, которую разыгрывалъ какой-то магазинщикъ въ Коломнѣ. Разыгрывалось въ тысячу рублей серебромъ, раздѣленныхъ на тысячу рублевыхъ билетовъ, слѣдующее добро: корова Холмогорская 1; колечко золотое, принадлежавшее, по преданію, Царицѣ Клеопатрѣ 1; механическая, усовершенствованная кровать 1; Трактатъ о добродѣтели 2; (о цифрахъ, выставленныхъ здѣсь съ подлиннаго лоттерейнаго листа, ничего положительнаго сказать нельзя; но предполагается, что онѣ означали количество разыгрываемыхъ предметовъ, и въ этомъ смы-

Digitized by Google

слѣ Трактатъ о добродѣтели можно считать или въ двухъ томахъ, или въ двухъ экземплярахъ). Но самое важное въ этой лоттереѣ было то, что для возбужденія въ «почтеннѣйшей Коломенской публикѣ» желанія разобрать поскорѣе «остальные» билеты, и для возвышенія въ глазахъ ея цѣнности Трактата о добродѣтели, къ нему присовокуплялась премія въ десятую долю всей лоттерейной суммы, во *сто рублей* серебромъ. Такимъ образомъ, всякому грѣшнику, выигравшему Трактатъ о добродѣтели, предстояла совершенная возможность не грѣшить болѣе для пріобрѣтенія денегъ, необходимыхъ для самой добродѣтельной жизни.

— И, куда мнѣ! возражалъ Авдѣй на увѣренія Михѣя, что можно выиграть сто рублей, рискнувъ однимъ; куда мнѣ выиграть! — И въ этомъ отрицаніи выражалось столько фаталистическаго вѣрованія въ предопредѣлительность несчастія, что Михѣй, не сообразивъ даже своего капитала, купилъ билетъ на *свой счетъ*, и насильно втиснулъ его, въ видѣ «искренняго подарка» въ руки бѣднаго, безталаннаго чиновника.

— Даровому коню въ зубы не глядятъ,

Digitized by Google

замѣтилъ Авдѣй Михѣю; но все таки жаль, что ты потратился послѣднимъ рублемъ на такую мечтательную затѣю!

«А почему жъ мечтательную?» возразилъ Михѣй: «Я купилъ этотъ билетъ на послѣднія деньги, такъ видишь ли, тутъ есть что-то такое, почему можно ожидать для тебя счастія. Ей-Богу! Тебѣ непремѣнно надобно добиться счастія. Вѣдь ты, самъ по себѣ..... ну, не для чего обижать тебя: безъ счастія ты пропадешь; лови же счастіе въ лоттереѣ!»

— И въ самомъ дѣлѣ! Почему бы мнѣ не выиграть чего нибудь въ этой лоттереѣ? думалъ Авдѣй, возвращаясь изъ конторы домой и разсматривая билетъ..... И въ томъ билетѣ была странная для него особенность, поддерживавшая надежду: билетъ имѣлъ нумеръ шестьсотъ шестьдесятъ шестой, а извѣстно, что это число для православнаго человѣка имѣетъ важное значеніе, потому что число имени антихриста составляетъ, буквеннымъ счетомъ, сумму шести сотъ шестидесяти шести.

— Да, очень лестно было бы выиграть что нибудь, особливо Трактатъ о добродѣтели..... Корова тоже значитъ много, но

Digitized by Google

Трактатъ лучше. Боже мой! и почему бы мнѣ хоть въ этомъ случаѣ не узнать, что такое счастіе? Сто рублей! Знатная сумма! То-то радость была бы для маменьки, для Наташи, если бъ я, возвратясь *однажды* къ обѣду, могъ сказать: «Вотъ вамъ сто рублей; не работайте больше, не мучьте себя, наймите себѣ кухарку, купите себѣ..... И чего-то не накупили бы мы на сто рублей! Очень много вещей можно купить на сто рублей!»

Такъ мечталъ Авдѣй, каждый вечеръ сидя дома, между тѣмъ какъ мать и сестра его занятыя шитьемъ, не замѣчали особенной въ немъ перемѣны. Сначала онъ хотѣлъ было разсказать имъ свои фантастическія надежды и планы, но подумавъ рѣшилъ, что не для чего хвалиться впередъ..... Если выиграю, тогда обрадую ихъ неожиданно, а если..... если нѣтъ, говорилъ просебя съ тяжкимъ вздохомъ Авдѣй, пусть одинъ я буду знать и жалѣть о своей неудачѣ!

До розыгрыша лоттереи оставалось двѣ недѣли. Авдѣй сначала рѣшительно отвергавшій всякую мысль о выигрышѣ, постепенно предавался фантастическимъ мечтамъ о томъ, что можетъ быть ему и удастся

Digitized by Google

выиграть..... хоть что нибудь! Въ особенности сердце его трепетало желаніемъ ста рублей!.... Правда, до этого случая, онъ никогда не думалъ и не смѣлъ думать объ обладаніи такою страшною суммою; но теперь логическая возможность выиграть ее, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе подавляла въ немъ мертвящее невѣріе въ счастіе, въ удачу, въ ваканцію, поселяла и усиливала животворящую надежду.

Кто не надѣется? Кому не полезно надѣяться? Кто въ самомъ страшномъ разочарованіи не считалъ счастливыми тѣхъ дней, въ которые лелѣялъ онъ обманчивую надежду? Авдѣй также, подобно многимъ горемыкамъ, могъ бы сочинить себѣ на двѣ недѣли совершеннѣйшее счастіе изъ пошлой надежды на выигрышь ста рублей..... И кажется, двѣ недѣли счастія, по всякой оцѣнкѣ стóятъ ста рублей! Но вотъ несчастіе въ самомъ счастіи: Авдѣй, по природѣ людей воспріимчивыхъ, чувствительныхъ, слабонервныхъ, не имѣлъ нравственной упругости, необходимой для полезнаго сопротивленія не однимъ дурнымъ, а еще болѣе хорошимъ, блестящимъ обстоятельствамъ. Какъ прежде отчаяніе, что для

Digitized by Google

него нигдѣ нѣтъ ваканціи, поражало душу его тоскою умирающаго злодѣя, такъ теперь надежда, что наконецъ онъ поймаетъ эту неуловимую ваканцію въ лоттереѣ, уносила воображеніе его въ превыспреннія области нечеловѣческаго блаженства. И та надежда часъ отъ часа обращалась въ фаталистическую увѣренность.

Все, что ни есть въ мірѣ прекраснаго и радостнаго, все къ чему стремятся вздохи, желанія и усилія страдальцевъ, для Авдѣя выражалось отвлеченнымъ понятіемъ о ста рубляхъ серебромъ, и тѣ рубли принимали свѣтлый образъ абсолютнаго благополучія, о которомъ не знаетъ ни одинъ чиновникъ въ Петербургѣ, которое нисходитъ прямо съ неба и даруетъ избраннику всѣ блага міра сего на всю жизнь!

Въ этомъ счастливомъ состояніи Авдѣй занялся составленіемъ бюджета издержкамъ, на которыя предполагалъ употребить сто рублей серебромъ тотчасъ по неизбѣжномъ выигрышѣ ихъ. Но трудно было исчислить и оцѣнить всѣ блага, которыхъ можно накупить за сто рублей! Просидѣвъ надъ сочиненіемъ бюджета цѣлый часъ, онъ написалъ только слѣдующее: «Очки новыя, ма-

Digitized by Google

менькѣ, 2 руб.; шляпку новую Наташѣ — *неизвѣстно;* салопъ новый для нее же — *неизвѣстно....* » Болѣе ничего не могъ онъ придумать, не зная ни благополучій, продаваемыхъ въ Гостиномъ Дворѣ, ни крайнихъ цѣнъ благополучіямъ; потомъ онъ задумался и старался вспомнить свои личныя нужды; «но, какія же у меня нужды,» сказалъ онъ по долгомъ размышленіи: «у меня одна нужда..... сдѣлать счастливыми мать и сестру..... Вотъ вамъ, маменька, сто рублей, и будьте счастливы..... какъ я!»

Вотъ наступилъ и день розыгрыша лотереи. Вдругъ съ Авдѣемъ случилась странная перемѣна: когда до исполненія мечтаній его осталось нѣсколько часовъ, онъ упалъ духомъ, растерялся. Прежнія золотыя мечты замѣнились угнѣтающимъ предчувствіемъ, потому что онѣ только золотыя мечты. И сколько муки, сколько отчаянія было въ этомъ предчувствіи! «Нѣтъ!» думалъ онъ, «я не выиграю! Гдѣ мнѣ выиграть! Могу ли я быть счастливѣйшимъ изъ тысячи! Я только обманывалъ себя мечтами!» Но и въ этомъ сознаніи ненаходилъ онъ облегченія тяжкой тоски, поразившей душу его въ то самое время, когда должна была рѣ-

Digitized by Google

шиться судьба билета съ нумеромъ шестьсотъ шестьдесятъ шестымъ, судьба Трактата о добродѣтели.

Напрасно онъ допускалъ даже возможность выигрыша, стараясь хоть въ этомъ найти успокоеніе. Нѣтъ! Въ эту роковую минуту, въ минуту развязки, онъ не могъ принудить себя вѣровать въ тотъ или другой случай, онъ все таки былъ подъ губительнымъ вліяніемъ неизвѣстности и тоскливаго желанія выиграть сто рублей!

Когда конторщики окончивъ дневныя занятія расходились по домамъ, Михѣй напомнилъ Авдѣю, чтобы онъ сходилъ въ Коломню справиться, не выигралъ ли чего нибудь. «И куда мнѣ!» отвѣчалъ Авдѣй; но выйдя со двора, безсознательно повернулъ въ Коломню, къ мѣсту роковой лоттереи.

— Ну, зачѣмъ я иду? разсуждалъ онъ самъ съ собою. Вовсе незачѣмъ итти; тамъ есть кому и безъ меня выиграть; найдется счастливецъ! Кому сто рублей ничего не значатъ, тотъ и выиграетъ, а мнѣ, такъ просто счастіе — принесли бы сто рублей, такъ я и не выиграю! Мнѣ ужъ такъ на роду написано, чтобъ не имѣть ни въ чемъ

Digitized by Google

удачи и ваканціи. Право, напрасно я иду! До сихъ поръ хоть воображалъ, что вышло бы, если бъ удалось выиграть, а теперь, когда узнаю, что не выигралъ, и воображать нельзя будетъ, только мучиться стану понапрасну! Извѣстное дѣло, что я не могу выиграть, а все таки очень, очень жаль будетъ. Лучше я ворочусь домой, и хоть одинъ вечеръ подумаю, что вотъ-дескать, благодать Божія! А завтра схожу на лоттерею, и пусть!....

Но едва Авдѣй исполнился рѣшимости возвратиться домой, чтобы послѣдній вечеръ воображать себя счастливцемъ, выигравшимъ сто рублей и покупающимъ очки новые, шляпку новую, салопъ новый, какъ въ ту же минуту очутился у дома, гдѣ разыгрывалась лоттерея. Толпа человѣкъ въ двѣсти расходилась, утѣшая себя въ неудачѣ остроумными насмѣшками надъ коровою, колечкомъ, механическою кроватью и Трактатомъ о добродѣтели съ его пресловутою преміею. Авдѣй уже не могъ воротиться, но мучимый неизвѣстностію, желаніемъ, отчаяніемъ, не могъ и рѣшиться узнать судьбу своего билета. Онъ остановился у воротъ дома, волнуемый горькою

Digitized by Google

думою. Изъ отрывистыхъ замѣчаній толпы онъ понялъ, что корова досталась студенту, мѣтившему на колечко, колечко какому-то совѣтнику, который взялъ десять билетовъ съ единою цѣлью выиграть корову; механическую усовершенствованную кровать выигралъ мелочной лавочникъ, желавшій также коровы, или, по меньшей мѣрѣ, Трактата о добродѣтели; кому наконецъ достался Трактатъ, Авдѣй, разстроенный, не разслышалъ.

— Такъ и быть, войду и спрошу! сказалъ Авдѣй со вздохомъ. Жаль! Двѣ недѣли былъ счастливъ, и теперь.... И чтобы имъ подождать еще недѣльку! Можетъ быть тогда вышло бы лучше?... Пойду! Но зачѣмъ итти! Знаю, что не выигралъ, но все таки удостовѣриться въ этомъ своими глазами, страшно!

— А если выигралъ? Что, если я выигралъ? Прійду и узнаю, что выигралъ, и вдругъ у меня будетъ сто рублей? О! Страшно!

Блѣдный, трепещущій вступилъ Авдѣй въ магазинъ. Тамъ были, кромѣ разыгрывавшихъ лоттерею, три лица, выигравшія корову, колечко и механическую кровать.

Digitized by Google

— Позвольте узнать, что мой нумеръ?... спросилъ Авдѣй у магазинщика, трепеща отъ сильнаго волненія.

«Какой у васъ нумеръ?»

— У меня-съ?... Да, у меня есть нумеръ!

«Который же у васъ? Я спрашиваю.»

— Ахъ, да-съ! У меня шестьсотъ... сотъ... сотъ.... вотъ-съ....

Бѣднаго Авдѣя била лихорадка; онъ такъ дрожалъ, что не могъ даже выговорить своего нумера. Подавая билетъ, онъ уронилъ его, и не поднимая смотрѣлъ на присутствующихъ мутными глазами.

Хозяинъ разыгрывавшихся вещей поднявъ билетъ произнесъ: «Нумеръ шестьсотъ шестьдесятъ шестой..... это самый счастливый нумеръ! Вы, милостивый государь, выиграли Трактатъ о добродѣтели съ принадлежащею къ нему преміею во *сто рублей* серебромъ. Извольте получить!»

Авдѣй зашатался; изъ глазъ его посыпались искры, въ ушахъ раздался звонъ, будто тысячи колокольчиковъ.

— Что? сказалъ онъ, смотря на носки своихъ сапоговъ.

«Вы, сударь, выиграли сто рублей серебромъ!»

Digitized by Google

— Сто рублей! воскликнулъ Авдѣй, засмѣявшись и ударивъ себя по лбу такъ сильно, какъ будто хотѣлъ выколотить оттуда остатокъ смысла. Сто рублей! Вотъ оно что! И онъ разлился страшнымъ, неестественнымъ хохотомъ.....

«Что съ вами?»— Что съ нимъ? воскликнули въ одинъ голосъ удивленные и испуганные зрители этой сцены.

— Ничего! замѣтилъ Авдѣй съ улыбкою. Не безпокойтесь, это ничего! Я выигралъ сто рублей..... да, выигралъ, выигралъ сто рублей..... Очки..... шляпку..... салопъ... . Сто рублей!.....

И онъ сталъ пятиться къ дверямъ, припрыгивая и говоря безпрерывно: сто рублей! Зрители, пораженные странностію случая, безмолвно смотрѣли вслѣдъ за Авдѣемъ, который очутившись на просторѣ, скакалъ по улицѣ, подражая пристяжной лошади, бокомъ, наклонивъ голову на одну сторону и восклицая: Сто рублей! сто рублей!.... Маменька! Сто рублей..... Наташа! Очки новые! Сто рублей..... Шляпка новая.... Сто рублей.....

Въ то же время Михѣй, любопытствуя знать не удалось ли въ самомъ дѣлѣ вы-

Digitized by Google

вграть бѣдному чиновнику хоть механической кровати, шелъ по Екатерингофскому Проспекту въ Коломню..... вдругъ видитъ онъ описанное зрѣлище: Авдѣй, неуставая скачетъ, какъ лучшая Вятская лошадь, за Авдѣемъ бѣгутъ мальчишки, за мальчишками три будочника. «Сто рублей! Я выигралъ сто рублей!» кричалъ Авдѣй и повернувъ за уголъ исчезъ изъ глазъ Михѣя и своихъ преслѣдователей.

—

По Петергофской дорогѣ, на одиннадцатой верстѣ отъ достославнаго града Санктпетербурга есть уголокъ, гдѣ издавна пріютилось абсолютное счастіе, уголокъ, куда не проникаютъ ни стихи, ни рубли; гдѣ нѣтъ ни друзей, ни лоттерей, гдѣ каждый обитатель доволенъ самимъ собою, и созерцая видѣнія инаго, необъяснимаго міра, проводитъ жизнь не чувствуя жизни. Тотъ счастливый уголокъ называется «Больницею Всѣхъ Скорбящихъ.»

Туда-то отправился Михѣй съ горькимъ соболезнованіемъ о жребіи своего товарища и съ надеждою, что искусство врачей скоро поможетъ бѣдному Авдѣю выйти изъ

Digitized by Google

восторженнаго состоянія по случаю роковаго выигрыша.

Вообразите же, о, сострадательныя души, отчаяніе Михѣя и глупую шутку судьбы, постоянно преслѣдующую Авдѣя: главный докторъ, выслушавъ разсказъ Михѣя о причинѣ своего прибытія, отвѣчалъ спокойно: «*Хорошо!* но для вашего паціента въ домѣ сумасшедшихъ *нѣтъ ваканціи!*....»

Конецъ первой книги.

Digitized by Google

ПЕТЕРБУРГСКІЯ

ВЕРШИНЫ,

описанныя

Я. Бутковымъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Санктпетербургъ,

въ типографіи Н. Греча.

1846.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ,
12-го Марта 1846.

Цензоръ А. Очкинъ.
Цензоръ С. Куторга.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Первое число 1

Хорошее мѣсто 85

Партикулярная пара 129

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ЧИСЛО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ЧИСЛО.

I.

Философія перваго числа.

У чиновника для письма нѣтъ эпохи радостнѣе, достопамятнѣе, вожделѣннѣе — *перваго числа*.

Тогда и солнце свѣтитъ, и луна блеститъ, и звѣзды горятъ ярче, лучезарнѣе. Будь даже, по обычаю Петербургскаго климата, дождь и слякоть на дворѣ, случись и наводненіе, эти непріятности переносятся перваго числа съ стоическою твердостію: онѣ возбуждаютъ не ропотъ, не досаду, какъ въ другія числа, а замысловатыя шутки, язвительныя насмѣшки надъ погодою, а порою назидательныя изрѣченія! И такова благодатная сила перваго числа, что еще за недѣлю до наступленія его, грудь чи-

Digitized by Google

новника для письма дышетъ свободнѣе, взглядъ на жизнь проясняется, эгоисмъ слабѣетъ и душа, по мѣрѣ приближенія перваго числа, наполняется сладостнымъ предчувствіемъ — полученія жалованья! Когда же оно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ погоды и службы, наступаетъ, чиновникъ для письма перераждается совершенно: онъ на цѣлый день становится не тѣмъ чѣмъ бываетъ во всѣ другія числа: онъ веселъ, самодоволенъ, счастливъ! На *Петербургскихъ Вершинахъ* пробуждается дѣятельность, воцаряется шумная веселость. Маленькія, подъоблачныя клѣтки, льстиво именуемыя «комнатами съ мебелью, водою, прислугою, особымъ ходомъ и дровами,» освѣщаются *цѣльными* свѣчами, даже въ такую пору, когда имѣются въ наличности край заходящаго солнца, или полная луна — предметы драгоцѣнные во всѣ прочія числа, по случаю отсутствія свѣчнаго огарка!

Digitized by Google

II.

Утро перваго числа.

Когда то были въ Петербургѣ Коллежскіе Секретари Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ. Они жили *пополамъ* въ одномъ изъ тѣхъ превыспреннихъ помѣщеній, которыя устроиваются между карнизомъ и крышею пяти-этажныхъ домовъ, въ равномъ разстояніи отъ земли и луны. Человѣколюбивая изобрѣтательность архитекторовъ и домохозяевъ раздѣлила эти помѣщенія многими хитрыми перегородками на тѣсныя и темныя клѣтки, гиперболически называемыя комнатами. Старыя вдовы, Губернскія Секретарши и даже Титулярныя Совѣтницы, обыкновенно нанимаютъ цѣлое отдѣленіе такихъ клѣтокъ, и отъ себя уже пускаютъ въ каждую клѣтку жильцевъ, исключительно благороднаго званія и жилицъ, вдовствую-

Digitized by Google

щихъ и дѣвствующихъ, занимающихся работою для магазиновъ. Такую же клѣтку, подъ именемъ особой комнаты съ дровами, водою и мебелью, нанимали и Коллежскіе Секретари Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ, за три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

Эти Коллежскіе Секретари были нрава тихаго и нравственности неукоризненной. Одинъ изъ нихъ, Евтѣй, служа чиновникомъ для письма, получалъ каждый мѣсяцъ по десяти рублей серебромъ, а другой, Евсѣй, занималъ должность помощника столоначальника, и въ этомъ качествѣ пользовался бо́льшимъ противъ своего товарища окладомъ — именно двѣнадцатью цѣлковыми въ мѣсяцъ.

Въ квартирѣ ихъ царствовала всегда, кромѣ первыхъ чиселъ, глубочайшая тишина. Хотя они вообще питали одинъ къ другому дружескія чувствованія, однако различныя мелкія неудобства, нераздѣльныя съ важными выгодами житья пополамъ, и томительное однообразіе ихъ существованія, обременяемаго копѣечными нуждами, канцелярскими страстями и убійственною необходимостію строгой и постоянной расчетливости въ издержкахъ, произвели въ

Digitized by Google

нихъ мудрое нерасположеніе ко всякимъ разговорамъ и объясненіямъ, «изъ которыхъ ничего не выходитъ.» Притомъ же оба они были поражены особеннымъ несчастіемъ по службѣ.

Евтѣй, получившій университетское образованіе, былъ писецъ по должности и глубокій мыслитель въ душѣ. Переписываніе онъ считалъ тяжкою для себя обидою. Напрасно просилъ онъ для себя занятія нѣсколько благороднѣе, увѣряя, что можетъ сочинять бумаги самъ не хуже, а можетъ быть и лучше столоначальника, напрасно онъ употреблялъ въ защиту своихъ притязаній неотразимый аргументъ, что онъ въ состояніи производить таковыя сочиненія въ потребномъ количествѣ «съ важною для казны выгодою», ничто не помогало! Въ канцеляріи считали его, какъ выше сказано, глубокимъ мыслителемъ, и въ этомъ качествѣ не находили его способнымъ даже къ должности помощника столоначальника!

Евсѣй, напротивъ, еще въ дѣтствѣ, сидя за азбукою, мечталъ о блаженствѣ переписыванія. Сама судьба готовила его къ этому званію, давъ ему весьма красивый почеркъ и отказавъ даже въ малѣйшей частицѣ дѣ-

Digitized by Google

лопроизводительной способности; но тотъ же рѣшитель человѣческаго жребія — слѣпой случай, который сдѣлалъ Евтѣя писцемъ, далъ Евсѣю, недоучкѣ приходской школы, важную должность помощника столоначальника, возлагавшую на него обязанность *сочинять* отношенія и рапорты. Тщетно онъ съ глубокимъ смиреніемъ докладывалъ кому слѣдуетъ, что ему было бы очень лестно переписывать готовое, что онъ учился только въ приходской школѣ, да и отецъ его былъ Сенатскій копіистъ, сорокъ лѣтъ упражнявшійся въ подшивкѣ старыхъ бумагъ, или, говоря канцелярскимъ слогомъ, въ пріобщеніи ихъ къ прочимъ таковымъ же,— на эти объясненія не обращалось вниманія. Въ качествѣ помощника столоначальника онъ долженъ былъ сочинять *самъ*, и, покоряясь обстоятельствамъ, сочинялъ, правда, нескладно, съ тяжкимъ трудомъ, но сочинялъ, и былъ очень несчастливъ.

Такимъ образомъ каждый изъ друзей, отлично замороженный внѣшними обстоятельствами, сосредоточился въ самомъ себѣ, не позволялъ вырываться наружу ни сѣтованіямъ на случай, располагающій людьми, ни замѣчаніямъ о людяхъ, располагаю-

Digitized by Google

щихъ повышеніями, ни предположеніямъ объ улучшеніи своего дикаго существованія, зависящаго отъ повышеній. Только *первое число* своимъ чародѣйственнымъ вліяніемъ пробуждало ихъ отъ взаимной безчувственности, оживляло ихъ, вызывало на разговоры и разсужденія.

Утромъ 1-го Ноября, Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ проснувшись, нѣжились на своихъ кроватяхъ подъ камлотовыми шинелями, отправлявшими должность собольихъ шубъ и теплыхъ одѣялъ. Веселое выраженіе ихъ физіономій показывало, что они не говорятъ только отъ избытка сюжетовъ для разговора, и точно, не прошло и получаса послѣ того какъ они, волнуемые радостнымъ ощущеніемъ перваго числа, передавали одинъ другому свои чувствованія краснорѣчивыми взглядами, Евтѣй обратился къ Евсѣю съ слѣдующимъ вопросомъ:

«Ты спишь, Евсѣй?»

— А что, Евтѣй? спросилъ у него Евсѣй.

«Да такъ!» отвѣчалъ Евтѣй.

— Я не сплю! отвѣчалъ Евсѣй. — А ты?

«И я не сплю!»

Послѣ краткаго молчанія, происшедшаго отъ обоюдной непривычки разговаривать по

Digitized by Google

утрамъ, и отъ истощенія *сюжета*, Евтѣй снова обратился къ товарищу:

«Знаешь ли что, Евсѣй?»

— А что?

«Сегодня *опять* первое число!»

— Да!

«Сегодня опять надобно получать жалованье!»

— Получать надобно, да надобно и платить за квартиру!

«Вотъ, видишь ли, что я замѣчу тебѣ, Евсѣй: Ты машина, а не человѣкъ; ты живешь чутьемъ, какъ звѣрь, а если бъ ты разсуждалъ, мыслилъ.....»

— Что же вышло бы, еслибъ я разсуждалъ и мыслилъ? Нашъ братъ сколько ни разсуждай, какъ ни мысли, ничего не добьется.

«Ну, нѣтъ! Еслибъ ты разсуждалъ..... не должно обращать исключительнаго вниманія на одну глупую существенность, надобно иногда по:ить и общею жизнію человѣчества. Если бъ ты разсуждалъ, ты открылъ бы, знаешь ли что ты открылъ бы, воскликнулъ Евтѣй почти въ изступленіи, приподнявшись на своемъ ложѣ: ты открылъ бы важный фактъ, что числа

Digitized by Google

имѣютъ вліяніе на мѣсяцы, а мѣсяцы на числа!»

— О!

«Ты составилъ бы себѣ философію цифръ и чиселъ, продолжалъ Евтѣй, болѣе и болѣе разгорячаясь: ты узналъ бы, почему иные мѣсяцы счастливы, иные несчастливы. Вотъ, напримѣръ, прошедшій Октябрь былъ длинный мѣсяцъ, нынѣшній Ноябрь опять длинный, будущій Декабрь еще длиннѣе, слѣдующій Январь равномѣрно длинный. Ну, посуди самъ, не будь ты писательная машина, не могъ ли бы ты открыть, что это сцѣпленіе длинныхъ и длиннѣйшихъ мѣсяцевъ есть, просто несправедливость, обида для нашего брата? Не могъ ли бы ты понять, что слѣдующій затѣмъ отдаленный Февраль, есть наилучшій изъ всѣхъ мѣсяцевъ, составленный ровно изъ двадцати осьми дней, что этотъ Февраль блаженный, благородный мѣсяцъ, онъ одинъ созданъ для чиновниковъ, для нашего брата, а прочіе всѣ для просителей и кредиторовъ!»

— Фантазія! Философическая фантазія! отвѣчалъ Евсѣй. Мы съ тобою не убавимъ ни одного дня въ длинныхъ мѣсяцахъ, такъ не изъ чего и горячиться!

Digitized by Google

Послѣ краткаго молчанія друзья снова заговорили:

«Знаешь ли что?» сказалъ Евтѣй, обращаясь къ Евсѣю.

— А что? спросилъ Евсѣй.

«Человѣкъ имѣетъ свободную волю?» спросилъ Евтѣй.

— Не знаю! отвѣчалъ Евсѣй.

«Ну, такъ я тебѣ скажу, что человѣкъ имѣетъ свободную волю!»

— Такъ что же?

«Я женюсь!»

— Ого! стало быть, большое приданое?

«Погоди! Прежде всего надобно опредѣлить точку, съ которой должно смотрѣть на женитьбу. По твоему для чего женятся люди?»

— Для размноженія нищихъ, по закону Магометову и для приданаго, по Европейскому обычаю.

«Да! А если нѣтъ приданаго?»

— Въ такомъ случаѣ тѣ, которые женятся, дураки и философы!

«По твоему, приданаго ничѣмъ замѣнить нельзя?»

— Можно, если жена будетъ состоять подъ высокимъ покровительствомъ. Иное

Digitized by Google

покровительство стоитъ приданаго!—На комъ же ты женишься?

«Скажи мнѣ прежде, какъ по твоему: у человѣка, кромѣ свободной воли есть и разумъ?»

— Не знаю?

«Ну, такъ я тебѣ скажу, что у человѣка есть и разумъ!»

— На комъ же ты женишься?

«Я женюсь..... Вотъ видишь ли Евсѣй: такъ какъ у меня есть свободная воля и ясный разумъ, то я сообразилъ все и вижу, что нашему брату должно жениться не теоретически, а практически.... Нужды нѣтъ что существуютъ какія-то понятія.... понятія вздоръ! онѣ не факты, не дрова, не свѣчи!»

— А на комъ?....

«Къ тому-то и ведетъ мой аргументъ, что я женюсь какъ человѣкъ мыслящій, обладающій желѣзною волею и яснымъ разумомъ; я женюсь на Аннѣ Алексѣевнѣ!»

— На *той?*

«Да, на той!»

— Какимъ же это образомъ? А генералъ?

«Генералъ вошелъ въ мое положеніе, и хочетъ вывести меня въ люди посредствомъ Анны Алексѣевны.»

Digitized by Google

— Генералъ добрый человѣкъ. И ты уже рѣшился?

«Я сказалъ только, что предаю судьбу свою великодушному попеченію Его Превосходительства, и сдѣлаю все, что онъ признаетъ за благо; но все таки непріятное положеніе!.... И если бъ я не имѣлъ желѣзной воли!...»

— А что?

«Вѣдь у нея, у Анны Алексѣевны, и....

— Это не бѣда! Толкъ не въ женѣ, а въ повышеніи. Кстати уже, скажу тебѣ откровенно, что и я женюсь....

«Неужели? Вотъ что кстати, такъ кстати! А на комъ?

— На комъ! Вотъ видишь ли Евтѣй: у меня тоже есть кое-что щекотливое относительно.... Да что дѣлать.... начальство принимаетъ участіе!...

«Ну, ужъ нечего и говорить! Нынче вѣкъ таковъ! А на комъ?»

— На Каролинѣ Ивановнѣ!

«На *той?*»

— Да, на той!

Послѣ этого разговора Коллежскіе Секретари разомъ, будто автоматы, движимые одною пружиною, поднялись съ крова-

Digitized by Google

тей, въ полчаса кончили свой туалетъ и, облекшись въ установленную форму, спустились съ Петербургскихъ вершинъ долу, и молча разошлись въ разныя стороны — одинъ для переписыванія противъ воли, другой для сочиненія противъ натуры.

Digitized by Google

III.

Желѣзная воля.

Перваго Ноября, въ четыре часа пополудни, тотъ изъ Коллежскихъ Секретарей, который назывался Евтѣй, шелъ изъ-подъ арки Главнаго Штаба въ Морскую, имѣя въ ветхомъ бумажникѣ только что полученный красный новенькій билетъ въ десять серебряныхъ рублей, составлявшихъ его мѣсячное жалованье. Въ его веселомъ, улыбающемся лицѣ, въ его глазахъ, одушевленно обращавшихся отъ предмета къ предмету, ясно отражалось высокое, неизъяснимое киргизамъ и откупщикамъ блаженство, даруемое человѣку незначительнаго ранга единожды въ мѣсяцъ, перваго числа, и покупаемое долгимъ, томительнымъ постомъ и воздержаніемъ отъ всѣхъ благъ Петербурга, великолѣпно освѣщенныхъ, искуситель-

Digitized by Google

но выставленныхъ, соблазнительно ходящихъ и взирающихъ по всему пути отъ мѣста службы до мѣста жительства!

Дойдя до Невскаго Проспекта, Евтѣй Евсѣевичъ остановился, и глядя то *вдоль* Морской, то *въ даль* Невскаго, предался весьма дѣльнымъ размышленіямъ о томъ, куда ему итти? прямо ли, неуклонно въ подлунную клѣтку, по заведенному издавна порядку, заплатить хозяйкѣ свою долю за квартиру и погасить важный долгъ мелочному лавочнику, не увлекаясь обольщеніями перваго числа, или уклониться на Невскій и испытать нѣкоторыя изъ радостей и блаженствъ, продающихся въ кандитерской и другихъ мѣстахъ по умѣреннымъ цѣнамъ?

Подобно всѣмъ хорошимъ людямъ, которые въ случаяхъ рѣшительныхъ незнаютъ чему слѣдовать: указанію ли разума или влеченію сердца, Евтѣй Евсѣевичъ волновался двумя вышеприведенными вопросами, стоя у Англійскаго магазина и дѣятельно анализируя всѣ факты и обстоятельства, служащія къ побужденію его итти прямо въ квартиру, или къ допущенію уклоненія на Невскій. Но различныхъ уваженій въ пользу того и другаго случая набралось та-

Digitized by Google

кое множество, выгоды прямаго пути были такъ ясны, опредѣлительны; Невскій сіялъ такъ ярко; радости, розовыя отъ юности и мороза глядѣли такъ ласково, что Евтѣй потерялъ наконецъ возможность спокойнаго анализа и сказалъ просебя съ досадою: Такъ нѣтъ же, не пойду на Невскій! Вотъ и деньги есть, а рѣшился не пойти, такъ и не пойду! Слава Богу: я умѣю владѣть собою; я одаренъ желѣзною волею! Что мнѣ Невскій, если я не заплатилъ за квартиру? Что мнѣ кандитерскія, если я долженъ лавочнику за рѣпу? Что мнѣ ликеры, если....

Противъ послѣдней статьи не оказалось достаточнаго аргумента, и Евтѣй, любившій анализировать дѣйствія и округлять фразы, по точному смыслу маленькой книжицы, нарицаемой риторикою, округлилъ свой монологъ слѣдующимъ дополнительнымъ восклицаніемъ: «Что мнѣ ликеры!» и остался весьма доволенъ этимъ округленіемъ, подумавъ, что если бы ему дали ходъ, то онъ, вѣроятно, годился бы въ сочинители, не только канцелярскіе но и въ *печатные*. Потомъ, слѣдя глазами за распространеніемъ гаса по великолѣпному перекрестку Невскаго Проспекта и Морской, Евтѣй

Digitized by Google

вспомнилъ, что *другіе* также считаютъ его годнымъ въ сочинители, но, *только* въ сочинители, онъ невольно произнесъ съ чувствомъ справедливаго судьи въ собственномъ дѣлѣ: «да, дуракъ!»—Нѣсколько мимошедшихъ почтенныхъ людей значительно взглянули на него и никто, по совѣсти, не принялъ этого неучтиваго эпитета на свой счетъ. Только одинъ изъ извощиковъ, стоявшихъ у перекрестка, очень бойкій и чуткій парень, махая кнутомъ, подбѣжалъ къ Евтѣю съ восклицаніемъ: «куда-съ? Двугривенничекъ стоитъ!» Другой извощикъ, будто выросшій изъ земли, заревѣлъ подъ самымъ ухомъ Евтѣя: «Угодно за пятиалтынничекъ?» и въ то же мгновеніе цвѣтъ извощиковъ, лихачъ въ синемъ армякѣ, живо подкатилъ сани къ стопамъ Евтѣя, говоря учтиво но рѣшительно: «извольте садиться!»

Евтѣй былъ простой малый, всегда, кромѣ первыхъ чиселъ. Въ эти дни присутствіе рублей внушало ему чувство собственнаго достоинства, и онъ не любилъ разговаривать съ пустыми людьми, какими онъ считалъ въ душѣ извощиковъ. Озадаченный неожиданнымъ наѣздомъ этихъ пустыхъ людей, онъ не заблагоразсудилъ выводить ихъ изъ

Digitized by Google

заблужденія какимъ нибудь словомъ, и бросивъ на нихъ презрительный взглядъ, перешелъ на другой уголъ улицы.

Между тѣмъ онъ пребывалъ въ прежней нерѣшимости относительно къ неуклонному возвращенію въ квартиру. Неприличное выраженіе о Невскомъ Проспектѣ, вырвавшееся у него въ слѣдствіе досады на сбивчивость и обширность фактовъ, недоступную анализу, было забыто, и онъ продолжалъ развивать нить своихъ размышленій *съ округленія*, перервавшаго ее, именно съ *ликеровъ*.

«Ликеры, думалъ онъ, тѣ же пустяки что и пирожки. Я хорошо знаю, что такое ликеры и что пирожки. Конечно, ликеры бываютъ разные: есть сладкіе, есть горькіе..... а бываютъ и такіе ликеры, о которыхъ нельзя сказать опредѣлительно, какой они вкусъ имѣютъ.... превосходные да и только! Ну, и пирожки есть всякіе, особливо миндальные.... сливки и миндаль.... Боже мой! какихъ, подумаешь, пирожковъ нѣтъ въ Петербургѣ!... Но я не пойду, сказалъ, что не пойду, такъ и не пойду! Я умѣю владѣть собою: у меня желѣзная воля!»

Digitized by Google

И Евтѣй еще не успѣвъ кончить отреченія отъ Невскаго Проспекта, отправился на Невскій Проспектъ.

Вѣроятно онъ чувствовалъ тайный упрекъ въ малодушіи, потому что идя по Невскому, мимо кандитерской Беранже, не вошелъ въ нее, только улыбнулся ей тою улыбкою радости и горести, которую вызываетъ мимолетная встрѣча и быстрая разлука съ любимымъ предметомъ. Онъ пошелъ далѣе, размышляя такимъ образомъ: «Что мнѣ Невскій Проспектъ! Боюсь я его, что ли? Конечно нѣтъ! Стану я прятаться отъ Невскаго! Вотъ было бы смѣшно и жалко мое положеніе, если бъ я, въ такой единственный день, какъ первое число, въ такой прекрасный вечеръ, каковъ нынѣшній, не захотѣлъ пройти по Невскому, по всему Невскому, страха ради завернуть въ кандитерскую, и что мнѣ кандитерская? Какъ будто у меня нѣтъ воли и разума! Да если я не пройду по Невскому, то долженъ буду считать себя трусливымъ зайцемъ а не человѣкомъ съ желѣзною волею. Нѣтъ! Я не то, что какой нибудь Евсѣй и всѣ прочіе какіе нибудь «людишки, пишущая тварь!» Я, однимъ словомъ, человѣкъ мыслящій!».

Digitized by Google

Разсуждая такимъ образомъ, Евтѣй миновалъ многія кандитерскія и западную арку Казанскаго Собора, ведущую, какъ извѣстно, въ Мѣщанскую Улицу. Онъ шелъ съ твердымъ намѣреніемъ не уклоняться никуда, до самаго Аничкова Моста, и только тутъ удостовѣрясь въ стойкости и непоколебимости своей воли, нѣсколько смягчился въ отношеніи къ самому себѣ, и пожелалъ вознаградить себя за это героическое свойство обратною прогулкою по Невскому къ Морской, въ качествѣ строгаго судьи и безпристрастнаго наблюдателя Петербургскихъ нравовъ.

Идучи обратно по Невскому, Коллежскій Секретарь обратилъ вниманіе на встрѣчавшіяся ему лица: онѣ принадлежали исключительно чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ, и выражали то совершенное спокойствіе души, которое дается человѣку только одинъ разъ въ мѣсяцъ, когда не предполагается ничего, не мечтается ни о чемъ, наступаетъ совершенное убѣжденіе, что жалованье уже получено и покоится у сердца, біющагося ровно, безмятежно.

Толпа чиновниковъ ровно, спокойно, безстрастно двигалась по тротуару. Она со-

Digitized by Google

стояла изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: въ ней были люди не щегольски, даже просто одѣтые, но превосходно *декоратированные,* это самые безпорочные и самые счастливые люди, имѣющіе хорошіе мѣста, толстѣющіе отъ безкорыстія по службѣ. Они, какой бы морозъ или вѣтеръ ни былъ, всегда умѣютъ закутаться въ шинель такимъ хитрымъ образомъ, что не схвативъ простуды, покажутъ всякому встрѣчному символъ заслуги и достоинства. Были люди отлично одѣтые, не такъ хорошо декоратированные какъ тѣ, за то весьма любезные въ обращеніи, исполняющіе особыя порученія. Далѣе встрѣчались люди, отличавшіеся необыкновенною ясностію подбородковъ и милымъ прищуриваніемъ глазъ, подающіе большія надежды, кандидаты въ геніи и столоначальники; наконецъ разные чиновники, не имѣющіе возможности пріобрѣсть для прогулокъ «*партикулярную пару*» и явившіеся на Невскій, подобно Евтѣю, во всемъ блескѣ «установленной формы.»

Съ приближеніемъ къ кандитерской Беранже, въ толпѣ становилось замѣтнымъ вліяніе посторонней притягательной силы. Многіе чиновники, особливо изъ тѣхъ, ко-

Digitized by Google

торые хорошо исполняютъ особыя порученія, подаютъ большія надежды, быстро уклонились въ этотъ храмъ пирожковъ и ликеровъ. Прочіе, въ томъ числѣ и Евтѣй, остановились въ раздумьи: зайти ли туда на минутку, или отправиться далѣе, къ Адмиралтейской Площади.

«Теперь я доказалъ самому себѣ, разсуждалъ Евтѣй, что могу управлять собою на основаніи разумныхъ наведеній. Однажды я шелъ уже мимо кандитерской, но сказалъ, что не пойду въ нее.... и какъ только сказалъ, въ ту же минуту не пошелъ! Я понялъ, что кандитерскія и другія мѣста не что иное какъ бездонныя пропасти для такого жалованья, каково мое, которое, правда, было бы весьма достаточнымъ, если бы природа дала мнѣ соотвѣтственный организмъ—желудокъ страуса и кожу бѣлаго медвѣдя! Но такъ какъ она въ замѣнъ соотвѣтственнаго жалованью желудка, варящаго осколки тротуарныхъ плитъ, въ замѣнъ кожи, выдерживающей полярную стужу, дала мнѣ гораздо болѣе—сильный-характеръ, «непреклонную, желѣзную волю....»

И человѣкъ, обладающій сильнымъ характеромъ, непреклонною желѣзною волею,

Digitized by Google

внезапно прервавъ свои философическо-практическія разсужденія о суетѣ кандитерскихъ, бѣгомъ побѣжалъ.... о, слабое и хвастливое человѣчество!... побѣжалъ въ кандитерскую!

Digitized by Google

IV.

Разные ликеры.

Лишь только Евтѣй Евсѣевичъ очутился въ кандитерской, въ благовонной атмосферѣ конфектовъ, пирожковъ и ликеровъ, онъ окончательно выбросилъ изъ своей головы философическія разсужденія по поводу перваго числа. Проглотивъ нѣсколько пирожковъ, онъ не пріискивалъ въ умѣ своемъ ни аргумента, ни софисма для оправданія этого разорительнаго дѣйствія; онъ глоталъ съ единымъ сознаніемъ, что пирожки хороши, и есть чѣмъ заплатить за нихъ.

Въ то время, когда Евтѣй, послѣ десятаго пирожка сталъ приходить въ себя, онъ замѣтилъ у буфета великолѣпно декоратированнаго чиновника почтенныхъ лѣтъ и колоссальнаго роста; огромная голова его могла вмѣщать геній Архимеда,

Digitized by Google

Юлія Цесаря и Ньютона; длинныя, мощныя руки служили бы украшеніемъ, источникомъ счастія наилучшему водоносу; на груди его широкой, рельефной, могли быть удобно повѣшаны всѣ знаки отличія въ мірѣ. Этотъ странный чиновникъ, обращаясь къ человѣку, стоявшему за буфетомъ, спросилъ у него громовымъ голосомъ: «есть полька?» — Есть, отвѣчалъ тотъ. — «Давай!»

«Что за странность! Какіе большіе люди бываютъ на свѣтѣ! — думалъ Коллежскій Секретарь, «и что это за вещь, которую онъ называетъ *полькою?*» Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ жидкость чудесно-нѣжно-розоваго цвѣта, заключенную въ яркомъ хрустальномъ сосудѣ. Любопытство и вкусъ его были раздражены въ превосходной степени.... «Это, безъ сомнѣнія, ликеръ.... новый, усовершенствованный ликеръ.... Эхъ, чортъ возьми, какихъ ликеровъ не бываетъ въ этихъ кандитерскихъ!» разсуждалъ онъ, глядя съ жадностію на вожделѣнную влагу, и въ ту минуту, когда декоратированный чиновникъ выпивъ одну рюмку, потребовалъ другую, онъ не выдержалъ искушенія и приказалъ дать ему того же напитка.

Digitized by Google

«Вѣдь это ликеръ?» спросилъ онъ декоратированнаго чиновника.

— Это ликеръ, совершенно новый.... отвѣчалъ тотъ всепотрясающимъ басомъ.

«Названіе новое, замѣтилъ Евтѣй: каковъ-то вкусъ?»

—И вкусъ новый.... не горькій и не сладкій, совершенно польковый!

«Точно!» воскликнулъ Коллежскій Секретарь, выпивъ поданную ему рюмку польки,— «я съ вами совершенно согласенъ: вкусъ польковый. Истинно полезное изобрѣтеніе!...»

Когда чиновники выпили еще по одной рюмкѣ польки, разговоръ между ими оживился и развился; онъ касался всего: пирожковъ, пушекъ, шеколада особеннаго приготовленія, желѣзныхъ дорогъ, Рубини, и пр. и пр. Послѣдній предметъ далъ имъ поводъ выпить еще польки и съѣсть по два пирожка. Потомъ оба чиновника, случайно встрѣтившіеся, почувствовали одинъ къ другому самое дружеское расположеніе и «декоратированный» первый рекомендовался Евтѣю такимъ образомъ:

— Я Коллежскій Ассессоръ Спичка.

«Какіе странные бываютъ Коллежскіе

Digitized by Google

Ассессоры! подумалъ Евтѣй: не приличнѣе ли было бы этому называться Мачтою! и въ то же время отвѣчалъ съ поклономъ:

«А я Коллежскій Секретарь Бѣда!»

— Ну, это вовсе не бѣда! замѣтилъ Коллежскій Ассессоръ: вы еще молоды, успѣете быть и Тайнымъ Совѣтникомъ!

«Не чинъ мой бѣда, объяснялъ Коллежскій Секретарь, а я самъ называюсь Бѣдою.»

— Чортъ знаетъ какіе Коллежскіе Секретари водятся въ Петербургѣ! подумалъ Ассессоръ и отвѣчалъ, дружески пожавъ руку Евтѣя: Понимаю; вы такая же бѣда, какъ я—спичка! Мы съ вами Малороссіяне и носимъ Малороссійскія прозванія. А по какому вѣдомству служить изволите?

«По Департаменту! ***. Очень неудобная служба!»

—Не говорите! воскликнулъ Спичка: это самое благоустроенное вѣдомство, тамъ все люди ученые, образованные.... тамъ и оклады большіе.

«Большіе—для большихъ, замѣтилъ Евтѣй, а маленькіе для маленькихъ!...»

— Да, я служилъ когда-то въ числѣ маленькихъ... признаюсь, нестерпимо было! Пиши, переписывай.... и съ пятнадцатаго

Digitized by Google

числа сиди безъ хлѣба и безъ дровъ! Ну, я и не выдержалъ!...

«Странно!... Стало быть, - въ то время, когда вы служили въ числѣ маленькихъ, позволялось не выдерживать?»

— Не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете! отвѣчалъ Коллежскій Ассессоръ, и вслѣдъ за тѣмъ, съ особою деликатностію попросилъ Евтѣя позволить ему имѣть честь угостить его инымъ, новѣйшимъ ликеромъ, и когда Коллежскій Секретарь поклономъ и улыбкою изъявилъ на то согласіе, Спичка приказалъ подать *Могадора* и *Могадоръ* явился предъ изумленнымъ взоромъ Евтѣя, въ большомъ сіяющемъ крафинѣ, цвѣта небесной лазури, и потекъ въ рюмки густою, благовонною струею.

Оба чиновника разомъ випили благодатную влагу, и весело глядя одинъ другому въ глаза, воскликнули въ одинъ голосъ: «Превосходно!» Потомъ уже Евтѣй замѣтилъ отъ себя: «Непостижимо, какіе ликеры бываютъ вкусные! Можно сказать, иные, какъ, напримѣръ, эти, Полька и Могадоръ, въ состояніи осчасливить нашего брата!»

Выраженіе «нашего брата» показалось страннымъ Коллежскому Ассессору и онъ

Digitized by Google

спросилъ у Евтѣя: вы получаете жалованье: какое, позвольте узнать?

«Десять рублей въ мѣсяцъ, отвѣчалъ Евтѣй съ тяжкимъ вздохомъ.... Десять рублей получаетъ человѣкъ, учившійся двадцать лѣтъ сряду, написавшій и побѣдоносно защищавшій превосходную диссертацію «О вліяніи всеобщей гуманности на частную соціяльность,» знающій два древнихъ и четыре новыхъ языка, блистательно выдержавшій строгій экзаменъ въ законовѣдѣніи и камеральныхъ наукахъ.... Посудите сами, восклицалъ Евтѣй, къ чему мнѣ все это послужило?»

— Вы мечтатель! сказалъ Коллежскій Ассессоръ. Неужели вы до сихъ поръ не узнали великой истины, что для всякаго рода успѣха, возвышенія въ чемъ и гдѣ бы то ни было нужно одно знаніе—глубокое знаніе страстей человѣческихъ; что блага міра сего доступны, не уму, а коварству; что несчастливцы, которые сѣтуютъ на пренебреженіе ихъ учености или способностей и неумѣютъ сыграть партіи въ любовь, въ ненависть, въ безкорыстіе, во благо общее и въ тысячу другихъ игръ, которыми занимаются люди, эти несчастливцы, просто

Digitized by Google

дураки! Кстати: позвольте вамъ предложить особаго ликера, подъ названіемъ.... Эй, малый! подай намъ туда, въ другую комнату, *О'Коннеля!*

Разсужденія и въ особенности послѣднѣе предложеніе Коллежскаго Ассессора живо заинтересовало Коллежскаго Секретаря, и онъ съ большимъ удовольствіемъ согласился отвѣдать *О'Коннеля.* Новые знакомцы усѣлись въ углу особой комнаты, и между тѣмъ какъ Евтѣй вперивъ взоръ въ стоявшія предъ нимъ рюмки, анализировалъ содержаніе ихъ и старался составить себѣ точное понятіе о вкусѣ этого содержанія по его ярко-зеленому цвѣту, Коллежскій Ассессоръ Спичка, видимо желавшій быть полезнымъ бѣдному Бѣдѣ, продолжалъ свое назиданіе:

— Если вы хотите составить себѣ какую нибудь карьеру.... позволите ли говорить вамъ откровенно?

«Сдѣлайте одолженіе. Ваши практическія сужденія уже указали мнѣ кое-что важное....»

— И такъ, если вы хотите составить себѣ карьеру.... У вашего начальника есть, конечно, жена, или что нибудь въ родѣ не-

Digitized by Google

счастной покровительствуемой сироты, или все это вмѣстѣ?

«О!» воскликнулъ Коллежскій Секретарь.... и чтобъ утишить волненіе крови, произведенное этимъ вопросомъ, проглотилъ О'Коннеля!... «Унего есть и жена, и нѣчто, называемое Анною Алексѣевною!»

— Ну, такъ приволокнитесь за начальницею и влюбитесь въ эту Анну Алексѣевну.

«Волочиться за начальницею? сказалъ Евтѣй съ видимымъ испугомъ: это было бы непостижимою дерзостію, цыганскою наглостію! Это довело бы меня до....»

— *До степеней извѣстныхъ*, прервалъ его практическій Ассессоръ. Вы, молодой человѣкъ, слишкомъ неопытны въ дѣлахъ житейскихъ, и вовсе, по-видимому, не знаете женщинъ.

«Да, признаюсь, я мало разумѣю въ женщинахъ.»

— Въ томъ-то и дѣло, что вы составили себѣ какое-то особое понятіе объ этой части человѣческаго рода. Вы, подобно прочей поэтической молодежи, считаете женщинъ за лучезарныя, *неземныя* существа, а я вамъ скажу, что онѣ, за немногими исключеніями, то же что и мы,

Digitized by Google

мужчины, такъ же за немногими исключеніями.

Потомъ практическій Коллежскій Ассессоръ, воодушевляемый разными ликерами и интересомъ разговора сталъ разсказывать Коллежскому Секретарю, переходившему отъ изумленія къ изумленію, безчисленное множество оригинальныхъ исторій, ежедневно случающихся въ этомъ самомъ Петербургѣ, который, между прочимъ, такъ строгъ въ отношеніи къ сохраненію формъ и приличій.

Евтѣй, по случаю своихъ горькихъ обстоятельствъ и по неимѣнію такъ называемой *партикулярной пары*, проводилъ все свое время то въ канцеляріи, то въ квартирѣ, только изрѣдка, въ первые числа, заходилъ въ кандитерскую, подъ предлогомъ чтенія газетъ для узнанія, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ не имѣлъ истиннаго, практическаго понятія о тысячѣ различныхъ мелочей и въ особенности неукротимыхъ, ненасытимыхъ, иногда страшныхъ страстей, тайно, но неограниченно владычествующихъ надъ этими благородными людьми, у которыхъ въ глазахъ сіяетъ благость, надъ этими благовоспитанными,

Digitized by Google

эфирными, чувствительными женщинами, которыя держатъ себя такъ умно, такъ прилично, иногда сочиняютъ дѣтскія книги, иногда благотворятъ страждущему человѣчеству. Для него были странны и новы безпощадныя сужденія Спички о мужчинахъ и женщинахъ (неговоримъ о людяхъ); его поражалъ этотъ строгій, практическій анализъ отношеній обоихъ половъ.

Парализируя мужчинъ и женщинъ, людей и лошадей, Коллежскій Ассессоръ началъ было новое назидательное сужденіе, но Евтѣй не выдержалъ; его свѣтлыя мечты, фантастическія понятія о многихъ существенныхъ принадлежностяхъ человѣческаго бытія были уничтожены безжалостно и безвозвратно. Подъ гнетомъ тягостнаго, возмутительнаго впечатлѣнія, онъ прервалъ одну изъ страшныхъ исторій циника-Ассессора въ самомъ патетическомъ мѣстѣ.

«Извините, сказалъ онъ: но я думаю, что въ вашихъ сужденіяхъ, сколь они ни остроумны, ни поучительны, болѣе злословія на счетъ ближняго, чѣмъ сущей правды. По крайней мѣрѣ, такъ должно думать для чести человѣчества!»

— Для чести человѣчества! воскликнулъ

Digitized by Google

Ассессоръ, заливаясь смѣхомъ. Заботьтесь, молодой человѣкъ, о чести человѣчества, а оно между тѣмъ изобрѣтаетъ новые роды того, что слыветъ наслажденіемъ! Мы съ вами не передѣлаемъ человѣчества и, по мнѣ лучше уже думать о немъ дурно, ради истины, нежели хорошо, для его чести!

Digitized by Google

V.

Коллежскій Секретарь Евсѣй Евтѣевичъ.

Между тѣмъ какъ ученый Коллежскій Секретарь Евтѣй Евсѣевичъ, предаваясь отвлеченнымъ размышленіямъ о первомъ числѣ, наблюдая нравы, испытывая ликеры, находилъ новую точку воззрѣнія на жизнь, новыя начала дѣйствительнаго обѣда и настоящей комнаты съ истинными дровами, его товарищъ по квартирѣ, Коллежскій Секретарь Евсѣй Евтѣевичъ, получивъ двѣнадцать серебряныхъ рублей, выданныхъ четырьмя, свѣтло-зелеными кредитными билетами, не захотѣлъ и взглянуть на Невскій, а прямо изъ должности отправился въ квартиру, и тамъ разсчитавшись какъ слѣдуетъ съ хозяйкою, вдовствующею Губернскою Секретаршею, уединился въ своей каморкѣ и заперъ за собою дверь двумя тяжелыми, старинными стульями.

Digitized by Google

Видя, что никто не можетъ потревожить его внезапно, Коллежскій Секретарь положилъ на столъ три оставшіеся у него, за разсчетомъ съ хозяйкою билета, и глядѣлъ на нихъ въ теченіе одной минуты съ странною улыбкою, придававшею блѣдному лицу его неестественное выраженіе. Налюбовавшись билетами, онъ подошелъ къ двери, внимательно вслушался нейдетъ ли кто, и потомъ снявъ съ себя ветхій, вытертый, неопредѣленнаго цвѣта вицъ-мундиръ, украшенный вдоль и поперегъ многими швами, положилъ его къ себѣ на колѣни, и вооружившись иглою и перочинымъ ножичкомъ, предался странному, невѣроятному занятію....

Этотъ Коллежскій Секретарь былъ рѣзко противоположенъ своему товарищу. Природа, выпуская его въ свѣтъ, оттиснула физіономію его съ особенною тщательностію: онъ имѣлъ правильныя, благообразныя черты лица, встречаемыя рѣдко въ дѣловыхъ и ученыхъ людяхъ и часто — въ хорошихъ лакеяхъ. Неподвижность и сонливость этого благообразнаго лица еще болѣе оправдываетъ приведенное сравненіе; но съ другой стороны, необыкновенная

Digitized by Google

мраморная блѣдность его, отсутствіе рѣзкихъ морщинъ на лбу, неизбѣжныхъ на челѣ людей мыслящихъ и даже ходящихъ за барынями, отличала лице Евсѣя Евтѣевича отъ лица какого нибудь лакея, которое всегда сіяетъ розовымъ румянцемъ, слѣдствіемъ хорошаго житья и милости господской. Эта блѣдность въ глазахъ многихъ Петербугскихъ женщинъ, знающихъ толкъ въ мужчинахъ, была несравненно выгоднѣе, чѣмъ для Евтѣя его игривая, выразительная но рябая физіономія, его сверкавшіе огнемъ и чувствомъ сѣрые глаза. Евсѣй однако не пользовался выгодою своей интересной блѣдности и даже не замѣчалъ ее.

Переходя къ нравственному отличію Евсѣя отъ его товарища, прежде всего должно замѣтить, что онъ никогда ничему, кромѣ Россійской Азбуки не учился, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о желѣзной волѣ, ни о ясномъ разумѣ. Самый родъ службы его не требовалъ отъ него этихъ понятій, и чиновники-товарищи и, отчасти начальники его были всё люди практическіе, образованные, проученые и прошколенные житейскими потребностями.

Digitized by Google

Но хотя онъ не имѣлъ и понятія о волѣ и разумѣ, считая ихъ за техническіе термины какой нибудь таинственной Нѣмецкой науки, хотя, сколько ему ни толковалъ объ этомъ Евтѣй, онъ ни какъ не могъ постигнуть въ чемъ заключается воля и къ чему ведетъ разумъ, — онъ, однако, былъ снабженъ этими, самому ему невѣдомыми качествами въ страшномъ размѣрѣ. Дѣло въ томъ, что Евтѣй учился волѣ и разуму въ Университетѣ, и не *обладая* ими, только *зналъ* ихъ и безпрерывно толковалъ о нихъ своему товарищу; Евсѣй, напротивъ, стисцутый при самомъ сознаніи своего бытія мелкими но свирѣпыми обстоятельствами жизни, былъ весь проникнутъ ея условіями и началами, и не мысля о волѣ и разумѣ, жилъ по мудрому указанію нижеслѣдующихъ своихъ отвѣтовъ на свои же вопросы. *Первый вопросъ*: Если я каждый мѣсяцъ буду издерживать все свое жалованье, что изъ этого выйдетъ? — *Отвѣтъ*: Весь вѣкъ буду нищимъ. *Второй вопросъ*: Если я буду жить какъ нибудь и чѣмъ нибудь, откладывая каждый мѣсяцъ половину и даже двѣ трети жалованья, недовѣряя то ни кому — ни Банку, ни Ломбарду, и со-

Digitized by Google

храняя при себѣ въ извѣстныхъ мнѣ иныхъ, болѣе надежныхъ мѣстахъ такъ, чтобы ни одна душа въ свѣтѣ незнала того, что я коплю рубли — изъ этого что выйдетъ? *Отвѣтъ:* Я со временемъ скоплю двухъгодовое жалованье наличными рублями, а съ такою кучею денегъ можно жениться на благородной дѣвицѣ съ хорошимъ приданымъ, или на благонравной вдовѣ изъ купеческаго званія, съ опекаемыми дѣтками и домами.

Слѣдствіемъ этихъ мудрыхъ вопросовъ и еще болѣе мудрыхъ отвѣтовъ была колоссальная, чудовищная рѣшимость жить, нѣсколько лѣтъ сряду, въ тѣсныхъ предѣлахъ самаго неумолимаго воздержанія — рѣшимость, которой не могли поколебать ни какіе соблазны, бывшіе искусительными, потому что они всегда стояли лицемъ къ лицу съ нестерпимыми лишеніями; ни горькія нужды, для перенесенія которыхъ требовался необычайный, мощный, почти нечеловѣческій духъ; ни саркастическія выходки товарищей противъ его отчужденія отъ всѣхъ развлеченій, отъ всѣхъ удобствъ, покупаемыхъ хотя дешево, но— покупаемыхъ. Трудно ему было сначала

Digitized by Google

переносить все, къ чему осуждала его мудрая, практическая, даже можно сказать героическая рѣшимость; но, мало по малу торжествуя надъ вопіющими потребностями, одолѣвая животныя страсти разсчетомъ, онъ преображался, перерождался. Съ каждымъ первымъ числомъ капиталецъ его увеличивался; самоотверженіе, надежды, разсчеты расширялись; духъ стяжанія и отчужденія отъ всего, требующаго издержекъ, разрушалъ въ немъ всѣ страсти, свойственныя молодости, всѣ искушенія, свойственныя Петербургу.

Случайно сошелся онъ съ подобнымъ себѣ горемыкою, Евтѣемъ. Знакомство ихъ завязалось подъ воротами дома, гдѣ они должны были укрыться отъ дождя. Сначала они говорили о дождѣ, потомъ о производствѣ и наградахъ, наконецъ перешли къ самому интересному для обоихъ предмету — къ рублямъ и важности рублей. Оба страдали недостатками, оба понимали важную выгоду житья пополамъ, и вскорѣ послѣ того стали жить *пополамъ*; но бѣсъ расточительности гнѣздился въ душѣ его товарища, и Евтѣй, терпя лишенія въ теченіе цѣлаго мѣсяца, рѣдко воздерживал-

Digitized by Google

ся отъ вознагражденія себя за это терпѣніе перваго числа, тогда какъ Евсѣй не тратился на пустяки, спокойно выслушивалъ выходки Евтѣя о волѣ и разумѣ, и думалъ свою думу.

Между тѣмъ и судьба, всегда внимательная къ тѣмъ, которые пренебрегаютъ ею, улыбнулась Евсѣю. Великодушный начальникъ, которому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ жаловался на явную несправедливость своего повытчика, требующаго отъ него собственныхъ сочиненій, тогда какъ онъ именно приготовился къ переписыванію, этотъ начальникъ, часто употреблявшій его съ пользою для домашней переписки и убѣдившійся въ крайней его необходимости ко всякому сочиненію, особенно полюбилъ его за тихость нрава и красивый почеркъ. Будучи пожилымъ, семейнымъ и значущимъ въ обществѣ человѣкомъ, онъ, въ минуту пріятнаго расположенія духа, пожелалъ сдѣлать своего многострадательнаго подчиненнаго счастливымъ, иначе — вывести его въ люди, и въ то же время предложилъ ему свое покровительство, которое Евсѣй принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ и цѣлованіемъ руки начальника, а начальникъ, не откладывая дѣла въ

Digitized by Google

сторону, предложилъ ему, на первый случай, жениться на очень хорошей женщинѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, имѣющей маленькую дочь и большую способность къ выводу въ люди своего мужа. Евсѣй согласился.

Чтобы доставить Евсѣю способъ познакомиться съ Каролиною Ивановною, попечительный начальникъ отправилъ его къ ней съ какою-то посылкою, и такимъ образомъ Евсѣй, неимѣвшій «партикулярной пары», имѣлъ возможность явиться къ ней въ качествѣ простаго посланнаго, одѣтымъ въ свою форменную одежу. Каролина была роскошная женщина. Съ перваго взгляда на нее Евсѣй могъ увидѣть въ ней идеалъ свой, если бы давно неизгналъ изъ головы всѣхъ идеаловъ, считая ихъ бредомъ разгоряченнаго воображенія. Но такова была Каролина.... Можно подозрѣвать, что Каролина знала истинную причину посѣщенія Евсѣя, потому что была необыкновенно внимательна къ этому мученику рублей и воли. Она съ первыхъ словъ обратила разговоръ не на погоду, какъ вообще водится, но очень разумно и тонко заговорила о дороговизнѣ квартиръ и хозяйственныхъ припасовъ и о

Digitized by Google

другихъ не пустозвонныхъ, дѣльныхъ предметахъ; даже съ удивительною разборчивостію умѣла коснуться близкаго Евсѣю сюжета — о томъ, какое бываетъ на свѣтѣ странное начальство — не назначать должностей людямъ по ихъ способностямъ!

Впечатлѣніе, вынесенное Евсѣемъ изъ необширной, но благоустроенной квартиры Каролины Ивановны было таково, что онъ, возвращаясь домой, зашелъ по пути къ портному и заказалъ ему *партикулярную пару*, чтобъ явиться въ ней къ Каролинѣ Ивановнѣ для формальнаго испрошенія руки ея; и когда *пара* была сдѣлана, съ выгоднымъ условіемъ уплачивать за нее по частямъ, въ первые числа, онъ отнесъ ее домой и положилъ, до надлежащаго времени, въ старый, давно не запиравшійся комодъ, невѣдомо Евтѣю, отъ котораго онъ, по натурѣ или по привычкѣ, скрывалъ свои мысли и дѣйствія какъ могъ болѣе. Онъ однако жъ не выдержалъ въ ту минуту, когда Евтѣй объявилъ ему о близкой своей женитьбѣ, и, какъ было сказано въ первой главѣ этой *достовѣрной исторіи*, признался своему ученому товарищу, что и онъ женится.

Digitized by Google

Кончивъ странное занятіе, о которомъ упомянуто въ началѣ этой главы, Евсѣй пришелъ въ восторженное состояніе: онъ бросилъ въ сторону старый вицъ-мундиръ, надъ которымъ только что произвелъ операцію, и сталъ прыгать по комнатѣ, подобно ребенку, кончившему урокъ, или нищему, нашедшему цѣлковый....

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ составилъ обширный, колоссальный планъ, задумалъ строгую, великую думу! И тотъ планъ, та дума деспотически владычествовали надъ нимъ до этой минуты, уничтожали въ немъ и всякій юношескій порывъ, и всякое человѣческое стремленіе. Теперь предѣлъ всему чудовищному, сатанинскому, героическому! Долго былъ онъ *автоматомъ*, движимымъ нуждою и желаніемъ преодолѣть, уничтожить нужду — «наконецъ и онъ сталъ *человѣкомъ!*»

Нѣсколько минутъ сряду Евсѣй то ходилъ по комнатѣ, то садился къ столу, въ положеніи человѣка, не знающаго куда дѣваться со счастіемъ; потомъ облекшись въ изящную черную, *партикулярную пару* и поглядѣвшись въ стеклышко, замѣнявшее

Digitized by Google

для него и его товарища настоящее зеркало, онъ улыбнулся, дружески ущипнулъ себя за ухо, примолвивъ: «молодецъ, разбойникъ!» и поспѣшно вышелъ....

Digitized by Google

VI.

Невѣста.

«Русая головка» мелькаетъ у окна нижняго этажа, гдѣ производится полезная фабрикація женскихъ шляпокъ и мужскаго бѣлья. Первое побужденіе, влекущее «русую головку» къ окну, есть любопытство, простое желаніе посмотрѣть на то, что дѣлается на проспектѣ; въ ту минуту, когда она смотритъ на другихъ, другіе смотрятъ на нее, и вотъ раждается новое, пріятное влеченіе къ окну для того, чтобы показать себя, — и на ней останавливается внимательный и проницательный взоръ людей, мимоидущихъ тихимъ шагомъ, съ явнымъ намѣреніемъ посмотрѣть всюду и все, и не нашумѣть нигдѣ. «Русая головка» не обращаетъ на нихъ вниманія; но раздается звонъ шпоръ и сабли: смѣло и бодро, будто

Digitized by Google

идя на страшный приступъ, шествуетъ воинственный уланъ по тротуару, глядя во всѣ стекла, и русая головка прильнула къ окну со вниманіемъ. Это вниманіе возбуждено шпорами, но глаза ея встрѣчаются съ усами и, о счастіе! оказывается, что *сіи* усы и *оныя* шпоры принадлежатъ одному лицу. Какое милое сочетаніе! Усы, между тѣмъ, шевелятся, шпоры звѣнятъ и сабля, выпущенная изъ руки, ударяясь о гранитъ, извлекаетъ яркія искры. Прелесть! И въ слѣдъ за искрами летятъ къ русой головкѣ слѣдующія замѣчанія усовъ: «Какая хорошенькая! Какъ тебя зовутъ, душенька? А?... ты не слышишь?... Мадамъ?... Я изломаю твою мадамъ!—Я заверну сюда по позже; ты выйди.... прогуляться!»

Вслѣдъ за тѣмъ новый звонъ, новыя искры; усы оборачиваются направо-кругомъ и исчезаютъ; но долго еще глядитъ въ окно русая головка.... усовъ уже не видно, а ей все слышится звукъ шпоръ, въ глазахъ еще мелькаютъ искры... Она и вполовину не разслушала словъ, произнесенныхъ усами, но, какъ быть! Въ магазинѣ скучно, и она, едва дождавшись вечера, надѣваетъ скромную соломенную шляпку и выходитъ....

Digitized by Google

подышать свѣжимъ воздухомъ; а они уже здѣсь, у самыхъ дверей, эти роковые усы! Они умѣютъ кстати владѣть шпорами и саблею и — если понадобится, проберутся тише кошки, крадущейся къ мышкѣ.

Слѣдуетъ небольшая прогулка, въ которую уланъ успѣваетъ наговорить русой головкѣ много нѣжнаго, веселаго, трогательнаго, однимъ словомъ — *милаго* до такой степени, что она начинаетъ чувствовать пріятно-томительное влеченіе къ этимъ коварнымъ усамъ, и когда они, пользуясь темнотою, прильнули къ ея розовымъ щечкамъ, она вздрогнула и не могла сказать ни какого замѣчанія по случаю этого таинственнаго и между прочимъ невыразимо-сладостнаго прикосновенія. Послѣ этого усы сказали русой головкѣ, что они имѣютъ надобность быть здѣсь завтра, въ ту же самую пору и пройдутъ мимо магазина,—и съ демонскою улыбкою услышали отъ нея тихій отвѣтъ, что ей то же надобно выйти изъ магазина въ ту же пору, «по своему дѣлу.» Въ слѣдствіе этихъ двухъ надобностей, въ другой вечеръ послѣдовала новая, также случайная встрѣча русой головки съ уланомъ и его усами.

Digitized by Google

И вдругъ люди, проходящіе мимо магазина тихимъ шагомъ, не замѣчаютъ русой головки, а опустѣвшая дорогая квартира надъ магазяномъ, во второмъ этажѣ, за-ново отдѣланная и меблированная, занята молодою одинакою хозяйкою, а для дворника и своей горничной — барынею.... Русая головка уже не шьетъ шляпокъ, а исполнясь человѣколюбиваго намѣренія примириться съ обманутою «мадамою,» заказываетъ ей всѣ необходимыя въ новомъ быту тряпки; изъ покровительствуемой становится покровительницею, и мадамъ льстиво и лживо замѣчаетъ ей: «Я говорила вамъ, сударыня, что въ моемъ магазинѣ вы составите себѣ карьеру; вотъ, неправда ли?» Таковы уже всѣ мадамы! Послѣ друзей и кредиторовъ мадамы самый страшный народъ въ Петербургѣ!

Съ переселеніемъ въ бель-этажъ странный призракъ мелькаетъ въ душѣ и сердцѣ русой головки, такъ же какъ она мелькала въ окнахъ магазина: она чувствуетъ себя довольною и счастливою. Минуты летятъ за минутами и изъ многихъ минутъ образуется годъ.... а долѣе можетъ ли существовать этотъ фактъ называемый счастіемъ! и притомъ

Digitized by Google

сколько надобно самоотверженія, самозабвенія, пылкости, юности, страсти чтобъ создать себѣ съ единымъ, исключительнымъ посредствомъ хорошенькаго личика, свое домашнее, никому невѣдомое счастіе!

Она счастлива..... И въ ту пору, какъ она наиболѣе теряется, уничтожается разрушительнымъ обаяніемъ счастія, является существенная надобность платить за великолѣпную квартиру. Это житейское обстоятельство уничтожаетъ, разбиваетъ въ дребезги ея счастіе. Она волнуется пошлыми нуждами, она трепещетъ въ чаяніи пришествія — не *его*, не сіятельнаго князя, ловкаго, браваго молодца, которому принадлежатъ часто упоминаемые усы, шпоры и сабля, а дворника, негоднаго, неучтиваго, положительнаго дворника!

Дѣло въ томъ, что въ двѣнадцатый мѣсяцъ счастливой любви, воинственный уланъ пренебрегъ «счастливою любовью». И не должно обвинять его: въ Петербургѣ такъ много женщинъ утонченныхъ, пылкихъ, воздушныхъ, облачныхъ, электрическихъ, Бальзаковскихъ, Жоржъ-Сандовскихъ, даже Шекспировскихъ, даже мечтательныхъ — Байроновскихъ и Шиллеровскихъ, что и не такая

Digitized by Google

голова какъ та, которая была на плечахъ у сіятельнаго князя, могла вскружиться, даже одурѣть отъ нихъ, если бъ лицепріятная природа не создала его заблаговременно, дуракомъ.

При такихъ обстоятельствахъ немудрено что другъ, между прочими обязанностями, сталъ забывать и наиболѣе важную обязанность доставлять ей, русой головкѣ, по положенію, тысячу рублей въ каждое первое число, и русая головка принуждена была объясняться съ дворникомъ.....

Тогда безропотно, въ молчаніи, русая головка рѣшилась сократить свои издержки, разсчитаться съ положительнымъ дворникомъ, и поселиться выше, въ третьемъ этажѣ, тамъ кстати оказалась свободною квартира: не такъ просторная, не такъ удобная какъ въ бельэтажѣ, но все таки очень хорошая квартира. Она переселилась, и сіятельный другъ, посѣтивъ ее однажды, вовсе и не замѣтилъ этого переселенія, а о тысячѣ рубляхъ, которые такъ положительно были опредѣлены въ минуты страсти, то же ни слова! Русая головка закручинилась.....

Она не погибла. Попечительная судьба, въ образѣ откупщика, толщиною въ полъ-

Digitized by Google

экватора, толстѣйшаго и пустѣйшаго изъ всего, что производила земля толстаго и безтолковаго. Эта судьба слѣдила и наблюдала ее въ театрахъ, на балахъ, (да простится сущее невѣжество въ точномъ названіи тѣхъ «собраній», въ которыхъ, подъ сѣнію сіятельныхъ усовъ, была царицею русая головка), въ маскарадахъ и всюду, куда ни возилъ ее сіятельный другъ въ минуты любви и желанія похвастать своею любовію!

Откупщикъ явился къ ней съ предложеніемъ услугъ въ самое удобное время, когда она, томимая горькимъ предчувствіемъ грядущихъ бѣдъ, пугалась ихъ безсознательно, когда онѣ представлялись ей не въ сущности, а въ воображеніи, въ чудовищно-сказочномъ видѣ, въ какомъ обыкновенно умная нянька представляетъ чорта глупому ребенку; онъ явился кстати и умѣлъ доказать ей свою преданность самыми уважительными, положительными фактами.

Откупщикъ былъ человѣкъ опытный въ той же мѣрѣ, въ какой былъ онъ человѣкъ глупый. Онъ понялъ высокую выгоду питаться остатками барскаго стола. Любилъ знаться и водиться съ важными, знат-

Digitized by Google

ными людьми, которыми онъ считалъ всѣхъ ребятъ, бьющихъ зеркала въ трактирахъ и стекла въ кандитерскихъ: онъ готовъ былъ ограбить и откупа, и своихъ законодателей, только бы съ могущественнымъ содѣйствіемъ рублей быть съ этими господами за панибрата; да это и не трудно: извѣстно, что знатные господа, столь генеалогическіе въ иныхъ случаяхъ, всегда раздвигаются для принятія въ свои ряды тѣхъ разумныхъ людей, которые сосредоточили свои родовыя и личныя качества во всемогущихъ ломбардныхъ билетахъ.

Имѣя въ домѣ жену и семейство, онъ считалъ нужнымъ имѣть еще и на сторонѣ, въ разныхъ частяхъ города, побочныхъ женъ и побочныя семейства. Послѣ страсти къ знатному знакомству, была у него сильнѣйшая страсть отбивать у знатныхъ пріятелей ихъ Анетъ, Алинъ и т. п. Иногда удавалось ему точно отбивать желаемый предметъ, иногда онъ вступалъ во владѣніе этимъ предметомъ, какъ движимою собственностію, по сдѣлкѣ съ первоначальнымъ владѣльцемъ; но во всякомъ случаѣ онъ искалъ только такой Анеты или Алины, которая уже пользовалась вниманіемъ «Великихъ»

Digitized by Google

людей—такъ называлъ онъ своихъ блистательныхъ знакомцевъ.

И вотъ русая головка во владѣніи человѣка, имѣющаго деньги, но неимѣющаго ни шпоръ, ни усовъ, ни любезности ея перваго друга. Она испытываетъ первую тяжесть этой странной жизни многихъ женщинъ въ Петербургѣ, жизни, проданной цѣною квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, тянущейся однообразно, томительно, скучно, среди соблазнительныхъ вѣстей кухарки, въ отчужденіи отъ всего міра....

Но откупщикъ недолго надоѣдалъ ей своею любовью и своими посѣщеніями; онъ уже успѣлъ вымѣнить у князя воздушную, электрическую хористку на лихаго рысака, сѣраго въ яблокахъ, рысака, которому подобнаго не было во всемъ Петербургѣ. Онъ *бросилъ* русую головку, и русая головка наняла квартиру еще выше.

Только тутъ, въ четвертомъ этажѣ, она положительно узнала ничтожество любви, эгоизмъ мужчинъ, матеріяльность жизни. Только тутъ она увидѣла ожидающій ее жребій, странный, отвратительный жребій всякой «эмансипированной» женщины, теряющей курсъ и красоту. Достигнувъ *Петер-*

Digitized by Google

бургскихъ вершинъ — предѣла обитаемаго міра холодной полосы, которая не производитъ и не терпитъ столь нѣжныхъ растеній каковы любовь и счастіе, которая болѣе мертвитъ, нежели животворитъ, она потеряла навсегда и піитическое названіе «Русой Головки,» подъ которымъ была въ обращеніи у своихъ знатныхъ и богатыхъ поклонниковъ. Теперь она просто называлась Мадамъ Каролиною и даже Анною Алексѣевною, потому что, будучи Русскою Нѣмкою, имѣла нѣсколько разныхъ именъ.

Выше Петербургскихъ вершинъ нельзя уже было подняться; но легко было пасть съ нихъ въ самое низовье, въ бездну совершеннѣйшаго.... космополитисма.

Глубоко было ея отчаяніе, когда она въ первый разъ внимательно и проницательно обозрѣла свое положеніе, свою будущность. Она была въ опасности погибнуть, подобно тысячѣ другихъ женщинъ, которымъ, въ ихъ несчастію, не дано столько вѣдѣнія сколько страсти, для которыхъ первое невинное, радостное, тайное свиданіе — есть ошибка, а первое увлеченіе любви, чистое священное въ своемъ началѣ, есть уже преступленіе.

Digitized by Google

Тогда заглушивъ горькія чувствованія, перенося мужественно насущныя нужды и непостоянство своихъ поклонниковъ, руководствуясь опытностію и пренебреженіемъ ко всему что потеряно ею безвозвратно, она рѣшилась, и рѣшась съумѣла создать себѣ новое, самобытное значеніе. Ея *извѣстность* въ эксцентрическихъ обществахъ, называемыхъ танцъ-классами, привлекала къ ней одного за другимъ лучшихъ обитателей Петербургскихъ вершинъ. Сравнительно съ прежними, эти искатели любви ея были ничтожны въ финансовомъ и общественномъ значеніи, и ни одинъ изъ нихъ не стоилъ ея привязанности, потому что не былъ въ состояніи оказать ей ничтожную услугу принятіемъ на себя платежа за ея квартиру; но сообразивъ, что *вся* эта толпа людей можетъ быть полезнѣе *одного* откупщика, она отличила, на первый случай, двухъ пожилыхъ чиновниковъ, которые, занимая въ низу «хорошія мѣста,» — были, въ сущности, Статскіе Совѣтники, а принадлежа, по жительству, по происхожденію и по родству своему къ обитателямъ Петербургскихъ вершинъ, назывались и были называемы здѣсь, въ верху, генералами.

Digitized by Google

Этихъ генераловъ Анна Алексѣевна, она же и мадамъ Каролина, принимала такимъ хитрымъ образомъ, что они никогда не имѣли огорченія встрѣтить одинъ другаго въ ея маленькой гостиной, и хотя были старые знакомцы между собою, однако, при самыхъ задушевныхъ объясненіяхъ за дешевымъ шампанскимъ, могли открыть, что у нихъ одна пріятельница. Они знали и твердо были увѣрены, что у одного изъ нихъ есть Анна Алексѣевна, живущая въ большомъ домѣ у Каменнаго Моста, у другаго — Каролинхенъ, живущая въ томъ же домѣ, только по другой лѣстницѣ.

Соединенная любезность этихъ «генераловъ» заново и изящно отдѣлала маленькую, скромную квартирку Анны Алексѣевны, и была вознаграждена и возбуждена въ каждомъ генералѣ отдѣльно яснѣйшими знаками глубокой признательности — обѣтомъ вѣрности вѣчной, неизмѣнной, — вѣрности, въ отношеніи къ которой пожилые чиновники, имѣющіе опредѣлительное значеніе въ обществѣ, весьма щекотливы.

Между тѣмъ пока Статскіе Совѣтники, они же и генералы, каждый въ назначенное ему время, разогрѣвали свою хладѣющую кровь ласками Анны Алексѣевны и

Digitized by Google

мадамъ Каролины, она одерживала надъ обитателями Петербургскихъ вершинъ новыя побѣды.....

Потомъ, когда насытилась ненависть ея къ этому полу, когда въ душу стали закрадываться томительная скука вѣчнаго одиночества, сознаніе возмутительной особенности своего положенія въ качествѣ «свободной женщины,» досада на свое непреоборимое отчужденіе отъ общества,—она захотѣла примириться съ этимъ своенравнымъ обществомъ, движущимся по собственнымъ но непреложнымъ, неумолимымъ законамъ, примириться — пока еще было время и средства....

Тоскуя о своемъ одиночествѣ, она имѣла счастіе быть матерью маленькой дѣвочки, по появленіи которой на свѣтъ, каждый изъ Статскихъ Совѣтниковъ удвоилъ свою любезность и почтительность къ Аннѣ Алексѣевнѣ....

Анна Алексѣевна торопилась жить. Ея купидончикъ женскаго пола торопился рости: въ одинъ годъ онъ не только бѣгалъ по комнатѣ, но плясалъ родъ польки собственнаго изобрѣтенія — довольно глупый родъ, должно замѣтить для исторической вѣр-

Digitized by Google

ности,—но очень оригинальный и забавный по мнѣнію Анны Алексѣевны

Пока подросталъ этотъ купидончикъ, Анна Алексѣевна задумывалась болѣе и болѣе... Что будетъ съ нимъ или съ нею, съ этою маленькою Аннушкою, когда она достигнетъ лѣтъ шестнадцати, когда въ молодой головкѣ ея закружатся радужныя мечты, когда невѣдѣніе добра и зла допуститъ ее къ пріятнымъ увлеченіямъ обманчиваго счастія, когда ей скажетъ какой нибудь *онъ:* «Люблю тебя, душенька! выйди завтра прогуляться... Но не говори матери—она деревянная старуха!» И дочь ея станетъ такою же вольною женщиною какъ она, и станетъ повышаться помѣщеніемъ изъ перваго этажа во второй, изъ втораго въ третій и, поднимаясь все выше и выше, забьется наконецъ въ темный уголъ подъ самую крышу, и тамъ — вспомнитъ и проклянетъ мать свою!

Какъ оскорбленіе самолюбія отважило ее на самый циническій образъ жизни, такъ заботливость о будущей судьбѣ этого хорошенькаго, веселаго, танцующаго и лепечущаго ребенка стала обращать ее къ другой жизни, тихой, уединенной и—общественной. Ей хотѣлось дать дочери имя и значеніе, чтобъ на

Digitized by Google

нее не указывали пальцами, чтобъ ее, еще невинную, не клеймилъ позоръ матери....

Тогда она потребовала у генераловъ, которые думали каждый просебя, что судьба этого ребенка и его матери лежитъ у него на совѣсти, — чтобы они доставили ей въ кратчайшій срокъ мужа превосходныхъ качествъ, удивительной безпорочности по службѣ, совершеннѣйшей вѣрности въ супружествѣ. Генералы съ тайнымъ удовольствіемъ согласились «покончить разомъ это казусное дѣло,» и въ теченіе одной недѣли оба представили ей въ женихи по Коллежскому Секретарю самаго неукоризненнаго достоинства. Ей оставалось выбрать любаго: одинъ имѣлъ протекцію, значительную по своей должности сумму денегъ и самую осязательную вѣрность, осязательную потому, что онъ въ два визита свои къ мадамъ «Каролинѣ» ясно выказалъ свое глубокое экономическое воззрѣніе на жизнь, свои строгія семейныя понятія и увѣренность въ копѣечныхъ началахъ общественнаго и частнаго благополучія. Его одежда, его видъ подтверждали, что онъ проникнутъ этими понятіями, этими началами; что онъ не можетъ разстаться съ ними никогда, не можетъ и измѣнить

Digitized by Google

женѣ, потому что всякая измѣна противна упомянутымъ копѣечнымъ началамъ, на которыхъ основалъ онъ свою жизнь,—всякое нарушеніе супружескаго согласія влечетъ за собою разстройство въ домашней экономіи и непредвидимыя издержки. Другой имѣлъ тоже протекцію, но не имѣлъ ни гроша денегъ, и допускалъ сильное подозрѣніе въ способности своей къ вѣрности: онъ откровенно и пылко объяснялъ «Аннѣ Алексѣевнѣ,» что «любилъ и будетъ любить женщинъ, что онъ всегда, даже за полмѣсяца до перваго числа, бываетъ восхищенъ, воодушевленъ, счастливъ, если встрѣтитъ красавицу; что женщины искони нравственнѣе, добрѣе, лучше, возвышеннѣе мужчинъ, что онѣ—живая поэзія, источникъ жизни и радости, цвѣтъ, украшеніе и начало человѣчества...» и много другихъ словъ въ пользу женскаго пола насказалъ онъ, словъ, показывавшихъ, что имѣть такого мужа въ отношеніи къ его пылкости, восторженности и почтительности — рѣдкое счастіе, но въ отношеніи къ вѣрности его—постоянная мука.

Такимъ образомъ принимая у себя въ установленное время двухъ жениховъ, из-

Digitized by Google

вѣстная одному подъ именемъ Анны Алексѣевны, а другому подъ именемъ Каролины, бывшая «русая головка» изучала ихъ достоинства, и чѣмъ болѣе изучала, тѣмъ менѣе имѣла рѣшимости предпочесть одного изъ нихъ другому.... Она хотѣла бы составить изъ обоихъ одного соединеннаго чиновника, въ которомъ сосредоточивалось бы неисчислимое множество драгоцѣнныхъ качествъ, долженствовавшихъ явить въ Петербургѣ самую рѣдкостную рѣдкость — полнаго, безпорочнаго Коллежскаго Секретаря и абсолютнаго мужа.

Digitized by Google

VII.

Коллежскій Секретарь Евтѣй Евсѣевичъ.

Было десять часовъ вечера, когда Евтѣй Евсѣевичъ оставилъ кандитерскую у Полицейскаго Моста. Дождь, хлеставшій въ лице, освѣжилъ его. Тусклый свѣтъ фонарей, мерцавшихъ въ глубокомъ мракѣ, гулъ и вой вѣтра наводили тоску на душу. Съ трудомъ совершилъ онъ опасную переправу чрезъ озеро стоячей воды, на другую сторону проспекта, и отправился по прямому тракту въ квартиру.

Онъ отпраздновалъ первое число въ кандитерской. По случаю ликеровъ и пирожковъ, онъ лишился половины своего жалованья, и по случаю встрѣчи съ оригинальнымъ Ассессоромъ, всѣхъ своихъ философическихъ убѣжденій, всѣхъ фантастическихъ вѣрованій, которые поддерживали

Digitized by Google

и укрѣпляли духъ его въ мелочной борьбѣ съ мелочными нуждами. Теперь онъ созналъ ничтожество своей воли, о которой имѣлъ такое высокое понятіе, неприложимость къ житейскимъ обстоятельствамъ своего разума, на который такъ много надѣялся!

Есть минуты, когда обыкновенныя ежедневныя вліянія и встрѣчи имѣютъ надъ душею чародѣйственную силу, когда пошлыя, всегда и всякому видимыя происшествія и случаи въ общественной жизни, часто повторяемые, болезнѣнныя, мизантропическія идеи, предъ раздражительною воспріимчивостію духа принимаютъ образъ и получаютъ свойство началъ этой жизни. Такими минутами были для Евтѣя Евсѣевича тѣ, которыя провелъ онъ въ кандитерской, въ питіи различныхъ ликеровъ и въ циническихъ разсужденіяхъ съ Коллежскимъ Ассессоромъ Спичкою.

Стеченіе многихъ мелкихъ причинъ и условій разрушило его самоувѣренность: первое число, въ которое живетъ чиновникъ такъ называемою жизнію; десять рублей серебромъ, съ которыми онъ видится и которыми владѣетъ только перваго числа; разные ликеры неописуемо чуднаго свой-

Digitized by Google

ства, необыкновенно атлетическіе размѣры Коллежскаго Ассессора, странный характеръ его положеній и доводовъ о преобладаніи въ обществѣ началъ животныхъ надъ началами духовными; унылая, мрачная перспектива, представлявшаяся Евтѣю при взглядѣ на свою будущность, съ своей точки зрѣнія, наконецъ рѣзкая противоположность свѣтлой, удобной, изобильной кандитерской съ темною, холодною клѣткою, въ которой обитаетъ онъ по недостатку рублей—все это дѣйствовало на него съ необъятною силою, все возмущало духъ его, наводило тоску, повергало въ отчаяніе....

А между тѣмъ на улицахъ Петербургскихъ продолжался разгулъ перваго числа. Мастеровые пѣли пѣсни, не обращая вниманія на близкое присутствіе съѣзжей; чернорабочіе отважно и громогласно судили своихъ подрядчиковъ за вычетъ прогульныхъ дней, говоря, что *мѣстовъ*-то имъ довольно есть, и не у *евтакихъ* хозяевъ живали, да въ первыя числа гуляли! Разные желтолицые люди, во всякое время смирные, озабоченные, дрожащіе въ вытертыхъ вицъ-мундирахъ, смѣло разсуждали объ отставкѣ экзекутора и о войнѣ въ Алжирѣ. Сама

Digitized by Google

природа, въ иные дни сѣрая, туманная, Петербургская, теперь была грозна, величава, срывая вихремъ крыши съ домовъ, опрокидывая пѣшеходовъ, низвергая на Петербургъ страшную массу воды.

И онъ сталъ, по старой привычкѣ, анализировать свое положеніе и сравнивать свою жизнь съ этимъ длиннымъ, темнымъ путемъ, отъ Полицейскаго до Какушкина Моста, представляющимъ для него одну цѣль—сырой чуланъ между землею и луною, вдали отъ благъ земныхъ, вдали отъ даровъ небесныхъ. Горькое воспоминаніе прошедшаго, мертвящее предчувствіе будущаго овладѣло имъ, терзало его....

Онъ уже погибалъ жертвою своихъ мелкихъ нуждъ, когда заботливая судьба послала ему товарища *для житья пополамъ*, въ одной комнатѣ, точнѣе—ангела-хранителя въ особѣ такого же какъ онъ, Коллежскаго Секретаря, Евсѣя Евтѣевича. Экономическое вліяніе Евсѣя надъ Евтѣемъ день отъ дня становилось очевиднѣе. Бывало Евтѣй Евсѣевичъ не каждый день посылалъ хозяйку въ мелочную лавку за молокомъ и хлѣбомъ; иногда выпросивъ у казначея до перваго числа цѣлковый, онъ ходилъ обѣдать въ

Digitized by Google

кухмистерскую. Теперь эта роскошь была оставлена. Огромный хлѣбъ былъ покупаемъ непосредственно изъ пекарни, и этимъ способомъ хозяйственнаго заготовленія провіанта соблюдалось три копѣйки выгоды. Молоко приносила Чухонка, и тутъ копѣйка выгоды; кромѣ того, послѣдній продуктъ употреблялся не ежедневно: Евсѣй Евтѣевичъ заставилъ Евтѣя Евсѣевича быть религіознымъ: по Средамъ и Пятницамъ довольствоваться квасомъ. Бывало, у Евтѣя, чуть стемнѣетъ въ комнатѣ, уже горитъ свѣча, и горитъ безъ толка, безъ всякой существенной надобности, потому что Евтѣй занимался не служебнымъ дѣломъ, а безполезнымъ чтеніемъ книгъ, — теперь, только въ самые темные вечера, и то не болѣе какъ на одинъ часъ зажигался огарокъ.

Трудно, странно, даже страшно было сначала Евтѣю покориться такимъ лишеніямъ; но доводы Евсѣя въ пользу этой возмутительной экономіи были сильны, и его побѣдоносною логикою уничтожалось всякое сопротивленіе Евтѣя.

Время шло, и Евтѣй сталъ привыкать ко всему: онъ исправно въ каждое первое число

Digitized by Google

приносилъ Евсѣю свое жалованье, и принималъ отъ него совѣты куда и на что употребить эти деньги. Совѣты были глубокомудры, и онъ слѣдовалъ имъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ мудрости. Не прошло и года со времени ихъ житья пополамъ, какъ *лишнія* вещи, составлявшія весь гардеробъ, все имущество Евтѣя, были выкуплены у ростовщика; онъ заплатилъ весь капиталъ: сто двадцать процентовъ на капиталъ и девяносто процентовъ на проценты, заплатилъ и тутъ же обругалъ ростовщика, назвалъ его скотиною и ростовщикомъ. Первый эпитетъ былъ еще довольно сносенъ для самолюбія ростовщика, но послѣдній жестоко оскорбилъ его; люди вообще обижаются собственными именами и хотятъ, чтобы ихъ называли только *прилагательными*. Ростовщикъ обидѣлся и сказалъ Евтѣю пословицу: «не плюй въ колодезь, — пригодится воды напиться,» Евтѣй отвѣчалъ на это, что впередъ онъ никогда не обратится къ нему, а ростовщикъ промолчавъ, пока Евтѣй ушелъ отъ него, сказалъ: «хорошо!»

Внѣ своей квартиры онъ былъ, попрежнему, расположенъ къ нерасчетливости и расточительности. Духъ сластолюбія овладѣ-

Digitized by Google

валъ имъ и онъ готовъ былъ бросить цѣлковый,—если имѣлъ его,—на совершенные пустяки; но одно воспоминаніе о томъ, что этотъ цѣлковый, будучи отданъ ростовщику, подвинетъ освобожденіе его *лишнихъ* вещей, воздерживало его отъ глупости. Онъ носилъ ветхій, вытертый, со многими заплатками вицъ-мундиръ; прочія части его одежды гармонировали съ вицъ-мундиромъ. Въ такомъ нарядѣ еще можно было просидѣть въ должности, но пройти по Невскому, или зайти къ начальнику, который нерѣдко обѣщалъ позаботиться о немъ и звалъ его къ себѣ для сообщенія чего-то важнаго,—онъ очень совѣстился. Когда же онъ возвращался въ свою комнату, то подвергался весьма полезному, но и весьма томительному вліянію своего товарища. Онъ чувствовалъ, какъ за порогомъ квартиры его оставлялись роскошныя желанія, пылкія страсти; какъ бѣсъ скупости, совершенной скупости а не одной расчетливости овладѣвалъ его душею. Не смотря на благопріятныя для него послѣдствія *житья по поламъ*, онъ томился и бѣсился. Въ его воспоминаніи мелькали веселые образы, фантастическія мечты, являвшіяся прежде,

Digitized by Google

когда онъ не былъ скованъ неразрывною, тяжкою цѣпью воздержанія.

Разсчетъ его съ ростовщикомъ былъ конченъ ровно за мѣсяцъ до того перваго числа, въ которое Евтѣй совершалъ философическую прогулку по Невскому и зашелъ въ кандитерскую. Этимъ окончаніемъ разсчета объясняется, почему въ немъ достало малодушія нарушить долгое, такимъ блистательнымъ успѣхомъ увѣнчанное воздержаніе.

Еще была одна важная причина его уклоненія въ кандитерскую — это мысль о женитьбѣ на женщинѣ, покровительствуемой его начальникомъ, мысль возмущавшая его самолюбіе, льстившая его честолюбію, томившая душу его своею разносторонностію и разноцвѣтностію, державшая рѣшимость его въ постоянномъ, мучительномъ напряженіи....

Предаваясь воспоминаніямъ о прежнихъ золотыхъ мечтахъ и надеждахъ, размышляя о предстоящей горькой, унизительной необходимости обратиться къ великодушію оскорбленнаго ростовщика, потому что значительная часть «достаточнаго» жалованья была безумно употреблена на разные ликеры, Коллежскій Секретарь Евтѣй приблизился

Digitized by Google

къ большому четырехъ-этажному дому у Каменнаго Моста. Тутъ была, какъ всегда, страшная толкотня пѣшеходовъ, непрерывное движеніе экипажей. Онъ остановился и оглядѣлся: это былъ тотъ самый домъ, гдѣ жила его невѣста, о которой онъ только что раздумывалъ.

«Чтожъ, не зайти ли къ ней?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Она женщина любезная и даже лучшая въ своемъ родѣ. Можетъ быть, она и не виновата въ своемъ странномъ положеніи, также какъ я въ своемъ. Люди, если обсудить хорошенько, сами по себѣ вовсе не виноваты въ своемъ положеніи... О, Карпъ Лукичъ Спичка! О колоссальнѣйшій изъ Коллежскихъ Ассессоровъ! Я вѣрю новооткрытымъ вами началамъ жизни: только они одни исполнены истинной, практической философіи!»

И онъ рѣшился зайти къ Аннѣ Алексѣевнѣ, чтобъ засвидѣтельствовать ей, по-прежнему, глубочайшее почтеніе и сказать по обычаю установленную формулу: «не откладывайте далѣе моего счастія! Каждая минута разлуки съ вами — для меня годъ адскаго мученія!»

Передняя не была заперта, и Евтѣй во-

Digitized by Google

шелъ въ квартиру Анны Алексѣевны не позвонивъ въ колокольчикъ. Его встрѣтила Ѳекла, кухарка, она же и горничная.

«Дома Анна Алексѣевна?»

— Дома-съ.

«Одна?»

— Нѣтъ-съ.

«Кто у нея?»

— Не знаю-съ.

«*Самъ?*»

— Нѣтъ-съ

«Кто же?»

— Баринъ.

«Какой, какъ его зовутъ?»

— Не знаю-съ.

«Ты или дура, или плутовка,» сказалъ Евтѣй, смущенный и взволнованный неопредѣлительностію отвѣтовъ Ѳеклы, и пошелъ въ гостиную.

Тамъ огня не было, только изъ кабинета Анны Алексѣевны въ полуотворенныя двери лежала на коврѣ свѣтлая полоса. Евтѣй остановился въ нерѣшимости итти ли далѣе и поразить невѣрную внезапностію своего появленія, или возвратиться домой и прислать ей учтивую записку... Шаги его, поглощаемые мягкимъ ковромъ, небыли слышны

Digitized by Google

въ кабинетѣ, гдѣ продолжался разговоръ, который Евтѣй невольно долженъ былъ слушать....

«Я вамъ только скажу, говоритъ мужской голосъ, что мнѣ покамѣсть удалось скопить моею всегдашнею бережливостію тысячу рублей.... это, правда, небольшая сумма, но для семейнаго человѣка — если вы позволите мнѣ имѣть счастіе....»

Громкій женскій смѣхъ прервалъ это объясненіе, и въ то же время Евтѣй вздрогнулъ, будто отъ электрическаго удара. Мужской голосъ былъ знакомъ ему, не смотря на необыкновенно-нѣжное выраженіе....

— Извините, Евсѣй Евтѣевичъ! сказалъ женскій голосъ: сколько я васъ ни люблю, ни уважаю, но эти тысяча рублей, которые вы скопили въ нѣсколько лѣтъ невообразимыми лишеніями для будущей семейной жизни, рекомендуютъ васъ *очень ужасно экономическимъ* супругомъ!

Новый смѣхъ громче перваго заключилъ слова Анны Алексѣевны. Евтѣй не вѣрилъ самому себѣ, думая не помѣшался ли онъ! такъ странно, неожиданно, необъяснимо было для него это явленіе. А между тѣмъ разговоръ его невѣсты съ его товарищемъ

Digitized by Google

и другомъ еще раздавался у него въ ушахъ, и онъ видѣлъ обоихъ—*ее* и *его* своими глазами. Прійдя нѣсколько въ себя отъ сильнаго потрясенія, онъ приложилъ руку къ горячему лбу, можетъ быть, отыскивая *начала* страшнаго, человѣческаго космополитисма.

Болѣе ничего не могъ онъ ни видѣть, ни слышать. Предметы и идеи перемѣшались въ его воображеніи. Сознавая въ эту роковую минуту рѣшительную опасность для своего разсудка, онъ машинально и тихо вышелъ изъ комнаты Анны Алексѣевны.

Идя съ лѣстницы онъ горько заплакалъ. Сердце его сжалось мертвящею тоскою, душа была поражена совершеннымъ уныніемъ. Внизу, въ корридорѣ имъ овладѣло неудержимое бѣшенство. Кстати у дверей стоялъ полупьяный и полузамерзшій извощикъ .Евтѣй далъ ему такой толчекъ, какой можетъ дать только человѣкъ бѣшеный. Это спасло обоихъ: извощикъ перекувыркнувшись со ступеней подъѣзда на тротуаръ и съ тротуара на мостовую, бодро вспрянулъ въ рукахъ двухъ будочниковъ, совершенно трезвый и отогрѣтый; Евтѣй встрѣтясь лицемъ къ лицу съ благочиніемъ, присмирѣлъ и не избѣсился окончательно.

Digitized by Google

VIII.

Похороны первого числа.

Ужасно было состояніе Евтѣя, когда онъ возвратился въ подъоблачную каморку у Какушкина Моста. Разбросавъ свою форменную одежду по всѣмъ угламъ, онъ нѣсколько минутъ бѣгалъ въ совершенномъ изступленіи.....

Все было потеряно!... Но не столько мучила его самая потеря, сколько адское чувство, что онъ пренебреженъ *ею*—и кѣмъ же! Что онъ предпочтенъ *ему*! и кому же?....

Долго шелъ онъ по ложному пути, долго терпѣлъ горькую долю, потому что думалъ о жизни не такъ какъ другіе, потому что не умѣлъ жить!

Потомъ, когда вразумили его, что надобно думать и жить за одно съ другими, и посулили ему лучшее бытіе; когда онъ

Digitized by Google

согласился на все для этого бытія — онъ снова обманутъ!

Старая Губернская Секретарша, хозяйка квартиры Коллежскихъ Секретарей, въ чаяніи отъ Евтѣя надлежащей платы за квартиру, затопила печъ. Это отопленіе производилось, въ зимніе мѣсяцы, исключительно по первымъ числамъ и большимъ праздникамъ, и потому въ иные дни, въ комнатѣ съ водою и дровами могли жить только бѣлые медвѣди, да Коллежскіе Секретари. Старуха, по той же причинѣ, которая побудила ее затопить печъ, была въ веселомъ расположеніи духа и хотѣла, противъ своего обыкновенія, потолковать съ Евтѣемъ, но взглянувъ на него безмолвно отступила за дверь.

Долго глядѣлъ онъ на старыя, почернѣвшія стѣны своей квартиры, на всѣ предметы, составлявшіе ея украшеніе, ветхіе, разрушающіеся, всегда наводившіе на него безотчетную тоску своимъ мрачнымъ, мертвымъ видомъ. Новый приливъ бѣшенства и неукротимой злости начиналъ терзать его.... Предъ глазами его, въ темномъ углу лежалъ на стулѣ старый вицъ-мундиръ. Этотъ вицмундиръ, казалось Евтѣю, дразнилъ его,

Digitized by Google

казалось, говорилъ ему: «я, бѣдный, безсмысленный вицъ-мундиръ, сшитый по надлежащей формѣ, не нуждаюсь ни въ житьѣ по-поламъ, ни въ жалованьѣ, ни въ женитьбѣ, ни даже въ первомъ числѣ! Я живу себѣ счастливо и самобытно. А ты — хотя ты и важная персона—Коллежскій Секретарь, нуждаешься во всемъ этомъ и не можешь жить независимо и самобытно, какъ я!» Евтѣй съ живостію подбѣжалъ къ коварному вицъ-мундиру, схватилъ и бросилъ его въ печь; потомъ сѣвъ на прежнее мѣсто, съ странною улыбкою смотрѣлъ какъ горѣлъ вицъ-мундиръ.

Въ ту минуту вошелъ Коллежскій Секретарь Евсѣй.

Между ими была разительная противоположность: одинъ съ сверкающими глазами, съ лицемъ блѣднымъ, на которомъ безпрерывно показывались и исчезали красныя пятна, губы его дрожали, какъ бы въ тщетномъ усиліи произнесть слово; судороги бѣшенства дергали его, а между тѣмъ изъ глазъ катились слезы, — онъ былъ страшенъ. Другой, чего никогда съ нимъ не бывало, отличался щегольскимъ партикулярнымъ нарядомъ, и особенно веселымъ выраженіемъ лица. Послѣ радост-

Digitized by Google

наго восклицанія, первымъ движеніемъ его при входѣ въ комнату было кинуться на шею Евтѣя.... Вдругъ онъ остановился въ изумленіи: Евтѣй глядѣлъ на него и такъ глядѣлъ, что онъ вздрогнулъ и отступилъ отъ него.

Глаза Евтѣя впились въ лице Евсѣя. Евсѣй не могъ выдержать пронзительнаго, страшнаго блеска ихъ и обратилъ свой робкій взглядъ въ сторону.... Въ то же мгновеніе онъ затрепеталъ и, указывая на вицъ-мундиръ, горящій въ печи, вопросительно смотрѣлъ въ глаза Евтѣя.

«Гдѣ ты былъ, Евсѣй?» спросилъ Евтѣй грознымъ голосомъ, отъ котораго тотъ вздрогнулъ.

— Что это сжегъ ты? спросилъ Евтѣй,— и кинувшись къ печи, вытащилъ изъ огня недогорѣвшую часть вицъ мундира — фалду съ пуговицами.

«Такъ! Мой вицъ-мундиръ! сказалъ онъ просебя отчаяннымъ голосомъ, и обратился къ Евтѣю: Для чего сжегъ ты мой вицъ-мундиръ, Евтѣй? Что сдѣлалъ я тебѣ? Шесть лѣтъ собиралъ я копѣйки въ рубли— не пилъ, не ѣлъ, жилъ какъ дикій звѣрь— собиралъ и зашивалъ.... все ждалъ этого дня; собралъ, дождался и — вотъ!....

Digitized by Google

Въ одну минуту въ лицѣ Евсѣя произошла страшная перемѣна: онъ былъ другой экземпляръ Евтѣя.

«А гдѣ ты былъ, Евсѣй? опять спросилъ Евтѣй, который такъ былъ проникнутъ и потрясенъ своимъ горемъ, что не понялъ ни слова изъ сѣтованій Евсѣя.

— Для чего ты сжегъ мой вицъ-мундиръ, мои деньги, мою душу?

«*Твой* вицъ-мундиръ?.... Ну, я ошибся.... но это пустое. А гдѣ ты былъ?»

—Ну, что ты пристаешь ко мнѣ! Я былъ у Каролины, и такъ все хорошо *покончилъ!* и вдругъ! — все кончено! За что ты погубилъ меня, Евтѣй?

«У Каролины? Ты лжешь, пріятель! Ты былъ у Анны Алексѣевны! Ты и она — вы оба до послѣдней минуты обманывали меня!.... О! для чего, за что вы обманывали меня?..» горестно воскликнулъ Евтѣй.

Оба чиновника съ минуту молчали послѣ этого разговора, глядя въ глаза одинъ другому. Отчаяніе, изступленіе выражались на ихъ лицахъ. Потомъ Евсѣй снова сказалъ Евтѣю:

«Такъ-то, ты погубилъ меня! Ты сжегъ меня! О, мои деньги!»

Digitized by Google

— Да, ты уничтожилъ меня! сказалъ Евтѣй — ты уничтожилъ и меня и мои начала. О! мои начала!

Они разомъ захохотали такъ сильно, что губернская секретарша, сидя въ своей каморкѣ, вскрикнула отъ испуга и бросилась къ дворнику.

Коллежскіе Секретари пустились танцовать что-то въ родѣ «адскаго вальса.» Долго и бѣшено танцовали они; полъ трещалъ подъ ихъ ногами; стулья были разбиты въ щепки; кровати съ ископаемыми одѣялами опрокинуты; у дверей комнаты стояли безмолвные и удивленные дворникъ, водоносъ, хозяйка квартиры и нѣсколько посторонних старухъ. Никто не смѣлъ остановить веселости Коллежскихъ Секретарей, и они все быстрѣе и быстрѣе кружились въ дружескихъ объятіяхъ. Глаза ихъ становились мутнѣе и страшнѣе; черты лица искажались гримасами.

Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ повалились на полъ.

Женщины вскрикнули и разбѣжались. Дворникъ отправился въ «кварталъ,» чтобъ заявить о происшествіи.

Digitized by Google

Темнота и безмолвіе. Мгновенная вспышка углей въ печи озаряетъ двухъ блѣдныхъ Коллежскихъ Секретарей, скрестившихся руками. Ихъ тяжкое дыханіе страшно нарушаетъ тишину. И опять та же темнота, то же безмолвіе. Вдругъ на отдаленной колокольнѣ Николы Морскаго загудѣлъ бой двѣнадцати часовъ: то былъ похоронный бой *первому числу*. Друзья вздрогнули.... Напомнилъ ли имъ этотъ бой ихъ утреннія надежды, вызвалъ ли Евтѣя на анализъ утра перваго числа съ вечеромъ, только они тѣснѣе прижались одинъ къ другому, и тихо внимали роковому звону, будто этотъ звонъ внушалъ обоимъ имъ одну горькую мысль....

И скоро утихъ гулъ полуночнаго колокола. *Первое число* кануло во всепожирающую вѣчность, и вмѣстѣ съ нимъ умчались надежды и страсти Коллежскихъ Секретарей Евтѣя Евсѣевича и Евсѣя Евтѣевича.

На другой день корпусъ съумасшедшихъ укомплектовался двумя новыми лицами....

Digitized by Google

Digitized by Google

ХОРОШИЯ МѢСТО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ХОРОШЕЕ МѢСТО.

I.

Ограниченная поверхность нашей планеты усѣяна свѣтлыми точками, къ которымъ стремятся мечты, самолюбіе, зависть и всѣ страсти и страстишки человѣческія. Тѣ точки суть *хорошія мѣста*, тѣ мѣста самобытны, независимы ни отъ физическихъ, ни отъ политическихъ потрясеній Міра; онѣ имѣютъ свои степени и подраздѣленія: есть такія мѣста, которыя сообщаютъ своимъ обладателямъ силу и величіе боговъ Олимпійскихъ и возвышаются надъ другими, тоже хорошими мѣстами, какъ заоблачныя вершины Гималая надъ Валдайскими Горами; есть и такія, которыя доставляютъ счастливцамъ, занимающимъ ихъ, всѣ средства, не только къ ежедневному обѣду, но даже

Digitized by Google

къ куренію копѣечныхъ сигаръ. Вообще хорошее мѣсто адъ и рай, мука и блаженство для бѣднаго животнаго, горделиво называющагося человѣкомъ, даже чиновникомъ, даже *царемъ Природы*,—какъ будто эта природа выраститъ, по его велѣнію, *хорошее* мѣсто, котораго жаждетъ его эгоисмъ, или *какое нибудь* мѣсто, безъ котораго онъ можетъ умереть съ голода, какъ будто этотъ жалкій царь Природы имѣетъ собственное, личное значеніе среди тысячи милліоновъ другихъ, подобныхъ ему царей, если не занимаетъ хорошаго мѣста.

Послѣ этого, какой онъ, въ самомъ дѣлѣ, царь Природы, этотъ человѣкъ, чиновникъ, бѣднякъ самолюбивый! Онъ не самобытенъ подобно хорошему мѣсту; онъ абсолютное *ничто*, если не имѣетъ этого мѣста, а если «какими нибудь судьбами» добудетъ его, усядется на немъ, онъ—*нѣчто*, фактъ, а не мечта, аксіома, а не гипотеза, однимъ словомъ: «человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто!»

Земля и на ней хорошія мѣста созданы прежде человѣка; потомъ созданъ человѣкъ, и онъ занялъ, безъ всякаго соперничества, хорошее мѣсто—въ эдемѣ; но скоро сата-

Digitized by Google

нинская интрига столкнула перваго человѣка съ перваго хорошаго мѣста; а когда человѣчество размножилось, оно увидѣло, что можетъ существовать безъ горя и заботъ только въ той благодатной атмосферѣ, которая искони свойственна однѣмъ хорошимъ мѣстамъ, и стало грызться, рѣзаться, даже подличать, стремясь въ эту атмосферу. Но увы! сколько оно ни грызется, ни рѣжется, ни подличаетъ, для всѣхъ людей, чиновниковъ, царей Природы недостаетъ хорошихъ мѣстъ!

II.

Если бы Природа производила людей соображаясь съ будущимъ значеніемъ ихъ въ обществѣ, она предупредила бы многія бѣдствія, удручающія родъ человѣческій... Не было бы нынѣшнихъ противорѣчій личнаго достоинства съ рангомъ, честолюбія со способами къ его удовлетворенію, ума, съ возможностію употребить его на что нибудь умное. Люди имѣли бы нравственныя качества, соотвѣтственныя положенію ихъ между другими людьми, и были бы счастливы, самодовольны.

Digitized by Google

Есть, однако, много людей, которые даютъ поводъ къ заключенію, что Природа «наводила надлежащія справки» при рожденіи ихъ. Есть люди высокихъ нравственныхъ свойствъ, и они занимаютъ высокія степени на общественной лѣствицѣ; есть дураки абсолютные—и они простодушно вывозятъ въ гору, на своемъ хребтѣ, людей разумныхъ, считая это занятіе прямымъ своимъ удѣломъ.

Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ нельзя причислить Терентія Якимовича Лубковскаго, родившагося когда-то въ Украинскомъ городѣ Чечевицинѣ, въ качествѣ сына и наслѣдника пана Якима Терентьевича, владѣльца двухъ мужескихъ и трехъ женскихъ ревизскихъ душъ, четырехъ борзыхъ собакъ и вѣтряной мельницы.

Якимъ Терентьевичъ былъ недоросль сорока лѣтъ, всю жизнь свою собиравшійся поступить на службу и не поступившій, потому что ему не давали хорошаго мѣста. Онъ считалъ неприличнымъ своему Шляхетству начать служебное поприще въ санѣ копіиста Нижняго Земскаго Суда; его честолюбіе удовлетворилось бы званіемъ дворянскаго предводителя; но будучи паномъ *малодушнымъ*, не имѣя на-

Digitized by Google

слѣдственнаго или благопріобрѣтеннаго добра, онъ не могъ быть избранъ въ эту почетную должность, и оставался при своихъ лучезарныхъ надеждахъ. Уже многіе изъ товарищей дѣтства его были людьми важными, занимали хорошія мѣста, а онъ все еще ждалъ, что не сегодня, завтра прискачетъ къ нему курьеръ съ извѣстіемъ, что его сдѣлали чѣмъ нибудь, на первый разъ хоть губернаторомъ, или виннымъ приставомъ.

Терентій Якимовичъ, возрастая въ домѣ родительскомъ, со дня на день исполнялся честолюбіемъ своего отца, и пріобрѣталъ высокое понятіе о хорошемъ мѣстѣ. Въ приходской школѣ онъ узналъ отъ профессора элоквенціи и піитики, очень восторженнаго Нѣмца, что есть гдѣ-то на Руси столица, счастливый городъ Санктпетербургъ, и въ той столицѣ отводятся желающимъ хорошія мѣста, по востребованію. Мошко Янкелевичъ, шинкарь и раввинъ Чечевицинскій, къ которому онъ часто хаживалъ съ товарищами, ради усладительной варенухи и снисходительной Хаи, жены его, объяснилъ ему, что въ Петербургѣ, какъ навѣрное узналъ онъ, будучи

тамъ на откупныхъ торгахъ, всякій корчмарь значитъ больше пана Чечевицинскаго капитана-исправника, что тамъ родятся, дѣлаются и оттуда на весь міръ насылаются паны губернаторы....

Кромѣ разсказовъ учителя и корчмаря, въ Чечевицинѣ, даже во всей Украйнѣ славился Петербургъ своими сердитыми и страшными панами, также какъ въ Петербургѣ славится Украйна своими арбузами, Черкаскъ быками и Крымъ баранами. Ясно, что всякая почва, всякій климатъ производятъ одинъ исключительный продуктъ: Украйна—большіе вкусные арбузы, Черкаскъ — откормленныхъ быковъ, пригоняемыхъ въ Петербургъ на съѣденіе, Петербургъ — тоненькихъ и страшныхъ пановъ, пріѣзжающихъ въ Украйну для откормленія.

Неизвѣстно, чему и какъ учился Терентій Якимовичъ въ Чечевицинской школѣ. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, онъ вышелъ изъ нея, т. е. пересталъ ходить въ нее, потому что надобно было наконецъ сдѣлать рѣшительный выборъ между ею и Хаею, Еврейкою, которая между тѣмъ лишилась своего Мошки, безъ вѣсти пропав-

Digitized by Google

шаго въ одну изъ поѣздокъ для провоза контрабанды. Въ тоже время онъ, съ родительскаго благословенія, задумалъ опредѣлиться въ службу на *хорошее мѣсто* по статскимъ дѣламъ.

Но гдѣ статскія дѣла, гдѣ хорошія мѣста, достойныя Терентія Якимовича? Въ Чечевицинѣ статскія дѣла были весьма не обширны, а хорошихъ мѣстъ, въ томъ смыслѣ какъ онъ понималъ ихъ, вовсе не было. «Въ Петербургъ!» подумалъ Терентій Якимовичъ: «Мое мѣсто тамъ!»

Не велики были дорожные сборы его. Купивъ на ярмаркѣ небольшой, выкрашенный разноцвѣтными яркими красками сундукъ, онъ уложилъ въ него свой уѣздный гардеробъ, нѣсколько банокъ домашняго варенья, и толстую тетрадь, подъ названіемъ *Таинственная книга*, гдѣ были записаны несчастливые дни, въ которые ничего важнаго начинать не должно, множество важныхъ изрѣченій Малоросійскихъ мудрецовъ, заклинанія или заговоры противъ двѣнадцати лихорадокъ, и другіе полезные предметы. Этотъ сундукъ былъ поставленъ въ національный еврейскій экипажъ, называемый Чертопхайкою, нанятый вмѣстѣ съ

Digitized by Google

владѣльцемъ его Ицкою, за пятьдесятъ рублей. Важнѣйшее лице Чечевицинской аристократіи, капитанъ-исправникъ, далъ Терентію Якимовичу рекомендательное письмо къ своему старинному пріятелю, Пану Халявѣ, занимавшему въ Петербургѣ, какъ слухъ носился, важное мѣсто квартальнаго поручика, а нѣжные родители, продавъ одну ревижскую душу, благословили его вырученными деньгами. Потомъ Терентій Якимовичъ простясь съ родными и знакомцами, напутствуемый искренними и лицемѣрными желаніями, сѣлъ въ чертопхайку; жидъ помѣстился на козлахъ; ясное Украинское солнце скрылось въ облакахъ; брызнулъ мелкій дождь,—и клячи медленно потащили въ столичный городъ Санктпетербургъ сто тысячъ перваго и все еще не послѣдняго искателя хорошихъ мѣстъ и статской службы.

III.

Долго, почти два мѣсяца ѣхалъ Терентій Якимовичъ въ своей чертопхайкѣ; насмотрѣлся по дорогѣ такихъ чудесъ, о которыхъ ни бывшій учитель, ни пріятель

Digitized by Google

корчмарь не говорили ему; наконецъ прибылъ онъ въ Петербургъ.

Разсчитавшись съ жидомъ и нанявъ себѣ квартиру — небольшую комнатку на чердакѣ дома въ Садовой, онъ принялся отыскивать своего будущаго покровителя, квартальнаго поручика, и имѣлъ первую непріятность не найти его ни въ наличности, ни въ спискахъ Управы Благочинія; онъ узналъ только, что когда-то служилъ при полиціи какой-то Халява, который за чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ и за склонность къ азарту выгнанъ изъ службы, послѣ чего долгое время упражнялся въ писаніи ябедъ, за которыя отданъ подъ судъ, подъ коимъ и умеръ, съ отчаянія ли, или отъ перепоя—неизвѣстно.

Послѣ этой неудачи Панъ Лубковскій сталъ ходить съ утра до вечера по всему Петербургу, въ чаяніи найти хорошее мѣсто; но употребивъ на это хожденіе цѣлый мѣсяцъ, онъ съ глубокимъ прискорбіемъ удостовѣрился въ горькомъ обстоятельствѣ, неожиданномъ и непринятомъ въ разсчетъ при выѣздѣ изъ Чечевицина, что всѣ *хорошія* мѣста уже заняты, и остается только небольшое количество *разныхъ* мѣстъ, для

Digitized by Google

занятія которыхъ есть впрочемъ до десяти кандидатовъ на каждое....

Между тѣмъ родительское благословеніе, полученное Терентіемъ Якимовичемъ на дорогу, истощалось; понятія его о Петербургской жизни, о хорошихъ и разныхъ мѣстахъ прояснялись. Онъ призадумался о томъ, что можетъ выйти, если ему не удастся получить должности — уже не губернатора, а только канцелярскаго чиновника.

«Говорятъ у насъ въ Чечевицинѣ, думалъ онъ, что въ Петербургѣ хорошихъ мѣстъ на весь свѣтъ достанетъ. Дурни! Петербургъ не одинъ—ихъ три: первый въ низу, гдѣ живетъ народъ торговый, мастеровой; другой въ срединѣ: это и есть настоящій Петербургъ, гдѣ всѣ мѣста—хорошія мѣста; тамъ родятся, дѣлаются, и оттуда на весь міръ насылаются губернаторы; жить тамъ, въ срединѣ, значитъ быть на хорошемъ мѣстѣ,—и опять—имѣть хорошее мѣсто,—значитъ жить въ срединѣ Петербурга. Вся трудность въ томъ, чтобы попасть въ эту благодатную середину, а тамъ уже только звѣзды лови, да рубли собирай. Третій Петербургъ въ верху, гдѣ я живу. Это уже то,—да не то. Здѣсь живутъ тоже люди

Digitized by Google

чиновные, благородные, но изъ этихъ чиновныхъ и благородныхъ отъ начала міра не было ни одного губернатора, на этихъ вершинахъ до самаго свѣта преставленія не будетъ ни одного хорошаго мѣста!»

Одна канцелярія сжалилась надъ нимъ и приняла его въ чиновники, на пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья. Этихъ пяти цѣлковыхъ ему было бы достаточно въ Чечевицинѣ даже для роскошной жизни, но въ Петербургѣ ихъ недоставало и на платежъ за квартиру. Нѣсколько мѣсяцевъ Лубокъ терпѣливо сносилъ свои нужды и лишенія, въ ожиданіи скораго полученія хорошаго мѣста. Наконецъ онъ вынужденъ былъ послать въ Чечевицинъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Увѣдомляю васъ, любезнѣйшіе родители, что я слава Богу живъ, здоровъ и благополученъ, только ѣсть нечего: въ Петербургѣ не то, что въ Чечевицинѣ, о вареникахъ и неспрашивай, варенухи и въ поминѣ нѣтъ, корживъ никто не печетъ, а рубли здѣсь, просто непостижимое дѣло! Они точно такіе же какъ и у насъ, въ Чечевицинѣ, круглые рубли, только совсѣмъ не то значеніе имѣютъ. Я получаю пять

Digitized by Google

рублей серебромъ въ мѣсяцъ, ей Богу не хвастаю! а ихъ недостаетъ и на одно первое число. Оно, конечно, я живу здѣсь очень высоко, почти выше всего Петербурга, въ пятомъ этажѣ, а вся знать живетъ ниже меня, даже министры, наибольшіе паны въ Петербургѣ, живутъ во второмъ этажѣ.— Дыни здѣсь вовсе не растутъ. Ни зимы, ни лѣта здѣсь не бываетъ и солнца никогда не видно..... Я думаю, что если не завтра, то послѣ завтра меня сдѣлаютъ Астраханскимъ Губернаторомъ. Астрахань, говорятъ, большой городъ, и рыбы, и хлѣба, и всякаго зерна тамъ вдоволь. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ десять цѣлковыхъ на дорогу въ Астрахань. У васъ есть лишнія души: Тарасъ Хромой и Пахомъ Лопата, имъ уже лѣтъ по сту будетъ, проку отъ нихъ нечего ждать; продайте ихъ на переводъ и пришлите мнѣ гроши, также и бабъ продайте: у Наталки Кравчихи половина души, у Палашки Ткачихи четверть души, да у Явдохи цѣлая душа. Все это народъ негодящій, плутоватый, продайте ихъ на разводъ, и гроши мнѣ пришлите. Притомъ же, Явдоха, я вамъ скажу, вѣдьма, а Пахомъ — упырь. Продайте ихъ, или про-

Digitized by Google

мѣняйте на грѣчиху. Пишите мнѣ письма по почтѣ, а съ чумаками не посылайте. Не жалѣйте сорока копѣекъ: копѣйка наживное дѣло! Откровенно скажу вамъ, любезные родители, что здѣсь есть одна графиня и одна княгиня. Княгиня, извѣстное дѣло, знатнѣе, за то графиня краше. У княгини триста тысячъ душъ и десять милліоновъ рублей, а у графини четыреста тысячъ душъ и пятьдесятъ милліоновъ рублей. Я видѣлъ обѣихъ по четыре раза. Сдѣлайте такую божескую милость, пришлите мнѣ хоть пять цѣлковыхъ, да попросите отца Никифора отслужить молебенъ съ акафистомъ за мою душу: можетъ быть, скоро пропаду отъ горя и холода! Здѣсь есть рѣчка, Невою называется, и монументы всякіе есть: Суворовъ, Петръ-Царь, Петербургская Сторона и Васильевскій Островъ. Еслибъ вы знали, какіе здѣсь паны живутъ! Иной панъ побольше будетъ нашего губернатора. Самые большіе паны называются министрами. Для нихъ сдѣлать губернатора, какъ для насъ люльку тютюну выкурить — пустяки! А исправники просто ни по чемъ! Здѣсь всякъ самъ себѣ исправникъ! Скажите же вы Пану Барану, нашему Чечеви-

Digitized by Google

цинскому Исправнику, чтобъ онъ не очень храбрился своими усами и регистраторствомъ, и не трогалъ нашихъ дивчатъ, а не то, слава Богу, Петербургъ столица!»

P. S. «Вторительно прошу васъ, любезные родители, если уже нельзя прислать пяти цѣлковыхъ, пришлите хоть три. Я за васъ вѣчно буду Бога молить.»

Чрезъ два мѣсяца Лубковскій получилъ съ почты слѣдующій отвѣтъ:

«Любезный сынъ Терентій Якимовичъ! Письмо твое принесло намъ и сосѣдямъ нашимъ величайшую радость. На то мы тебѣ и воспитаніе хорошее дали, чтобы ты пошелъ далеко. Особенно благодарны тебѣ за описаніе Петербурга. Видно, что знатный городъ! Женись на комъ хочешь, на княгинѣ или на графинѣ: на всякій случай посылаемъ тебѣ наше заочное родительское благословеніе, навѣки нерушимое. Хотѣли бы и денегъ прислать хоть три корбованца, да *не-ма*. У насъ, знаешь, тяжба съ родичами: все въ судъ идетъ! Надѣйся на Бога, и почитай родителей; съ родительскимъ благословеніемъ всюду и во всемъ успѣешь! Только съ Нѣмцами не водись: всѣ они безбожники — постовъ не соблюдаютъ. Съ

Digitized by Google

ними какъ разъ сгубишь свою душу ни за понюхъ табаку! И на вечерницы не ходи: въ Петербургѣ, мы думаемъ, парубки всякіе бываютъ, иной побратается съ тобою только для того, чтобы ты угостилъ его. Затѣмъ прощай, сынку! Пошли тебѣ Господь скорѣе губернаторское мѣсто!»

P. S. «Провѣдай, какія души у твоей княгини и какія у графини. Теперь свѣтъ плутоватъ сталъ, и нынѣшнія души совсѣмъ не то, что были души прежнія, старинныя. Нынѣшнія души годятся только для Ломбарда. Вотъ и мы хотѣли, по твоему совѣту, продать свои три и три четверти души, да не тутъ-то было: никто за нихъ и гроша не далъ. Давали, правда, четыре ведра горѣлки, да горѣлку мы сами куримъ, на что намъ горѣлка! Кстати промотался Панъ Перепичка: всю свою стаю, знаешь, знатная стая борзыхъ, за безцѣнокъ отдавалъ. Тутъ-то послалъ мнѣ Милосердый Господь счастіе: за упомянутыя негодныя души я успѣлъ вымѣнять, отбить у Пана Семиголоваго, бравую, первую въ сворѣ собаку! Шерсть рыжая, бѣлое пятно на лбу, щирая, поджарая, просто не песъ, а бѣсъ! Теперь у меня, сынку, первая собака

Digitized by Google

во всемъ Чечевицинскомъ Уѣздѣ, и всѣ паны мнѣ завидуютъ. Наши вороги настроили Пана Семиголоваго тягаться со мною; да я ни за что не уступлю. Онъ повезъ въ судъ четыре мѣшка муки и годовалаго бычка, а я отвезу восемь мѣшковъ муки и двухъ бычковъ! Пожалуйста, если знакомство хорошее имѣешь, постарайся тамъ, въ Петербургѣ, Пана Семиголоваго, всѣхъ нашихъ враговъ въ Сибирь сослать. Тебѣ это ничего не стоитъ! Только поторопись: а то какъ разъ Манифестъ милостивый выйдетъ.»

IV.

Родительское благословеніе, навѣки нерушимое, нисколько не помогло бѣдному Терентію Якимовичу въ горькихъ его обстоятельствахъ, и онъ совсѣмъ напряженіемъ отчаянія сталъ разыскивать и изслѣдывать всѣ хорошія и разныя мѣста въ Петербургѣ. Насущныя нужды укротили гордость его. Онъ пересталъ думать о губернаторствѣ, и со дня на день теряя Украинскія понятія о жизни, пріобрѣтая качества настоящаго Петербургскаго чиновника, становился смиреннѣе, общежительнѣе. Онъ

Digitized by Google

увидѣлъ, что самыя хорошія мѣста для такихъ людей какъ онъ, суть канцелярскія должности съ двадцатью цѣлковыми въ мѣсяцъ жалованья и казенною квартирою, съ казенными дровами; онъ увидѣлъ также, что ему до такого мѣста, «какъ до звѣзды небесной далеко», потому что Петербургъ биткомъ набитъ искателями подобныхъ должностей, и каждый искатель, стараясь по мѣрѣ силъ уничижать, уничтожать своихъ соперниковъ, въ то же время самъ подвергается вліянію враждебной конкуренціи.

И такъ, неужели нѣтъ для него въ Петербургѣ ни одного мѣста, даже не виднаго и незавиднаго по названію, только хорошаго по свойству? Неужели навсегда онъ обреченъ жить въ сосѣдствѣ съ луною, быть отчужденнымъ отъ всѣхъ благъ, даруемыхъ земнымъ обитателямъ?

По обѣимъ сторонамъ Обводнаго Канала тянутся безконечные заборы, огораживающіе пустопорожнія хорошія мѣста. Это огороды, производящіе рѣпу и картофель. Владѣльцы этихъ огородовъ занимаютъ ихъ въ теченіе лѣта, а на остальное время года, называемое въ календарѣ осенью, зимою и весною, переселяются въ городъ, поручая

Digitized by Google

ихъ храненію людей неукоризненной честности, преимущественно изъ благороднаго сословія. Эти люди, въ сущности сторожа, носятъ иное, болѣе пристойное, но также отвѣтственное названіе «смотрителей огородовъ». За исполненіе своей обязанности смотритель получаетъ слѣдующія важныя выгоды: готовую квартиру въ шалашѣ, сколоченномъ на огородѣ изъ кружевнаго барочнаго лѣса, дрова, достаточное для пищи и освѣщенія количество жирнаго снадобья неизвѣстнаго названія, но весьма удовлетворительнаго для обѣихъ потребностей качества, и запасъ разныхъ огородныхъ овощей, непроданныхъ въ теченіе лѣта. Онъ пользуется этими благами около девяти мѣсяцевъ въ году, самыхъ враждебныхъ мѣсяцевъ для человѣка, получающаго пять рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Но какъ ни велико число хорошихъ мѣстъ этого рода, ихъ недостаетъ для всѣхъ честолюбцевъ, стремящихся къ нимъ всякими путями. И таково благодатное свойство каждаго изъ этихъ мѣстъ, что занявшій его однажды, не разстается съ нимъ никогда, кромѣ трехъ рѣдкихъ случаевъ: смерти, женитьбы и полученія казенной квартиры

Digitized by Google

въ городѣ. Эти случаи открываютъ въ каждую осень одну или двѣ ваканціи на хорошее мѣсто. Тогда-то кипятъ страсти и желанія искателей, созидаются фантастическіе планы, возбуждаются чудовищныя надежды, разыгрываются смѣлыя интриги, являются яркія, поразительныя картины эгоисма, отчаянія, обманутаго самолюбія!

Умъ человѣческій способенъ извинить великія злодѣйства великостію цѣлей ихъ. Онъ понимаетъ, что для достиженія одного изъ міровыхъ хорошихъ мѣстъ человѣкъ можетъ отважиться на многое: на преступленіе, на подлость, даже на героисмъ, даже на добродѣтель; но когда на маленькомъ пространствѣ Московской и Каретной Частей Петербурга взволнуется множество людей желаніемъ блаженной должности сторожа, когда это желаніе вызоветъ ту же энергію, что и колоссальное честолюбіе, когда эгоисмъ мелкій, комарій достигнетъ высшаго напряженія, и закипятъ столь же неутолимыя страсти и возмутительныя интриги, и все это ради хорошаго мѣста на Петербургскомъ огородѣ, тогда цѣпенѣетъ умъ, ничего не извиняетъ и ничего не понимаетъ.

Digitized by Google

Терентій Якимовичъ, недавно мечтавшій, что его сдѣлаютъ по крайней мѣрѣ губернаторомъ, проживъ въ Петербургѣ полгода, сталъ мечтать, увы! о хорошемъ мѣстѣ въ готовой квартирѣ на огородѣ, по ту сторону Обводнаго Канала! И для того, чтобы получить это мѣсто, недостаточно быть достойнымъ его, надобно еще имѣть всемогущую протекцію случая. У него былъ товарищъ по службѣ, человѣкъ пожилой, безстрастный, пользовавшійся хорошимъ мѣстомъ на огородѣ десять лѣтъ сряду. Этотъ человѣкъ, никогда не выказывавшій своихъ чувствованій въ хорошихъ или дурныхъ обстоятельствахъ, умеръ скоропостижно отъ радости, что его сосѣдъ и врагъ по огороду, найдя на улицѣ бумажникъ съ двадцати-пяти-рублевою ассигнаціею, въ восторгѣ отъ этой благодатной находки сошелъ съ ума, и открылъ ему ваканцію на другое хорошее мѣсто. Такимъ образомъ случайная погибель этихъ двухъ человѣкъ, также когда нибудь питавшихъ честолюбивыя, юношескія мечты, очистила Терентію Якимовичу мѣсто въ бѣдномъ шалашѣ на уединенномъ огородѣ, и онъ эгоистически радовался, что «такой случай вышелъ!»

Digitized by Google

Занявъ хорошее мѣсто, онъ получилъ возможность собирать, по-Малороссійской поговоркѣ, грошъ до гроша, копѣйку до копѣйки, все, что прежде издерживалъ по необходимости на поддержаніе своего существованія, которое теперь обезпечивалось выгодами этого мѣста. Его новая обязанность несталкивалась съ обязанностію служебною: на службѣ онъ проводилъ дни, на огородѣ ночи. Сначала трудно, страшно было ему жить одному въ совершенномъ отчужденіи отъ всякой живой души, среди пустынныхъ огородовъ, на которыхъ свободно разгуливала зимняя вьюга; особливо боялся онъ ночевать въ своемъ шалашѣ.... боялся не воровъ, съ которыми умѣлъ бы справиться, а вѣдьмъ, мертвецовъ и прочей нечистой силы, противъ которой безсильна всякая храбрость; но проведя нѣсколько ночей не встревоженный ни мертвецемъ, ни чортомъ, онъ успокоился и сталъ мало по малу забывать прежнее горе и прежнее честолюбіе.

V.

Пять долгихъ однообразныхъ лѣтъ минуло съ того времени, когда Терентій Якимовичъ

Digitized by Google

благодаря случаю, располагающему хорошими мѣстами, занялъ должность смотрителя огорода. Въ это время онъ совершенно забылъ и великолѣпную мысль о губернаторствѣ, приведшую его въ Петербургъ, и Малороссію съ ея дынями и Еврейками; онъ сталъ истиннымъ канцелярскимъ чиновникомъ, съ канцелярскими страстями, канцелярскимъ взглядомъ на жизнь, и имѣлъ одинъ важный предметъ, вовсе несвойственный канцелярскимъ чиновникамъ, деньги, относительно къ его значенію въ Петербургѣ — *большія* деньги.

Съ помощію этихъ большихъ денегъ (которыя, для исторической точности, должно назвать опредѣлительно тысячею прежнихъ ассигнаціонныхъ рублей) онъ сталъ первенствующимъ лицемъ въ кругу своихъ товарищей и дѣльнымъ человѣкомъ въ глазахъ одного пожилаго чиновника высшаго ранга, именно Надворнаго Совѣтника.

Отличивъ Терентія Якимовича отъ его товарищей, этотъ важный чиновникъ сказалъ ему однажды приличнымъ, покровительственнымъ тономъ: я совѣтовалъ бы вамъ, господинъ Лубковскій, окончательно устроиться. Есть у меня въ виду прекрасная бла-

Digitized by Google

говоспитанная дѣвица. Если мое посредничество что нибудь значитъ въ вашемъ мнѣніи, женитесь, неотлагательно женитесь — для собственнаго счастія.

Канцелярская мудрость считаетъ брачную храмину, что нынѣ супружеская спальня, хорошимъ мѣстомъ, и ставитъ ее въ порядкѣ хорошихъ мѣстъ выше огорода на Обводномъ Каналѣ. По указанію этой мудрости и еще по другой причинѣ, Терентій Якимовичъ немедленно оставилъ старое хорошее мѣсто для обладанія новымъ.

Другою причиною къ женитьбѣ на прекрасной, благовоспитанной дѣвицѣ была превосходная вакансія, замѣщеніе которой зависѣло отъ его покровителя: то было частное (ради Аллаха, не привязывайтесь строгіе цѣнители и судьи: говорится опредѣлительно *частное* а не казенное) мѣсто смотрителя, не огородовъ, а гробовъ. Воображеніе его было поражено превосходствомъ этого мѣста надъ должностію смотрителя огородовъ, и онъ не сомнѣвался, что если угодитъ кому слѣдуетъ, то оно будетъ отдано ему въ обезпеченіе грядущаго семейнаго благополучія.

Должность смотрителя гробовъ состояла

Digitized by Google

въ томъ, что отправляющій ее занималъ удобную квартиру въ самомъ Петербургѣ, (о чемъ Терентій Якимовичъ мечталъ даже на огородѣ) получалъ достаточное жалованье, имѣлъ возможность бывать въ клубахъ и другихъ обществахъ, честь посѣщенія которыхъ стоитъ одинъ рубль серебромъ — и за всѣ эти блага былъ обязанъ наблюдать строго и неуклонно, чтобы гробы, обильно поставляемые въ госпитали и лазареты Богоугодныхъ учрежденій имѣли установленную мѣру и форму и были той несокрушимой прочности, которая искони называется казенною.

Ему предстояла блистательная будущность: молодая жена, покровительство значительнаго человѣка, хорошее мѣсто и съ нимъ все счастіе, даруемое человѣку хорошимъ мѣстомъ. Онъ женился ...

Отецъ жены его былъ, лѣтъ двадцать тому, первостатейнымъ купцемъ, отчаяннымъ благотворителемъ страждущаго человѣчества, а этотъ Надворный Совѣтникъ былъ у него чѣмъ-то въ родѣ управляющаго дѣлами, и по уваженію постояннаго усердія къ пользамъ хозяина, удостоился быть крестнымъ отцемъ его дочери.

Digitized by Google

Потомъ благотворитель затѣялъ совершенно вѣрную спекуляцію: пошелъ въ банкруты, думая нажить милліонъ, и попалъ вовсе неожиданно въ тюрьму, въ качествѣ злонамѣреннаго, такъ называемаго злостнаго банкрута, а его управляющій пошелъ въ Надворные Совѣтники, и между прочимъ въ строгіе блюстители формальностей; но по обычаю людей, проникнутыхъ коммерческимъ духомъ, онъ все таки не могъ воздержаться отъ благотворительности, и какъ въ ту пору бывшій его милостивецъ, отецъ и благодѣтель скончался съ горя отъ неудачи въ вѣрнѣйшемъ торговомъ оборотѣ, то онъ озаботился о судьбѣ своей крестницы: нѣсколько лѣтъ платилъ за нея въ пансіонъ изъ денегъ, нажитыхъ у благотворителя, и чтобы не тратиться на приданое для нея, выдалъ ее въ замужство за одного изъ «своихъ людей.»

VI.

Воспитаніе и выдача въ замужство за хорошаго человѣка бѣдной дочери банкрута, стяжали покровителю Терентія Якимо-

Digitized by Google

вича лестную славу человѣка безкорыстнаго, преисполненнаго любви къ ближнему. Покровитель, съ дальновидностію мудраго эгоисма давно разсчиталъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ благотворительность можетъ принести больше пользы, чѣмъ спекуляц'я на питейные откупа. Она, въ крайнемъ случаѣ, не давая человѣку, занимающемуся ею съ разсчетомъ и тактомъ, прямыхъ матеріяльныхъ выгодъ, постепенно составляетъ ему несокрушимую репутацію, высокое нравственное значеніе, предъ которымъ благоговѣютъ иные люди, посвятившіе себя другимъ предметамъ.

Оконченный подвигъ человѣколюбія доставилъ бывшему купеческому прикащику давно желанное партикулярное, состоящее внѣ сферы казенной, мѣсто управляющаго различными частными учрежденіями въ пользу страждущаго человѣчества. Нѣтъ надобности упоминать подъ какимъ градусомъ широты и долготы лежало это благодатное мѣсто, иначе выйдетъ опять личность, но позволительно сказать, во избѣжаніе той же неприкосновенной личности, что оно было далеко за предѣлами Петербурга. Надворный Совѣтникъ такъ поспѣшно отпра-

Digitized by Google

вился на свое хорошее мѣсто, такъ былъ занятъ своими личными выгодами, что съ равнодушіемъ вовсе не филантропическимъ, обѣщалъ Терентію Якимовичу «подумать» о его притязаніяхъ и нуждахъ.

Завидная должность смотрителя гробовъ была потеряна для Терентія Якимовича. Новое лице, замѣнившее Надворнаго Совѣтника, поручило ее *своему* человѣку, въ достоинствахъ котораго было увѣрено. Между тѣмъ *большія* деньги, скопленныя имъ въ пятилѣтнѣе обладаніе хорошимъ мѣстомъ на огородѣ, исчезали; нужды новаго, супружескаго быта увеличивались, и годоваго жалованья, лаконически называемаго достаточнымъ, недоставало на одинъ мѣсяцъ.

Тогда воображенію его представилась страшная картина ожидающей его будущности, картина вѣчной, со дня на день усугубляющейся нищеты, которою поражены тысячи другихъ людей, подобно ему прибывшихъ въ Петербургъ, Богъ вѣсть, откуда, искать хорошихъ мѣстъ, славы, счастія; подобно ему, горько обманутыхъ своими надеждами и мечтами, утратившихъ, подъ гнѣтомъ опыта, счастливыя заблужденія молодости, пожелтѣвшихъ отъ нужды и разо-

Digitized by Google

чарованій и наконецъ женившихся, чтобы сдѣлать угодное своимъ милостивцамъ и поправиться, какъ говорится, «изъ куля въ рогожу.»

Лубковскій захворалъ съ горя, и на болѣзненномъ одрѣ предался воспоминаніямъ надеждъ своей молодости. И чтобъ было ему остаться въ Чечевицинѣ, не поддаваясь обольщеніямъ громкаго имени столичнаго города Санктпетербурга! Правда, въ Петербургѣ родятся губернаторы и люди побольше губернаторовъ, но здѣсь также родятся въ несмѣтномъ числѣ нищіе разнаго званія, и только одинъ Богъ знаетъ горечь ихъ существованія.

Одна старинная Еврейская пѣсня начинается восклицаніемъ: «Какъ упоительна любовь въ довольствѣ и роскоши!» И точно, безъ довольства не можетъ быть любви, безъ способовъ къ удовлетворенію животныхъ потребностей, человѣкъ не имѣетъ высокой духовной способности любить. Терентій Якимовичъ, прежде, когда видѣлъ въ молодой и прекрасной женѣ своей средство къ исполненію своихъ эгоистическихъ, честолюбивыхъ замысловъ на хорошее мѣсто, обращался съ нею уважительно, съ

Digitized by Google

нѣкоторою нѣжностію. Онъ и любилъ бы ее, еслибъ душа его освободилась отъ тяжкихъ вседневныхъ заботъ, убивающихъ всякое возвышенное чувство; но угнѣтаемый матеріяльными нуждами, пугаясь мрачныхъ предчувствій, онъ считалъ жену виновницею его неизбѣжной погибели. Безъ нея, безъ этой Пелагеи Петровны, онъ неимѣлъ бы надобности ни въ квартирѣ, неоплачиваемой его жалованьемъ, ни въ Сѣнной Площади, ни въ дровяныхъ дворахъ....

Безмолвно сидѣла Пелагея Петровна у постели Терентія Якимовича. Еще незная практически той жизни, на которую обрекаются люди одного значенія съ ея мужемъ, она понимала, что сдѣлалась причиною его страданій, его несчастія. Слезы покатились изъ глазъ ея; но она поспѣшила отереть ихъ. — Въ эту минуту мужъ глядѣлъ на нее.

— Что ты плачешь? О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ сурово. — Пожалуй, могутъ сказать, что я *тиранъ* твой. Чего добраго! Для меня только этого недоставало!

«Я думаю, отвѣчала Пелагея Петровна, дрожащимъ голосомъ, глотая слезы: я думаю, что мы очень несчастливы! Ты больной,

Digitized by Google

всегда разстроенный.... какъ же мнѣ не плакать!»

— Слезами тутъ ничего не поможешь.... Онъ не кончилъ своего замѣчанія, повидимому развлеченный внезапною мыслію. Пристально и задумчиво глядя въ лице жены своей, онъ, казалось, развивалъ на немъ свою идею, свои новые замыслы. Чрезъ нѣсколько минутъ глаза его оживились, лице потеряло страдальческое выраженіе, онъ поднялся съ постели, и не говоря ни слова Пелагеѣ Петровнѣ сталъ сочинять какое-то письмо....

Былъ у него *милостивецъ*, человѣкъ важный, пожилой, довольно значущій въ обществѣ и въ службѣ, удостоивавшій называть его *любезнѣйшимъ*, нерѣдко обѣщавшій позаботиться о немъ и никогда не исполнявшій своихъ обѣщаній. И немудрено: у милостивца была толпа людей, которыхъ онъ, по благосклонности своей, называлъ любезнѣйшими, и которые, пользуясь этою благосклонностію, утруждали его такими же просьбами какъ и Терентій Якимовичъ. Всѣхъ просьбъ удовлетворить было нельзя, а для того чтобы оказать одному изъ любезнѣйшихъ предпочтеніе предъ другими,

Digitized by Google

требовалось, чтобы этотъ любезнѣйшій имѣлъ какія-либо права на него, особыя уваженія, которыя ставили бы его въ глазахъ милостивца внѣ толпы обыкновенныхъ просителей.

Свѣтлая мысль блеснула въ умѣ Терентія Якимовича и исполнила душу его животворящею надеждою. Долго сочинялъ онъ свое письмо, наконецъ сочинилъ, переписалъ его тщательно на тонкой почтовой бумагѣ, и запечатавъ въ конвертъ, обратился къ женѣ своей:

— Послушай, душенька! сказалъ онъ ей ласково: Еще недавно ты плакала, а я, больной отъ горя, лежалъ на постелѣ, съ которой и вставать не думалъ. Теперь Богъ послалъ мнѣ мысль, которую я считаю счастливою. Очень можетъ быть, что положеніе наше поправится. Я вспомнилъ обѣщанія одного важнаго человѣка, который о сю пору не исполнилъ ихъ — знаю почему! знаю, что онъ за человѣкъ, и на что я рѣшаюсь.... (онъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ). Но, говоритъ пословица: съ волками жить — по волчьи выть. Не я одинъ!... Я почти увѣренъ, что если ты сходишь къ нему съ этимъ пись-

Digitized by Google

момъ, то онъ сжалится — не на до мною, такъ надъ тобою. Разскажи ему о нашей крайности.... Я вроду его въ этомъ письмѣ содѣйствовать мнѣ, «по причинѣ жены,» къ полученію хорошаго мѣста. Ты попроси его отъ себя. Большіе люди всегда внимательны къ женщинамъ, и ты не бойся обременить его своими просьбами. Нашъ братъ, мужчина — дѣло другое. Только будь съ нимъ любезнѣе.... Въ этомъ нѣчего учить тебя. Я говорю для «твоего соображенія.» Поѣзжай съ Богомъ, душенька! Я на тебя надѣюсь!»

Пелагея Петровна повиновалась. Одѣвшись просто, по способамъ бѣдной чиновницы, но со вкусомъ и изяществомъ благовоспитанной женщины, она положила въ ридикюль письмо своего мужа и отправилась на скромныхъ извощичьихъ дрожжахъ къ его милостивцу.

VII.

Новая просьба Лубковскаго имѣла рѣшительныя слѣдствія: «по причинѣ жены,» какъ выразился онъ въ письмѣ къ своему милостивцу, онъ получилъ хорошее мѣсто.

Digitized by Google

Онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ, приеллигированныхъ людей, для которыхъ жизнь—одинъ непрерывный, упоительный, побѣдоносный танецъ.

Въ отношеніи къ Терентію Яковичу, обязанность по хорошему мѣсту заключалась въ томъ, что онъ долженствовалъ въ опредѣленные часы уходить изъ квартиры для исполненія особыхъ порученій. Эти порученія исполнялъ онъ съ такою точностію, что въ короткое время заслужилъ многія удобства, кромѣ тѣхъ, которыя вообще свойственны хорошему мѣсту. По важности лежавшей на немъ обязанности, онъ получилъ просторную, прекрасно отдѣланную квартиру, обзавелся парою лихихъ лошадей и тѣмъ милымъ городскимъ экипажемъ нынѣшней формы, который, покамѣсть, носитъ обидное названіе дрожекъ, но въ сущности выражаетъ идею пріятнаго качанія, а не лихорадочнаго дрожанія.

Вообще чувствуя преуспѣяніе свое во всѣхъ благахъ міра сего, онъ покидалъ замашки прежняго дикаго быта, и со дня на день совершенствовался духомъ и тѣломъ. Разумъ его сталъ яснѣть, невозмущаемый и нетлѣтомый мелкими житейскими потребностями. Различныя отношенія и условія въ

Digitized by Google

дѣлахъ человѣческихъ приходили для него въ стройный, общеполезный порядокъ, и на страсти и бѣдствія, деспотически властвовавшія надъ міромъ внѣ собственной его особы, онъ привыкалъ смотрѣть космополитически, равнодушно, обращая ихъ въ неизбѣжную принадлежность упомянутаго міра.

Спокойный духомъ, счастливый, онъ съ радостію видѣлъ пріятное округленіе своего подбородка и другихъ частей лица, дотолѣ угловатыхъ, растянутыхъ, и возвышеніе своего драгоцѣннаго чрева. Это благодѣтельное вниманіе къ нему самой природы давало ему пріятный поводъ видѣть себя въ будущности совершенно похожимъ на любаго, наилучше откормленнаго на Волгѣ Россійскаго степнаго помѣщика.

Онъ долженствовалъ исполнять свою обязанность въ шесть часовъ пополудни. Нельзя не замѣтить, какъ гармонировала она съ личною его потребностію. Въ шесть часовъ, послѣ хорошаго, даже очень хорошаго обѣда, онъ отправлялся изъ квартиры для совершенія предписанной во всѣхъ, въ томъ числѣ и въ конскихъ лечебникахъ прогулки, особенно полезной для такихъ людей и ло-

Digitized by Google

шадей, которыя, подобно ему, сосредоточивъ нѣжнѣйшія чувствованія своего сердца на собственной особѣ, видятъ ее разцвѣтающею и полнѣющею вожделѣннѣйшимъ образомъ. И такъ, слѣдуя указаніямъ сердца и всеобщаго лечебника, онъ въ то же время почти безсознательно исполнялъ и свою обязанность.

VIII.

Однажды, въ осенній вечеръ, пообѣдавъ отлично, Терентій Якимовичъ предался пріятной дремотѣ и еще болѣе пріятнымъ мечтамъ, столь плодовито и обильно раждающимся послѣ обѣда. Дождь стучалъ въ окна; на улицѣ холодъ и мракъ; въ его кабинетѣ теплота и свѣтъ, разливаемый прекрасною усовершенствованною лампою. Взглянувъ въ окно, онъ вполнѣ почувствовалъ неоцѣненную выгоду своего положенія. Сколько тамъ, на улицѣ, бродитъ чиновниковъ того же класса, какъ и онъ, мучимыхъ потребностію хорошаго мѣста, ищущихъ его всюду, на улицѣ, въ грязи, на тротуарахъ, подъ воротами домовъ, подъ балконами, въ чужихъ переднихъ, въ чужихъ кабинетахъ,

Digitized by Google

даже въ чужихъ спальняхъ! И сколько всякій изъ нихъ натерпится горя, набѣгается, накланяется, наподличаетъ пока достигнетъ хорошаго мѣста! Сколько между ними такихъ, которые весь вѣкъ, имѣя хорошее мѣсто у себя подъ носомъ, не замѣчаютъ и непаходятъ его, и наконецъ такихъ, которые во всю жизнь ища хорошаго мѣста, гоняясь за нимъ отъ неопытной, пылкой юности до коварной старости, находятъ его только въ могилѣ!

И опять какое разнообразіе въ идеѣ хорошаго мѣста, какая разладица въ понятіяхъ о немъ: для однихъ искателей его оно, по меньшей мѣрѣ, тронъ Китайскаго Богдыхана, для другихъ, оно только казенная квартира съ дровами, для третьихъ, управленіе департаментомъ, для четвертыхъ, завѣдываніе нравами дворниковъ, для пятыхъ, хожденіе за барынею пожилыхъ лѣтъ, для шестыхъ — гробъ!

Терентій Якимовичъ, покоясь въ креслахъ, предался дремотѣ, которая однако не прерывала вышеприведенныхъ дѣльныхъ размышленій. Мало по малу, отъ постороннихъ интересовъ онъ перешелъ къ собственнымъ своимъ. Вспомнивъ время, которое онъ про-

Digitized by Google

водилъ на огородахъ, куда хаживалъ въ такую же, какъ теперь, погоду, голодный, оборванный, съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ предался невольному увлеченію блаженства, ощущаемаго при одномъ сравненіи прошедшаго съ настоящимъ, и воскликнулъ:

— Хорошее мѣсто!

И будто въ отвѣтъ ему раздался легкій, благозвучный бой шести часовъ. Онъ вздрогнулъ. Впервые этотъ бой отозвался не въ ушахъ, а въ сердцѣ его. Онъ потерялъ пріятное расположеніе духа и, прислушиваясь къ жужжанію дождя, впервые почувствовалъ тяжесть обязанности, неудобство хорошаго мѣста. Теперь ему хотѣлось бы остаться дома, и вмѣсто того, чтобы тащиться, Богъ вѣсть, куда и зачѣмъ въ такую Петербургскую погоду — посадить возлѣ себя или даже у себя на колѣняхъ свою хорошенькую жену, которая стала еще лучше съ тѣхъ поръ, какъ хорошее мѣсто, доставленное мужу, избавило ее отъ горя, отъ заботъ, отъ нищеты.....

Вдругъ раздался звонокъ въ передней. Терентій Якимовичъ, торопливо накинувъ на себя пальто, схвативъ шляпу и скорчивъ гримасу неопредѣленнаго смысла, бро-

Digitized by Google

сился изъ кабинета, и въ дверяхъ повстрѣчался съ своимъ *Милостивцемъ*.

Оба, по какому-то внезапному чувству, отступили одинъ отъ другаго. Потомъ, опустивъ глаза долу, раскланялись съ легкимъ, невыразимымъ ни какими словами восклицаніемъ. Руки ихъ сначала протянулись было одна къ другой, потомъ, будто посторонней силою были отброшены въ противоположныя стороны. Милостивецъ первый началъ разговоръ слѣдующимъ вопросомъ:

«А?»

— Да-съ! отвѣчалъ Терентій Якимовичъ.... Я уйду.... Мнѣ очень нужно итти по разнымъ порученіямъ.....

Милостивецъ пріятно улыбнулся и поклонился. Терентій Якимовичъ то же улыбнулся, и поклонившись ушелъ по особымъ порученіямъ.

Едва только онъ сошелъ съ лѣстницы, какъ дождь окатилъ его будто изъ ведра. Онъ хотѣлъ было остановиться у подъѣзда собственной квартиры, но долгъ говорилъ ему повелительно, какъ Вѣчному Жиду: иди, иди, иди! И онъ пошелъ подъ сильнымъ вліяніемъ *идущаго* дождя и *прошедшей* встрѣчи. Онъ торопился въ кандитерскую или

Digitized by Google

въ трактиръ, но ни той, ни другаго не было вблизи, а дождь все усиливался и наконецъ полилъ въ такомъ размѣрѣ, что все шедшее и бѣжавшее по улицѣ кинулось подъ ворота домовъ. Терентій Якимовичъ то же пріютился, съ толпою кухарокъ, мужиковъ и чиновниковъ подъ воротами.

Послѣ краткаго молчанія толпа заговорила, начавъ съ нравоучительныхъ изрѣченій по случаю дождя. Потомъ разговоръ, заводимый отдѣльными группами, по поламъ и по состояніямъ, принялъ болѣе обширное направленіе, и по странному случаю, всѣ, и кухарки, и мужики, и чиновники говорили объ одномъ предметѣ — о хорошихъ мѣстахъ. Терентій Якимовичъ, стоявшій отдѣльно, вслушивался въ разговоры и скоро понялъ, что всѣ эти люди, случайно сбитые въ одну кучу и чрезъ минуту долженствующіе разсыпаться по разнымъ вершинамъ Петербурга, суть искатели хорошаго мѣста.

— Велико дѣло! воскликнула одна дюжая баба, покрывъ своимъ голосомъ менѣе звучныя выраженія прочихъ сообщниковъ, велико дѣло — хорошее мѣсто! Имѣй, выхо-

Digitized by Google

дитъ, хорошее мѣсто, такъ ужъ ни за что въ свѣтѣ не пойдешь изъ фатеры въ эфтакую непогодь!

«Вздоръ!» сказалъ Терентій Якимовичъ громко и рѣшительно, такъ что вся толпа смолкнувъ, обратила на него вниманіе, и въ ту же минуту изумясь самъ своему невольному увлеченію, онъ бросился изъ-подъ воротъ.

Войдя въ переднюю своей квартиры, измокшій, терзаемый досадою и тоскою, онъ снова встрѣтился съ Милостивцемъ, только что возвращавшимся.

Оба, по-прежнему, остановились взволнованные этою встрѣчею, и улыбаясь одинъ другому, казалось хотѣли заговорить о чемъ-то. Послѣ минутнаго замѣшательства, Терентій Якимовичъ сказалъ, кланяясь Милостивцу:

«Вотъ, я уже и возвратился!»

— А!

«Да-съ!»

— Гмъ!

И Милостивецъ съ новою ласковою улыбкою и поклономъ *изволили* уйти.

Долго стоялъ Терентій Якимовичъ у окна своего кабинета, мучимый тяжкою думою.

Digitized by Google

Черты лица его были искажены судорогами, въ глазахъ сверкало отчаяніе. Только сильный ливень дождя и вой вѣтра нѣсколько развлекли его; онъ прислушался къ игрѣ Петербургской погоды, у которой еще недавно самъ былъ игрушкою, и взглянувъ потомъ на свою роскошную квартиру, на дорогіе ковры, на мебели краснаго дерева драгоцѣнной отдѣлки, на изящныя бронзы и на многія другія дорогія бездѣлки, онъ сталъ приходить въ себя, и внимательно глядя на всѣ эти предметы, какъ будто извлекая изъ нихъ духъ космополитисма, произнесъ наконецъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ:

«Да! Хорошее мѣсто.....!»

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРТИКУЛЯРНАЯ ПАРА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРТИКУЛЯРНАЯ ПАРА.

Надъ міромъ носится вѣчный, лучезарный призракъ, называемый счастіемъ. Для существованія человѣка въ этомъ мірѣ необходимы женщины, хорошія мѣста, воздухъ и эгоисмъ, и эти предметы существуютъ фактуально, осязательно; но человѣкъ, всегда недовольный тѣмъ, что есть, самъ изобрѣлъ этотъ призракъ, эту мечту, это счастіе; потомъ онъ повѣрилъ, что счастіе существуетъ, и что ему безъ счастія и жизнь не жизнь, и чины не чины!

Въ Петербургѣ едва ли есть счастіе, а вѣрно то, что есть магазины, любовь и сплетни — для женщинъ; честолюбіе, козни и выговоры — для мужчинъ; мечта, луна и дѣва для поэтовъ; наконецъ эгоисмъ и Невскій Проспектъ — для всѣхъ!

*

Digitized by Google

Хотя каждый и каждое изъ упомянутыхъ предметовъ и качествъ, существенныхъ, а не мечтательныхъ, можетъ съ совершеннымъ успѣхомъ замѣнять для Петербургскихъ людей отсутствующее счастіе, однако многіе изъ этихъ людей не удовлетворяются избыткомъ магазиновъ, кожей, воды и пр., считаютъ необходимымъ для своего существованія счастіе, гоняются за нимъ во всю жизнь, видятъ его всюду, «куда пріѣзда не имѣютъ», осуществляютъ его во всемъ, чѣмъ владѣть не могутъ, и сходя въ могилу измученные, разочарованные, говорятъ ожесточенно: нѣтъ счастія въ мірѣ!

Между тѣмъ, это люди, большею частію никогда не мыслившіе и не имѣвшіе надобности мыслить о разныхъ обстоятельствахъ, управляющихъ жребіемъ человѣческимъ, не испытывавшіе ни одного изъ горькихъ лишеній, которыми исполнена и пожирается жизнь другихъ людей, покорно и безропотно идущихъ къ крайнему, утѣшительнѣйшему предѣлу ея, могилѣ. Они занимаютъ хорошія мѣста, имѣютъ хорошія квартиры; въ двѣнадцать часовъ брѣются, въ два часа гуляютъ по Невскому, въ шесть часовъ обѣдаютъ, въ восемь ѣдутъ въ Италіи-

Digitized by Google

ской Оперѣ, и на нихъ иногда завистливо, иногда съ правдивою досадою смотритъ какой нибудь жилецъ пятаго этажа, считающій себя человѣкомъ не хуже другихъ.

И опять, въ томъ же Петербургѣ существуетъ множество людей, для которыхъ счастіе, какъ оно и есть—мечта, призракъ, которые стараются жить и живутъ *какъ нибудь*, волнуемые копѣечными выигрышами и проигрышами въ преферансѣ, возвышеніемъ цѣнъ на дрова и съѣстные припасы, люди, которые постоянно болѣе или менѣе довольны собою и своими обстоятельствами, считаютъ глупостію стремленіе къ отвлеченнымъ благамъ, и постоянно гнѣтомые суровыми потребностями жизни, твердо вѣрятъ, что свѣтъ идетъ весьма удовлетворительно, и хотя имъ очень желательно бы имѣть квартиру и обстоятельства получше, однако, по соображенію другихъ квартиръ и другихъ обстоятельствъ видятъ, что они живутъ, по милости Божіей, весьма хорошо!

Эти счастливцы тѣ самые, которые въ зимнюю стужу или въ непогодь осеннюю, закутавшись въ ветхую шинель, торопливо идутъ въ должность, а если случится Новый Годъ, или другой какой нибудь все-

Digitized by Google

радостный праздникъ, то къ покровителю съ установленнымъ поздравленіемъ, и на лицѣ ихъ отражается одна служебная забота, боязнь выговора, и не отражается никакое эгоистическое ощущеніе, какъ будто на нихъ не дѣйствуютъ ни своенравныя стихіи, властвующія надъ ними на дворѣ, ни мелкія, но многочисленныя нужды, съѣдающія ихъ въ домашнемъ быту.

Къ числу такихъ счастливцевъ принадлежалъ Петръ Ивановичъ Шляпкинъ, бывшій Чарочкинъ, молодой человѣкъ съ большими канцелярскими дарованіями и маленькимъ чиномъ. Даже можно сказать утвердительно, что онъ былъ самый счастливый человѣкъ изъ всѣхъ верхнихъ обитателей Большой и длинной Мещанской Улицы.

Когда Петръ Ивановичъ назывался просто Чарочкинымъ, онъ испыталъ многія неудобства и огорченія по службѣ и въ домашнемъ быту. Сначала онъ пришелъ было въ отчаяніе, но будучи отъ природы человѣкомъ разсудительнымъ, сталъ, по мудрому совѣту одной глубокой книги, отыскивать причину своего несчастія въ самомъ себѣ, и нашелъ ее въ своей фамиліи. Тогда, по праву людей, имѣющихъ неблагозвучныя

Digitized by Google

прозванія, онъ рѣшился перемѣнить свое несчастное названіе Чарочкина на другое, болѣе счастливое и благозвучное.... Но какое прозваніе самое счастливое въ природѣ и самое благозвучное въ Русскомъ языкѣ?.... Онъ припоминалъ многія, но всѣ онѣ казались ему не довольно счастливыми и благозвучными. По этому онъ захотѣлъ «сочинить» себѣ фамилію, и сочинялъ ее цѣлый мѣсяцъ, выдумалъ сотню прозваній, одно другаго мудренѣе и лучше, такъ что наконецъ не зналъ, которое изъ нихъ выбрать: Громовъ—хорошо, но Громовыхъ много на Руси; Рублевъ, даже двухъ-рублевый и особенно трехрублевый, тоже хорошо, но какъ-то страшно; Онѣгинъ, Чубуковъ, Чубукевичъ, Кнутиковъ, Бутылкинъ, Пѣтуховъ, Выжигинъ.... Вотъ, наконецъ, самая счастливая фамилія, народная въ Россіи! И какой канцелярскій чиновникъ не хотѣлъ бы называться Петромъ Выжигинымъ!

Но какъ ни лестно было Петру Ивановичу Чарочкину называться Петромъ Ивановичемъ Выжигинымъ, онъ испугался популярности этого имени. Что выйдетъ разсуждалъ онъ, если гдѣ нибудь въ компаніи узнаютъ, что я Петръ Ивановичъ Выжигинъ? Станутъ

Digitized by Google

пожалуй, указывать на меня: «Вотъ, дескать, Петръ Ивановичъ Выжигинъ,» станутъ распрашивать меня о батюшкѣ, покойномъ Иванѣ Ивановичѣ, о дѣдушкѣ, который доселѣ здравствуетъ и бранится въ каждую Субботу со всѣмъ свѣтомъ, о мнѣ самомъ ... Иные даже захотятъ ощупать, или ущипнуть меня.... Есть такіе странные люди, которымъ недостаточно смотрѣть на интересующій ихъ предметъ, надобно еще ущипнуть его, чтобы сказать потомъ: «я знаю его совершенно!»

Въ слѣдствіе этихъ разсужденій Петръ Ивановичъ обратился къ болѣе скромнымъ прозваніямъ.... Онъ не только любилъ женщинъ, подобно всѣмъ, но даже уважалъ ихъ, какъ немногіе, и потому произвелъ свою новую фамилію отъ одного изъ предметовъ женскаго наряда, отъ шляпки. Такимъ образомъ онъ сталъ называться Шляпкинымъ.

Съ перемѣною фамиліи перемѣнилось служебное и домашнее положеніе Петра Ивановича. Онъ получилъ давно желанный, радостный чинъ, еще болѣе радостную прибавку къ жалованью и, кромѣ того, неожиданно открылъ способъ къ увеличенію своего дохода трудомъ и сбереженіемъ по си-

Digitized by Google

стемѣ политико-экономовъ и къ израсходованію его единовременно *перваго числа*, по обычаю людей, для которыхъ это число есть единственный радостный день въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Кромѣ числа и достаточнаго дохода Петръ Ивановичъ имѣлъ еще одну важную вещь: *установленную форму*, состоявшую изъ вицъ-мундира и принадлежностей къ нему, купленную на Апраксиномъ Дворѣ за сорокъ рублей ассигнаціями, въ качествѣ *малоподержанной пары*, а по строгомъ разсмотрѣніи, оказавшуюся только *годною* къ употребленію во всѣхъ приличныхъ случаяхъ.

Петръ Ивановичъ получалъ жалованья соразмѣрно своему чину, ассигнаціями двадцать семь рублей одиннадцать копѣекъ съ половиною въ мѣсяцъ, и за эту цѣну ежедневно, кромѣ праздниковъ, записывалъ исходящія бумаги и запечатывалъ ихъ въ конверты, для разсылки по адресамъ. Однажды, держа въ рукахъ конвертъ, онъ подумалъ: очень много конвертовъ выходитъ въ нашей канцеляріи.... и много денегъ платится за нихъ!... А что, если разсчитать, сколько конвертовъ выходитъ во всемъ свѣтѣ, или хотя въ одномъ Петербургѣ?... О,

Digitized by Google

видно, что люди, дѣлающіе конверты, наживаютъ копѣйку! А между тѣмъ небольшое искусство дѣлать конверты: нужно только имѣть умъ.... и бумагу притомъ.... Мнѣ, напримѣръ, только умъ собственный, и нужно бы имѣть для дѣланія конвертовъ.... Право, не заняться ли?

Въ тотъ же день Петръ Ивановичъ, запершись въ своей комнатѣ, до тѣхъ поръ рѣзалъ бумагу, пока не изучилъ въ совершенствѣ искусства дѣлать конверты. При этомъ онъ замѣтилъ, что конверты дѣлаются гораздо удобнѣе, легче и лучше изъ казенной бумаги, нежели изъ собственной, и по случаю этого замѣчанія рѣшился не покупать бумаги, а открыть производство «отличныхъ» конвертовъ единственно изъ той, которую удобно могъ добывать «въ должности.»

Петръ Ивановичъ озаботился объ открытіи надежныхъ рынковъ для сбыта своего продукта, и съ этою цѣлью отправился въ нѣкоторыя купеческія конторы, вызываясь поставлять конверты всевозможныхъ видовъ и размѣровъ, по цѣнамъ несравненно меньшимъ противу тѣхъ, которыя платятся за нихъ въ лавки и магазины. Къ этому вы-

Digitized by Google

зову Петръ Ивановичъ присовокуплялъ небольшое, но весьма дѣльное разсужденіе о томъ, что лавочники и магазинщики, торгующіе конвертами, суть не что иное, какъ посредники между производителями и потребителями этого товара, и въ качествѣ посредниковъ берутъ за него вдвое дороже противъ настоящей «мануфактурной» цѣны.

Купцы и ихъ конторщики всегда предпочитаютъ продуктъ изъ первыхъ, производящихъ его рукъ, и нормальную цѣну продукту изъ вторыхъ, посредничествующихъ рукъ и цѣнѣ возвышенной десятью процентами за трудъ этого посредничества, и хотя, въ настоящемъ случаѣ, выгода отъ пріобрѣтенія конвертовъ у самого Петра Ивановича составляла копѣечную разницу, однако, по строгой аккуратности благоустроенныхъ торговыхъ домовъ, она не была пренебрежена, и Петръ Ивановичъ получилъ во многихъ конторахъ заказы на свое издѣліе. Увлекаясь успѣхомъ и выгодами своего предпріятія, онъ хотѣлъ было вызваться на поставку конвертовъ и въ казенные мѣста, изъ чего могла бы выйти казенная польза, изъ которой, въ свою очередь, вышло бы что нибудь лестное для него, какъ

Digitized by Google

чиновника, радѣющаго о казенной пользѣ; но принявъ въ соображеніе ядовитую зависть, преслѣдующую всякій успѣхъ по службѣ, по откупамъ, подрядамъ, поставкамъ и т. п., онъ укротилъ свое честолюбіе и ограничилъ свою мануфактурную дѣятельность одними «партикулярными» мѣстами.

Обширнѣйшими изъ торговыхъ связей Петра Ивановича были связаны съ домомъ *Господъ братьевъ Гельдзакъ и Компаніи*, въ который поставлялъ онъ конвертозъ на двадцать рублей въ мѣсяцъ, по уговору съ Господиномъ Францомъ-Вильгельмомъ Штейномъ, кассиромъ, имѣвшимъ первостепенное значеніе въ конторѣ и подписывавшимъ векселя и корреспонденцію отъ имени торговаго дома *per-procura*, т. е. по уполномочію. Сами «Господа Братья Гельдзакъ и Компанія», сосредоточенные въ маленькой, суровой особѣ негоціянта Карла Христофоровича Гельдзака, всегда были заняты главнѣйшими разсчетами и оборотами, и какъ Петръ Ивановичъ приходилъ въ контору по окончаніи своихъ служебныхъ занятій, когда Господа братья отправлялись на Биржу, то они рѣдко встрѣчали его, а

Digitized by Google

встрѣтивъ не освѣдомлялись о причинѣ его посѣщенія.

Эта контора была обширнѣе всѣхъ другихъ, въ которыя Петръ Ивановичъ доставлялъ конверты. Она находилась на полупути Петра Ивановича въ должность. По этому случаю Петръ Ивановичъ заходилъ въ контору почти каждый день, въ три часа пополудни. Въ эту пору конторщики, утомленные занятіями, посматривали на часы, нетерпѣливо ожидая пробитія *ровно* четырехъ, чтобы въ ту же минуту итти обѣдать. Правда, Петръ Ивановичъ, въ качествѣ поставщика отличныхъ конвертовъ игралъ между этими людьми довольно жалкую роль: они, получая такое жалованье, какое и не снится чиновникамъ одного съ ними служебнаго значенія, любили потѣшиться надъ нимъ, особливо надъ его античною, установленною формою; но Петръ Ивановичъ, давно привыкнувъ къ нецеремонному съ нимъ обращенію, нисколько не обижался выходками конторщиковъ, и если иная выходка была точно смѣшна, то онъ хохоталъ со всѣмъ простодушіемъ человѣка, чувствующаго себя счастливымъ, довольнаго собою и своею судьбою.

Digitized by Google

Такимъ образомъ появленіе Петра Ивановича въ конторѣ Господъ Братьевъ Гельдзакъ и Комп. всегда было встрѣчаемо конторщиками съ удовольствіемъ. Они, для сокращенія остальнаго времени, въ которое долженствовали быть въ конторѣ, входили съ нимъ въ разсужденіе о новѣйшихъ банкрутствахъ и о житейскихъ обстоятельствахъ Петербургскихъ людей, не имѣющихъ счастія быть ни помѣщиками, ни портными мейстерами, и вынужденныхъ добывать себѣ средства къ существованію переписываніемъ чужаго маранія. Петръ Ивановичъ разсказывалъ имъ занимательные анекдоты о томъ, какъ и чѣмъ живутъ многіе несчастные люди, получающіе подобное ему жалованье, люди, которые такъ смѣшны въ Русскихъ водевиляхъ. Съ своей стороны конторщики знакомили его съ бытомъ коммерческимъ, дотолѣ ему чуждымъ. Онъ былъ пораженъ превосходствомъ жалованья коммерческаго надъ чиновническимъ, и еще болѣе удивлялъ его образцовый порядокъ дѣлопроизводства въ конторахъ, гдѣ торговые обороты и разсчеты на колоссальныя суммы производятся съ непостижимою для чиновника точностію,

Digitized by Google

однимъ человѣкомъ, напримѣръ, *перъ-прокурою*.

Ознакомившись съ людьми, составляющими эту контору, Петръ Ивановичъ нашелъ въ ней стихіи и начала, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя преобладаютъ въ мѣстахъ казенныхъ, интересовавшія его своею оригинальностію и новостію.

Контора дѣлилась на двѣ партіи: Нѣмецкую и Русскую. Первая, равная числомъ своихъ членовъ послѣдней, имѣла надъ нею перевѣсъ нравственный: въ главѣ ея находился Русскій Нѣмецъ Францъ Ивановичъ Штейнъ, получившій образованіе въ Коммерческой Школѣ, и за свою дѣятельность и вѣрность возведенный въ званіе *перъ-прокуры* торговаго дома братьевъ Гельдзакъ и Ко. Онъ былъ молодой человѣкъ благовидной наружности, зналъ нѣсколько языковъ, мечталъ о компаніонствѣ съ домомъ Гельдзакъ, любилъ свое занятіе и получалъ директорское жалованье. Вторымъ лицемъ послѣ него былъ Господинъ Іозифъ Шпицъ-Рутель, бывшій перъ-прокурою тридцать лѣтъ, оставившій свою важную должность по старости, но немогшій оставить своей любезной конторы. Не будучи обязанъ ни-

Digitized by Google

какимъ занятіемъ, онъ работалъ надъ счетами и балансами по страсти. Русскаго языка онъ почти незналъ, да и по-Нѣмецки говорилъ мало. Въ числѣ важныхъ преимуществъ, предоставленныхъ ему торговымъ домомъ, было одно, самое драгоцѣнное для него: право курить въ конторѣ сигару, не стѣсняясь присутствіемъ самого принципала. Этимъ правомъ онъ пользовался безпрерывно съ девяти часовъ утра, когда являлся въ контору съ постоянною тридцатилѣтнею точностію, до четырехъ часовъ по полудни, когда оставлялъ ее съ тою же точностію. Углубясь въ свои счеты и куря сигару, онъ забывалъ все окружающее его, иногда вздрагивалъ, и глядя на сидящаго противъ него бухгалтера изъ Русской партіи, Ѳедора Ивановича, вскрикивалъ: *васъ?* Ничего, Осипъ Ивановичъ! отвѣчалъ бухгалтеръ, и старый *герръ-прокура* впадалъ въ прежнюю апатію. Одинъ разъ въ день, когда притупилось перо его, онъ обращался къ тому же, Ѳедору Ивановичу, съ такою рѣчью, произносимою дрожащимъ голосомъ: *Мейнъ либеръ герръ Фридрихъ! пожалейста поправить мой федеръ!* и Ѳедоръ Ивановичъ, онъ же и *федеръ*, очинивъ поданное ему перо, воз-

Digitized by Google

вращалъ его своему сосѣду, говоря почтительно: «Извольте, Осипъ Ивановичъ!» — Были еще три конторщика изъ Нѣмцевъ, вышедшіе изъ Коммерческой Школы, люди довольно благовоспитанные и вѣжливые.

Эта партія отличалась отъ Русской своею преданностію торговому дѣлу, своимъ коммерческимъ честолюбіемъ, которое всегда удовлетворяется: послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ конторѣ, Нѣмцы получаютъ коммиссіонерскія порученія, вступаютъ въ долю съ своими принципалами и становятся купцами самобытными.

Русскую партію составляли люди, вышедшіе изъ той же Коммерческой Школы, только съ другими идеями: первымъ изъ этихъ людей и вторымъ по значенію въ конторѣ былъ бухгалтеръ, Ѳедоръ Ивановичъ Щеточкинъ. Онъ получалъ сто рублей серебромъ въ мѣсяцъ жалованья, и употреблялъ ихъ на удовлетвореніе своей страсти къ щегольству и франтовству въ одеждѣ. Часто наряжался онъ въ красный бархатный жилетъ, свѣтлозеленый фракъ, наматывалъ на шею голубой платокъ съ широкимъ бордюромъ самыхъ безтолковыхъ цвѣтовъ, цѣплялъ на себя часы съ толстою золотою цѣ-

Digitized by Google

почкою, и когда перъ-прокура смѣялся надъ безвкусіемъ этого наряда, онъ объяснялъ, что фракъ стоитъ ему полтораста рублей, шарфъ, контрабандный, и въ цѣпочкѣ четверть фунта чистаго золота. Постоянно, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ былъ пожираемъ какимъ-то недугомъ, въ слѣдствіе котораго на головѣ его образовалась нисколько не почетная лысина, плохо скрываемая усовершенствованнымъ парикомъ, купленнымъ за два съ полтиною на аукціонѣ, по смерти одного профессора астрономіи. Онъ имѣлъ въ ящикѣ своей конторки, и носилъ съ собою въ карманѣ нѣсколько стклянокъ съ разнымъ аптечнымъ снадобьемъ, и въ каждое утро разсказывалъ конторскому сторожу обстоятельства своей болѣзни. Лишь только онъ садился за конторку, имъ овладѣвала сонливость и онъ дремалъ, работая машинально, по привычкѣ. Онъ рѣдко разговаривалъ о *пустякахъ*, даже въ часы досуга, и только одинъ предметъ обращалъ на себя его вниманіе—это докторъ. Лишь только кто либо изъ присутствующихъ произносилъ это слово, онъ спрашивалъ: «какой докторъ? Отъ чего онъ лечитъ? Какъ лечитъ? Скоро ли лечитъ?» и т. п. Петръ Ивановичъ,

Digitized by Google

уже десять разъ посѣщавшій контору, не удостоился разговаривать съ нимъ, пока, случайно, разсказывая Штейну исторію одного чиновника, замерзшаго въ своей квартирѣ «съ отопленіемъ,» не упомянулъ о докторѣ. Ѳедоръ Ивановичъ въ тоже мгновеніе оставивъ счеты, обратился къ нему съ вопросомъ: «Какой это докторъ, господинъ чиновникъ?»

— Это нашъ департаментскій докторъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

«Отъ чего онъ лечитъ?»

— Нельзя сказать, что онъ лечитъ, онъ только залечиваетъ! Впрочемъ ученый человѣкъ: отлично разсѣкаетъ трупы!

«Извините, я думалъ, не изъ тѣхъ ли онъ, какихъ мнѣ нужно. Я уже десятерыхъ докторовъ перемѣнилъ: были ученые и не ученые, всѣ невѣжды: только деньги брать умѣютъ. Впрочемъ нынѣшній мой коновалъ обѣщаетъ мнѣ полное выздоровленіе непремѣнно чрезъ мѣсяцъ.

Съ этого объясненія началось знакомство Петра Ивановича съ кандидатомъ коммерціи Щеточкинымъ.

Второстепенныя лица Русской партіи были одного покроя съ своимъ бухгалтеромъ.

*

Digitized by Google

Ихъ званіе «кандидатовъ коммерціи» давало имъ право на очень небольшой чинъ въ случаѣ поступленія въ казенную службу. И между тѣмъ, какъ Нѣмцы изъ конторщиковъ становятся купцами, негоціянтами, банкирами, богатѣютъ и горделиво называются *Нѣмецкими* купцами, они, привиллегированные мѣщане, обратясь въ регистраторовъ, большею частію выслуживаютъ нищету и чахотку; потомъ выходятъ, за болѣзнію, въ отставку, выпрашиваютъ у частнаго пристава свидѣтельство о своей крайней, безпомощной бѣдности, о своемъ «многочисленномъ» семействѣ, и съ этимъ документомъ отправляются къ разбогатѣвшимъ плебеямъ, бывшимъ своимъ товарищамъ, искать милости и состраданія.

Петръ Ивановичъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые считаютъ себя наблюдателями и мыслителями, но зная по собственному опыту житье Петербургскаго чиновнаго класса, и видя довольство, почти блаженство жизни этихъ конторщиковъ, которые за честь и счастіе считаютъ быть департаментскими тружениками, не могъ не назвать ихъ мысленно дураками.

Ознакомясь съ конторою Господъ Братьевъ,

Digitized by Google

Петръ Ивановичъ оказалъ ей нѣсколько мелочныхъ услугъ доставленіемъ свѣдѣній о ходѣ тяжебныхъ дѣлъ Гельдзака, производившихся въ томъ мѣстѣ, гдѣ служилъ онъ. По этому случаю *перъ-прокура* представилъ его самому Гельдзаку, который обошелся съ нимъ какъ съ человѣкомъ полезнымъ и нужнымъ по дѣламъ.

Въ теченіе полугода Петръ Ивановичъ постепенно пріобрѣлъ въ конторѣ Гельдзака значеніе, болѣе почетное нежели то, которое имѣетъ обыкновенный поставщикъ конвертовъ, вѣчно несчастливый и плаксивый; поставщикъ этого рода въ разговорахъ съ конторщиками всегда старается обратить вниманіе на свою нищету, спрашиваетъ нѣтъ ли у нихъ лишней шинели, или другой вещи въ тепломъ родѣ, для продажи ему подъ расписку, по уваженію крайней бѣдности его. По этому случаю конторщики не находятъ ничего скучнѣе чиновника, поставляющаго конверты и ни чего возмутительнѣе разсказовъ и просьбъ его. Петръ Ивановичъ былъ, напротивъ, человѣкъ веселый, простодушный, самодовольный, даже счастливый, какъ увѣрялъ онъ самъ себя, и умный, какъ можно бы

Digitized by Google

сказать, потому что одни умные люди умѣютъ ладить съ жизнію; но такъ какъ онъ по своему чину и общественному значенію принадлежалъ къ толпѣ, которая рѣдко имѣетъ случай быть умною, то этотъ эпитетъ и оставляется по принадлежности людямъ съ большими чинами и самолюбіями. Онъ никогда не жаловался своимъ коммерческимъ пріятелямъ на бѣдность, не выказывалъ предъ ними пошлаго желанія денегъ, и говорилъ только о такихъ предметахъ, которые могли интересовать всѣхъ, не утомляя никого.

Потолковавъ съ перъ-прокурою и конторщиками до того времени, когда они уходили обѣдать, онъ отправлялся въ свою квартиру, состоявшую изъ маленькой комнаты въ четвертомъ этажѣ, которою былъ совершенно доволенъ, не смотря на то, что зеленыя стѣны ея имѣли странное свойство источать воду по каплямъ. Онъ уподоблялъ эту квартиру знаменитому Бахчисарайскому фонтану, который «каплетъ хладными слезами, не изсякая никогда;» но замѣтивъ однажды, что піитическое свойство ея имѣетъ вредное вліяніе на его «установленную форму,» вѣшаемую на гвоздикъ, вко-

Digitized by Google

лоченный въ стѣну, купилъ собственно для охраненія этой формы рогатую мебель, называемую вѣшалкою.

Послѣ обѣда, состоявшаго изъ вассеръ-супа и бифстекса, Петръ Ивановичъ посвящалъ часа два или три производству конвертовъ, продажа которыхъ обезпечивала ему драгоцѣнную независимость отъ насущныхъ нуждъ, независимость, составлявшую его *счастіе*. Потомъ, если у него были деньги, онъ отправлялся въ Александринскій Театръ и тамъ, за двадцать пять копѣекъ серебромъ, испытывалъ величайшее эстетическое наслажденіе.

Онъ любилъ театръ и посѣщалъ бы его въ каждое представленіе, если бы всегда имѣлъ необходимыя двадцать пять копѣекъ. И можно ли, будучи не Ирокезцемъ, или Киргизомъ а тѣмъ, что называется человѣкомъ съ душею, не любить театра, этого волшебнаго міра, представляющаго такія фантастическія, несвойственныя нашему дѣйствительному міру явленія? Петру Ивановичу въ особенности нравились трагедіи, въ которыхъ отравляются или зарѣзываются всѣ дѣйствующія лица. Правда, онъ догадывался, что эти господа, враждующіе

Digitized by Google

между собою, замертво унесённые со сцены, бодро встаютъ за кулисами и отправляются дружною толпою играть въ преферансъ и ужинать; что эти госпожи, привязанныя одна къ другой на сценѣ до героическаго самопожертвованія, расходятся врознь за кулисами и уѣзжаютъ домой, каждая съ своимъ кавалеромъ, сплетничать одна о другой, но все таки ему было страшно, эстетически страшно.....

Взгляните во время представленія патріотической драмы, гдѣ безпрестанно вопіютъ о разныхъ величественныхъ предметахъ, гдѣ всѣ знатные люди — герои добродѣтели, а злодѣи все изъ маленькихъ; или комедіи, безъ капли комисма и съ огромнымъ количествомъ нравственности, или водевили, гдѣ маленькіе чиновники выставлены въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ, взгляните на публику..... не на ту, которая зѣваетъ внизу, а на другую, занимающую театральныя вершины, въ какомъ она восторгѣ, какому неистовому увлеченію предается! И въ той публикѣ, въ тысячѣ разнообразныхъ физіономій, раскраснѣвшихся отъ жара и давки, вы замѣтите восторженное, одушевлен-

Digitized by Google

мое эстетическимъ чувствомъ лице Петра Ивановича.

Если въ афишѣ значилось, что представляемая піеса трагедія или драма, Петръ Ивановичъ исполнялся предварительно, когда разыгрывалась вѣчная, ископаемая увертюра Александринскаго Театра, надлежащимъ ужасомъ, а во время самаго представленія дрожалъ, плакалъ, вскрикивалъ при каждой страшной выходкѣ актера и аплодировалъ; а если то была комедія, онъ смѣялся, сначала потихоньку, чтобы необратить на себя вниманія еще не тронутыхъ, не разгорячившихся сосѣдей, потомъ, предаваясь неодолимому увлеченію, онъ хохоталъ до судорогъ, и сосѣдняя публика, состоящая большею частію изъ людей коммерческихъ и благородныхъ, дружно помогала ему..... Театръ потрясался рукоплесканіями, и по окончаніи піесы раздавались восклицанія: «Автора!» Авторъ являлся, обращалъ къ *вершинамъ* благодарный взоръ, прикладывалъ руку къ сердцу, и убѣгалъ въ буфетъ выпить стаканъ лимонада для охлажденія крови, разгоряченной неожиданнымъ успѣхомъ его творенія. Потомъ газеты объявляли, что піеса произвела *фу-*

Digitized by Google

роре, и осыпали поздравленіями автора съ успѣхомъ, а публику съ авторомъ, пророча въ немъ новаго Шиллера или Моліера..... Я непремѣнно напишу патріотическую драму и нравственную комедію, если въ Александринскомъ Театрѣ явится новый посѣтитель такого же восторженнаго характера, какой имѣлъ Петръ Ивановичъ.

Въ Ноябрскій холодный вечеръ шелъ длинный бенефисъ Г. Безталаннаго. Афиша, немного короче Невскаго Проспекта, объявила Петербургу о «имѣющемъ быть сего числа» представленіи десяти новыхъ піесъ, названія которыхъ были напечатаны буквами ростомъ съ Александринскій Театръ. Эти піесы были, какъ всегда, патріотическаго и сатирическаго содержанія, уже по одному названію страшныя и смѣшныя; въ заключеніе спектакля шла траги-комедія: «Праздникъ размноженія столбовъ и фонарей.» Это названіе коварный бенефиціантъ придалъ плохой піесѣ собственнаго издѣлія для того, чтобы публика подумала, что тутъ есть что нибудь *особенное*. Публика такъ и подумала..... Она всегда любитъ особенное, а ей всегда даютъ непреложное.....

Digitized by Google

Петръ Ивановичъ съ шести часовъ вечера сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, въ райкѣ, и глядѣлъ на сцену, впрочемъ не на самую сцену, а на массивную лампу, которая висѣла въ перспективѣ между имъ и сценою. Въ предчувствіи грядущаго наслажденія, онъ читалъ афишу и потиралъ руки, чтобы хорошенько прихлопнуть въ выходъ Каратыгина. Особенно интересовалъ его «Праздникъ размноженія столбовъ и фонарей». Тутъ вѣрно есть что нибудь такое..... думалъ онъ, даже странно, что представляютъ эту піесу. Да что же это Россійскіе творцы расходились все о чиновникахъ: развѣ нѣтъ у насъ купцовъ, съ ихъ невѣжествомъ и деньгами, или мѣщанъ съ ихъ барскими претензіями и лошадинымъ значеніемъ?.... Ну, еслибъ я былъ авторъ.... И въ самомъ дѣлѣ, нелучше ли мнѣ прекратить производство конвертовъ и производить впредь комедіи, въ которыхъ дѣйствовали бы *иныя* сословія? Это было бы оригинально, даже умно, даже справедливо!»

Размышленія Петра Ивановича были прерваны и разсѣяны началомъ увертюры.... Онъ предался душею и сердцемъ ожиданному представленію.... Оно началось, и было

Digitized by Google

сопровождаемо обычными явленіями восторга театральныхъ вершинъ.

Театръ былъ полонъ; сборъ денежный вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ бенефиціанта. Публика, высидѣвъ шесть часовъ въ душной залѣ, осталась довольна и піесами, и актерами, и собою; только не разсудила дожидаться «Праздника размноженія столбовъ и фонарей.» Даже Петръ Ивановичъ былъ утомленъ долгимъ удовольствіемъ, и вышелъ изъ театра подобно другимъ.

Между тѣмъ у театра мерзла толпа кучеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, имѣвшіе деньги, вздумали сходить на минуту въ *заведеніе*, и возвратясь оттуда черезъ полчаса, сильно разогрѣтые, вступили въ разговоръ съ полузамерзшими пріятелями. Сначала они разсуждали дѣльно и разумно о предметахъ религіозныхъ и ученыхъ, о которыхъ всегда любитъ толковать малограмотный Русскій человѣкъ; наконецъ заспорили о томъ, смертный ли грѣхъ оскоромиться въ пятницу, или обыкновенный, и такъ какъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія о терпимости мнѣній, то непосредственно отъ спора перешли къ ссорѣ и личностямъ: «Ты чей такой?» спросилъ одинъ изъ кучеровъ дру-

Digitized by Google

таго, схвативъ его за воротъ. «А ты чей такой, что смѣешь щекотаться?» спросилъ другой. — Я, братъ, Князевъ! Вотъ я чей; а ты?.... Кто твой баринъ?.... Чай регистраторъ какой?» — Мой? У меня вовсе нѣтъ барина — вотъ я каковъ!

Жандармы прекратили ссору и приняли подъ свое покровительство обоихъ враждующихъ кучеровъ, которые въ то же время стали кротки какъ голуби, и откровенно назвали себя дураками.

Подъ вліяніемъ сладостныхъ впечатлѣній шелъ Петръ Ивановичъ изъ театра по Невскому. Хотя онъ спѣшилъ въ ближайшій трактиръ поужинать, однако не могъ воздержаться отъ удовольствія заглядывать въ лице женщинамъ, встрѣчавшимся по пути, или возвращавшимся также изъ театра. Впрочемъ не одинъ онъ доставлялъ себѣ это удовольствіе: были такіе странные мужчины, которые обращались даже съ разговоромъ къ незнакомымъ женщинамъ, и были такія, еще болѣе странныя женщины, которыя отвѣчали незнакомымъ мужчинамъ съ необыкновенною любезностію. Петръ Ивановичъ разсчиталъ, что въ этотъ вечеръ онъ будетъ только ужинать, и не будетъ разго-

Digitized by Google

варивать съ женщинами, потому что это лишняя роскошь, которую можно позволить себѣ въ наступающее первое число.

Онъ уже хотѣлъ уклониться въ трактиръ, когда маленькая сцена обратила на себя его вниманіе. Кто-то, въ собольемъ бекешѣ, вооруженный чудовищными усами, преслѣдовалъ двухъ дамъ, шедшихъ изъ театра, обычною въ такихъ случаяхъ фразою: «Мое почтеніе, сударыня! Позвольте васъ проводить.»

Дамы остановились, пристально посмотрѣли на вѣжливаго кавалера, и не сказавъ ему ни слова, торопливо пошли далѣе; но онъ слѣдовалъ за ними, повидимому, съ твердымъ намѣреніемъ заставить ихъ принять его услуги. Петръ Ивановичъ, понимая затруднительность положенія этихъ женщинъ, обратился къ бекешу съ рѣшительною просьбою оставить ихъ въ покоѣ. Бекешъ отвѣчалъ ему: «А! извините!» и повернувъ въ сторону запѣлъ, къ совершенному соблазну мимошедшаго Помощника Квартальнаго Надзирателя.

Петръ Ивановичъ подошелъ къ смущеннымъ дамамъ, и смутясь самъ, пробормоталъ что-то въ родѣ предложенія услугъ.

Digitized by Google

При свѣтѣ гасоваго фонаря, онъ могъ ясно разсмотрѣть обѣихъ дамъ: одна изъ нихъ была женщина пожилая, другая казалась ея дочерью, имѣя одинаковыя съ нею прекрасныя черты лица и ту выразительность и живость въ глазахъ, ту свѣжесть въ лицѣ, которыя свойственны одной молодости и проходятъ вмѣстѣ съ нею.

— Благодарю васъ, отвѣчала пожилая дама, успокоенная благовидною наружностію Петра Ивановича, и съ удовольствіемъ пользуюсь вашимъ предложеніемъ. Мы живемъ недалеко.....

Всѣ трое шли по Невскому въ направленіи къ Морской, продолжая разговоръ.

«Какъ видно, сказалъ Петръ Ивановичъ, обращаясь къ старшей изъ своихъ дамъ: вы, сударыня, вовсе не знаете Невскаго Проспекта, если рѣшились итти въ такую пору однѣ..... Здѣсь бываютъ странныя сцены.....»

— Но представьте себѣ наше положеніе: по выходѣ изъ театра мы полчаса стояли въ корридорѣ, ожидая своего экипажа; человѣкъ, котораго мы послали отыскать его, то же не возвращался къ намъ. По этому мы рѣшились итти домой однѣ, не думая

Digitized by Google

впрочемъ встрѣтиться съ какимъ нибудь нахаломъ.

«Если вамъ угодно, я теперь же, проводивъ васъ до квартиры, «наведу справку» о вашемъ экипажѣ, и завтра буду имѣть честь представить ее вамъ.»

— Не трудитесь, прошу васъ; но завтра все таки доставьте намъ удовольствіе видѣть васъ..... Вѣдь вы позволите намъ узнать, кому мы обязаны?....

«Я чиновникъ, Губернскій Секретарь Петръ Ивановъ сынъ Шляпкинъ.»

— Намъ очень пріятно будетъ познакомиться съ вами и благодарить васъ у себя, если вы пожалуете завтра въ квартиру негоціянта Гельдзака, въ Большой Морской....

«Гельдзака?» воскликнулъ Петръ Ивановичъ: «я бываю тамъ, нельзя сказать чтобы въ его домѣ, но въ его конторѣ.....»

— Слѣдовательно вы съ нимъ уже знакомы? Я жена его, а эта дѣвица, Марія Гельдзакъ, дочь наша.

Петръ Ивановичъ, поклонясь какъ могъ учтивѣе, отвѣчалъ: «не смѣю сказать, что я знакомъ съ такимъ важнымъ лицемъ, какъ Господинъ Гельдзакъ..... Онъ однако наетъ

Digitized by Google

меня..... по дѣламъ..... Я нѣсколько разъ «наводилъ справки» по дѣламъ.»

— Тѣмъ пріятнѣе будетъ ему благодарить васъ за новую услугу, которую вы оказали намъ.....

«О, помилуйте! Что это за важная услуга такая, это просто.....» Петръ Ивановичъ едва не сказалъ «дрянь». Это выраженіе онъ считалъ очень сильнымъ и благопристойнымъ, потому что многократно слышалъ его произносимымъ на сценѣ, для эстетическаго наслажденія слушателей, и читалъ многія длинныя критики въ защиту необыкновенной благозвучности его въ разговорѣ и литературномъ произведеніи; онъ однако, по внезапному чувству не произнесъ этого слова, и заключилъ свое возраженіе слѣдующею фразою: «всякій, и получше меня, за счастіе сочтетъ возможность оказать вамъ какую бы то ни было услугу.»

— Такъ ваше имя, Петръ Ивановичъ Шляпкинъ? снова спросила Госпожа Гельдзакъ.

«Точно такъ-съ. Я, знаете, хотѣлъ было называться Выжигинымъ, но разсудилъ, что лучше быть Шляпкинымъ. Такъ я и въ канцеляріи числюсь: Петръ Ивановъ сынъ

Digitized by Google

Шляпкинъ, изъ дворянъ Смоленской Губерніи, Рославльскаго Уѣзда..... Отецъ мой былъ въ тамошнихъ мѣстахъ помѣщикомъ и Капитанъ-Исправникомъ, да вышла оказія по причинѣ луны.....»

Петръ Ивановичъ произнесъ эти слова скороговоркою, самъ не понимая, что и для чего онъ говоритъ. Подвигнутый великодушіемъ къ защитѣ этихъ дамъ, онъ потомъ растерялся, узнавъ, что онѣ *мадамъ и демуазель* Гельдзакъ, существа высшаго коммерческаго свѣта, имена которыхъ всѣ конторщики, знакомцы его, даже самъ *перъ-прокуръ* произносили съ благоговѣніемъ! Всего болѣе смущала его мысль, что онѣ могутъ «навести о немъ справку» въ конторѣ и узнаютъ, что онъ фабрикантъ конвертовъ изъ казенной бумаги, безъ всякаго возмездія за нее въ пользу казны. Въ этомъ непріятномъ положеніи онъ почти безсознательно началъ разсказъ о своемъ высокомъ происхожденіи отъ дворянина, помѣщика и Капитанъ-Исправника, и дамы, повидимому слушали его, по крайней мѣрѣ, демуазель Марія Гельдзакъ, потому что при словахъ «по причинѣ луны», она спросила у Петра Ивановича: Что значитъ, по причинѣ луны?

Digitized by Google

«Ахъ! да,» отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: это, знаете, такая исторія случилась..... Луна вдругъ стала между землею и солнцемъ, и вышло затмѣніе, очень страшное затмѣніе—четверть часа продолжалось. Это впрочемъ ничего—астрономы все впередъ вычисляли и въ календари внесли; но мужики деревенскіе встревожились: пришла, говорятъ, кончина свѣта.... и это ничего... да нашлись такіе мужики, бѣдняки, которые въ ожиданіи кончины свѣта, захотѣли побуянить хоть въ потьмахъ, кинулись въ чужія избы, стали грабить и жечь.... Деревня загорѣлась, а тутъ и день опять наступилъ, и наѣхалъ мой батюшка, Капитанъ-Исправникъ.... Онъ и принялся чинить расправу; очень строгую и справедливую расправу сдѣлалъ, только ошибся не мною; сгоряча произвелъ судъ и экзекуцію не надъ грабителями, а надъ ограбленными.... Батюшку отдали подъ судъ; деревушку свою онъ растратилъ, но послѣ его оправдали... Въ ту пору и я на свѣтъ родился.... Ну-съ, дѣло извѣстное, когда человѣкъ не имѣетъ своихъ душъ, онъ долженъ заниматься чѣмъ нибудь для собственной пользы.... Вотъ, по этой самой причинѣ я и занялся службою и торговлею....

*

Digitized by Google

— Вы занимаетесь и торговлею? спросила Госпожа Гельдзакъ.

Да-съ, маленькою! И что это за торговля, сравнительно съ другою, напримѣръ, съ торговлею Господина Гельдзака!.... Меня, просто, дрожь беретъ, когда я взгляну въ его конторѣ на счеты!...»

Обѣ дамы самодовольно улыбнулись. Между тѣмъ всѣ трое приблизились къ дому, занимаемому Гельдзакомъ, и Петръ Ивановичъ радуясь, что избавился отъ тяжкой необходимости занимать своихъ дамъ разговоромъ, въ которомъ чувствовалъ себя неловкимъ, не находчивымъ, спѣшилъ позвонить у подъѣзда, и проститься съ ними до завтра.

На другой день, въ три часа пополудни, Петръ Ивановичъ отправился въ квартиру торговаго дома Братьевъ Гельдзакъ и Компаніи, уже не въ качествѣ поставщика конвертовъ и справокъ, а въ качествѣ защитника невинности. Г-жа Гельдзакъ приняла его съ такою предупредительностію и любезностію, какъ будто онъ спасъ ее отъ разбойниковъ въ Киргизской Степи; дѣвица Гельдзакъ то же была къ нему внимательна, только онъ незамѣтилъ насмѣшливыхъ взглядовъ ея, брошенныхъ на его форменную, неуко-

Digitized by Google

ризненной чистоты и допотопной древности одежду; самъ Г-нъ Карлъ Гельдзакъ, по отправленіи почты, явившійся въ кабинетъ своей жены, крѣпко сжалъ ему руку и благодарилъ его на дикомъ Нѣмецко-Русскомъ нарѣчіи за охраненіе жены и дочери его отъ *плютовъ*. Въ то же время Господинъ и Госпожа Гельдзакъ просили Петра Ивановича посѣщать ихъ всегда, когда ему угодно, безъ новыхъ приглашеній, а теперь остаться у нихъ обѣдать; онъ и остался бы, но сообразивъ свою скромную установленную форму съ роскошнымъ убранствомъ столовой комнаты, гдѣ ставили серебряный сервизъ особъ для двадцати, долженъ былъ сказать съ сожалѣніемъ, что получилъ приказаніе начальника явиться къ нему въ четыре часа пополудни, и что въ другое, болѣе удобное время, онъ воспользуется лестнымъ ихъ приглашеніемъ.

Уходя Петръ Ивановичъ думалъ о потерянномъ здѣсь и о предстоящемъ на квартирѣ его обѣдахъ, и не думалъ о томъ, какъ ему сдѣлать прощальный поклонъ Господину и Госпожѣ Гельдзакъ и ихъ дочери. По этой причинѣ онъ поклонился имъ просто, т. е. хорошо, какъ слѣдуетъ..... и вы-

Digitized by Google

шелъ также просто, оставивъ во всемъ семействѣ пріятное мнѣніе, что онъ человѣкъ благовоспитанный, благородный, только, по-видимому, *несостоятельный*.

Въ этотъ день, послѣ скромнаго домашняго обѣда, Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ: онъ имѣлъ достаточный доходъ, обезпечивавшій его существованіе, не послѣдній чинъ, ставившій его, по табели о рангахъ, выше многихъ людей, подобно ему называющихся чиновниками, установленную форму, или форменную пару; онъ, наконецъ, случайно свелъ такое знакомство, которымъ, быть можетъ, гордились бы многіе люди чиновнѣе и значительнѣе его. И какія блистательныя надежды внушаетъ ему это знакомство! Нѣтъ болѣе надобности въ производствѣ конвертовъ: оно даже уронило бы его во мнѣніи торговаго дома и семейства Гельдзаковъ, если бы Карлъ Гельдзакъ, его жена и дочь узнали, что онъ бѣднякъ, занимающійся столь мелкою промышленостію. Люди всегда судятъ о другихъ не по качествамъ, а по средствамъ ихъ къ своему существованію; если средства обширны, хотя бы и не совсѣмъ благородны, они

Digitized by Google

съ уваженіемъ смотрять на человѣка, умѣющаго употреблять ихъ въ свою пользу; если же онѣ и чисты, не укоризненны, но малы и мелки, человѣкъ, существующій ими, трактуется пустымъ человѣкомъ, и его поражаетъ незаслуженное презрѣніе.. И такъ нѣтъ надобности въ дальнѣйшей поставкѣ конвертовъ. Будучи человѣкомъ, принятымъ въ семействѣ Гельдзака, можно оставаться для конторы его — чиновникомъ, «наводящимъ разныя справки.» Послѣднее значеніе хотя не такъ выгодно, какъ значеніе поставщика конвертовъ, потому что ради уваженія Гельдзака, его перъ-прокуры и конторщиковъ, должно отказаться отъ обычной за услуги этаго рода *благодарности,* однако гораздо почетнѣе, и представляетъ въ будущности обильное вознагражденіе за это пожертвованіе насущными денежными выгодами: Гельдзакъ, одинъ изъ первыхъ негоціянтовъ Петербургскихъ, легко можетъ помочь своимъ вліяніемъ ему, человѣку бѣдному, но безкорыстному, котораго фамиліарно называетъ онъ Петромъ Ивановичемъ и любезнымъ другомъ...

Важнымъ для Петра Ивановича послѣдствіемъ этихъ размышленій, надеждъ и пред-

Digitized by Google

положеній была рѣшимость его прекратить выдѣлку конвертовъ и поставку ихъ въ купеческія конторы, въ томъ числѣ въ контору Гельдзака. Съ этою выдѣлкою и поставкою прекратились и частные доходы его, съ доходами прекратилось посѣщеніе Александринскаго Театра, и только тогда какъ въ первый разъ недостало у него двадцати пяти копѣекъ на мѣсто въ райкѣ, и недостало собственно по причинѣ прекращенія имъ общеполезной индустріи, ему сгрустнулось о прежнемъ образѣ жизни и потерѣ прежнихъ способовъ къ ней....

Но не по матеріяльнымъ средствамъ онъ считалъ себя счастливымъ. Онъ былъ убѣжденъ, что имѣлъ въ своемъ характерѣ всѣ элементы счастія, и зная, что нельзя оплакать всѣхъ огорченій, которыми отравляется жизнь человѣческая, старался переносить спокойно многія нужды и лишенія, возникшія отъ его внезапной но твердой рѣшимости. Онъ думалъ уничтожить въ себѣ сознаніе горькаго своего положенія зрѣлищемъ довольства и красоты, и каждый разъ, когда считалъ нужнымъ сообщить Гельдзаку что нибудь полезное по его дѣ-

Digitized by Google

ламъ, являлся къ женѣ и дочери его засвидѣтельствовать имъ почтеніе, узнать о здоровьи ихъ и разсказать новости не свѣтскія, которыя никогда не доходили до него, а городскія или полицейскія, бо́льшею частію о пожарахъ, о самоубійствахъ отъ любви, о захваченной контрабандѣ, о разбитіи экипажей горячими лошадьми и т. п.

Однажды войдя въ контору съ свѣжею, только что «наведенною» справкою, Петръ Ивановичъ засталъ въ ней одного Щеточкина: не было ни *перъ-прокуры*, ни кого либо изъ конторщиковъ и писцовъ.

— Что это вы одни сегодня, Ѳедоръ Ивановичъ? спросилъ онъ.

«Штейнъ уѣхалъ съ хозяиномъ на Биржу, а другіе пошли туда же, отвѣчалъ Щеточкинъ, только на меня навалили работу.... заставили *писать*, какъ будто я виноватъ, что имѣю красивый почеркъ! Моя обязанность считать а не писать; но, изволите видѣть: Господинъ Штейнъ и Марья Карловна разсудили, что я одинъ могу написать красиво эти глупыя бумаги. Когда нибудь я отплачу Штейну за честь, которую онъ оказываетъ мнѣ, считая меня хорошимъ писцомъ. Что онъ перъ-прокура, такъ и

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ штука важная!... Пустяки — Нѣмецъ! Вмѣстѣ учились, вмѣстѣ изъ школы вышли, и сюда поступили. Что же? Я — бухгалтеръ, а онъ — перъ-прокура! Почему? потому что онъ Нѣмецъ, потому что его сторону держатъ мадамъ и демуазель.... Ну, хорошо же! Когда нибудь я воздамъ прокурѣ!»

Петръ Ивановичъ, любопытствуя, что за переписка такая поручена исключительно Штейну, который писалъ, точнѣе, переписывалъ, по канцелярскому уподобленію, какъ жемчугъ низалъ, подошелъ къ конторкѣ его и увидѣлъ передъ нимъ двѣ кипы билетовъ, писанныхъ на тонкой почтовой бумагѣ, одна по-Нѣмецки, другая по-Русски; послѣдняя, какъ замѣтилъ онъ по почерку, была писана ожесточившимся бухгалтеромъ.

— Почему бы не напечатать эти билеты, если они одного содержанія? замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

«Ну, подите же съ перъ-прокурою! воскликнулъ Щеточкинъ. — Не только я, но и *самъ* былъ того мнѣнія, чтобы отослать два циркуляра на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкѣ въ литографію; но Штейнъ

Digitized by Google

у насъ умнѣе всѣхъ! Весь домъ, всѣ головы забралъ въ свои руки! Онъ говоритъ, что нынче неучтиво разсылать печатные билеты, надобно приготовить рукописные, — и что мнѣ за дѣло — рукописные или печатные. Только то досадно и обидно, что онъ *присудилъ* написать сорокъ билетовъ на Русскомъ языкѣ — мнѣ, своему товарищу, первому въ конторѣ счетчику, бухгалтеру, даже, если считать по должности, то не младшему самаго перъ-прокуры! Вѣдь у него своя часть, у меня своя — сами посудите. Боже мой! Уже четыре часа! Ѣсть хочется до смерти, а я не написалъ еще и двадцати билетовъ! Ну, помни же это, проклятый Штейнъ!»

— Я съ удовольствіемъ раздѣлилъ бы трудъ вашъ; вы знаете, что я переписываю.... конечно, не такъ красиво какъ вы, но довольно изрядно. Угодно ли вамъ? спросилъ Петръ Ивановичъ, исполненный жалости и участія къ голодному бухгалтеру, осужденному перъ-прокурою къ работѣ, неотносящейся къ его обязанности.

«О, сдѣлайте мнѣ это одолженіе! отвѣчалъ обрадованный Щеточкинъ: вы имѣете прекрасный почеркъ. Садитесь, вотъ

Digitized by Google

здѣсь, насупротивъ меня. Вотъ вамъ циркуляръ билета и реестръ приглашаемыхъ. Пишите какъ есть въ циркулярѣ, только перемѣняйте имена по реестру....»

Записка, которую бухгалтеръ называлъ циркуляромъ, была слѣдующаго содержанія:

«Торговый домъ Братьевъ Гельдзакъ и Комп., свидѣтельствуя глубочайшее почтеніе Господамъ Капустину и Комп., имѣетъ честь извѣстить оныхъ господъ, что завтра мы празднуемъ съ своими друзьями день рожденія любезнѣйшей супруги нашей, Анны Карловны и тезоименитство любезнѣйшей дочери нашей, Марьи Карловны; въ слѣдствіе чего всепокорнѣйше просимъ почтеннѣйшій торговый домъ высокостепенныхъ Господъ Капустина и Комп. пожаловать къ намъ завтра отобѣдать. (Подписано) Per-procura Францъ Вильгельмъ Штейнъ.»

Написавъ нѣсколько билетовъ по этому циркуляру, Петръ Ивановичъ обратился къ бухгалтеру съ вопросомъ: растолкуйте, пожалуйста, что это за званіе такое — перъ-прокура? Я доселѣ не могъ узнать вполнѣ степень власти или значенія его въ дѣлахъ Гельдзака?

«О! Перъ-прокура великое, очень ве-

Digitized by Google

ликое дѣло, отвѣчалъ Щеточкинъ. И потому то мнѣ досадно, что поручили эту важную должность Штейну, не потому, чтобы я точно былъ хуже его, а потому что онъ Нѣмецъ и нравится обѣимъ Нѣмкамъ: *той* и *другой*....»

— Какъ, онъ нравится.... *ей*, даже *ей?* Онъ, прикащикъ? воскликнулъ Петръ Ивановичъ съ особеннымъ чувствомъ. Сердце его забилось и кровь взволновалась такъ сильно, что онъ не могъ писать: рука, дрожа не выводила ни одной буквы.

«Прикащикъ? *Перъ-прокура* — прикащикъ? Такъ позвольте же вамъ замѣтить, что вы вовсе не смыслите ни въ коммерціи, ни въ людяхъ коммерческихъ. Вы думаете, что для купца его прикащикъ также ничто, какъ для директора, напримѣръ, чиновникъ для письма въ его канцеляріи? Нелѣпость! И опять — какое разстояніе между обыкновеннымъ прикащикомъ, которому равняюсь я, счетоводецъ, и *перъ-прокурою!* Напримѣръ, этотъ самый Штейнъ, онъ самъ по себѣ человѣкъ пустой и притомъ Нѣмецъ; кредита онъ ни на грошъ ни у кого не имѣетъ, развѣ у своего портнаго или сапожника; но этотъ кредитъ есть у меня. Пойди онъ по всему

Digitized by Google

Петербургу, ко всѣмъ купцамъ большимъ, малымъ, ничтожнымъ и Апраксинскимъ просить *для себя* взаймы сто рублей — отвѣчаю эту сумму, ее ни кто не дастъ ему! А между тѣмъ стоитъ ему написать на лоскуткѣ бумаги: «*Просимъ заплатить «Г. Чиновнику Шляпкину, или кому онъ прикажетъ, сто тысячъ рублей серебромъ,»* и подписать эту записку: *Перъ-прокура Штейнъ,»* и вы сегодня же получите отъ Штиглица сто тысячъ рублей серебромъ! Вотъ, сударь, что значитъ *перъ-прокура!* Какъ только Штейнъ перебилъ у меня это званіе, я потерялъ на коммерческомъ поприщѣ всѣ виды, и только жду срока, чтобы получить аттестатъ и поступить въ казенную службу. Слава Богу! Чинъ Коллежскаго Регистратора и благородное званіе — стоитъ перъ-прокурства у Гельдзака!»

Петръ Ивановичъ слушалъ Щеточкина съ напряженнымъ вниманіемъ. Тотъ говорилъ съ живостію, раздражаясь голодомъ и непріязнію къ Штейну; но кончивъ послѣдніе билеты и переведя духъ, онъ смягчился и сказалъ: «Впрочемъ, говоритъ пословица, все перемелется — мука будетъ, и другая говоритъ: «все къ лучшему.» Такъ

Digitized by Google

можетъ быть я напрасно погорячился противъ Штейна: онъ мнѣ товарищъ, и не долженъ бы морить меня голодомъ и работою, для которой есть писаря; но теперь — вы тоже дописываете послѣдній билетъ? — Теперь меня ни что не задерживаетъ. Я могу итти обѣдать. Такъ, видите ли, Петръ Ивановичъ, что съ другой стороны для меня можетъ быть «все къ лучшему», и я, *считаясь* въ казенной службѣ для чиновъ, буду самъ перъ-прокурою, если Штейнъ женится и вступитъ въ товарищество съ домомъ не по состоянію, котораго не имѣетъ, а по родству.»

— На комъ же онъ женится?

«То, что я говорю, еще не рѣшено; но судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ, что Штейнъ женится на Марьѣ Карловнѣ. Посмотрите только какую *пару* сдѣлалъ ему Оливье къ послѣ-завтрашнему балу! Чудо! Это что-то выше фрака.... одежда, которую носилъ бы самъ Аполлонъ, если бъ Оливье шилъ на боговъ!»

Петръ Ивановичъ былъ подъ вліяніемъ новаго мучительнаго чувства, котораго самъ не могъ истолковать себѣ; ему страшно и горько было думать, что *она* можетъ быть

Digitized by Google

женою перъ-прокуры, или кого нибудь *другаго*. Доселѣ онъ вовсе не думалъ объ этомъ, только любилъ смотрѣть на нее, слушать ее: смотрѣлъ, слушалъ, и былъ счастливъ...!

Въ ту минуту, когда бухгалтеръ, благодаря Петра Ивановича за пособіе въ работѣ, положилъ написанные обоими билеты на столъ перъ-прокуры для подписи, и готовъ былъ уйти изъ конторы, въ нее вбѣжала съ веселымъ, беззаботнымъ видомъ демуазель Марія.

— Г. Штейнъ! Гдѣ же Штейнъ, Г. Щеточкинъ? спросила она бухгалтера, не видя въ конторѣ перъ-прокуры.

«Штейнъ, Марья Карловна, свидѣтельствуетъ вамъ глубочайшее почтеніе! Онъ уѣхалъ по дѣламъ на Биржу! Не позволите ли на этотъ разъ мнѣ услужить вамъ...? Только — прибавилъ онъ боязливо: не писать пригласительныхъ билетовъ!»

Въ это время Петръ Ивановичъ, блѣдный, показался изъ темнаго угла комнаты, и молчаливо поклонился Марьѣ Карловнѣ.

— Здравствуйте, Петръ Ивановичъ! вы такъ блѣдны? Что незайдете къ намъ? Мы однѣ: папа скоро будетъ. Пожалуйте.

Digitized by Google

И не ожидая отвѣта Петра Ивановича, Марья Карловна снова обратилась къ Щеточкину:

— Вы слышали, Г. Щеточкинъ, важную новость?

«А! новость! Позвольте узнать эту важную новость?»

— Папа прибавилъ мнѣ жалованья! Теперь я получаю тридцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Я хотѣла сію минуту потребовать у Штейна свое жалованье по новому окладу. Вы не позавидуете, если я скоро буду получать также какъ и вы, сто рублей серебромъ? А между тѣмъ я не пишу какъ вы — я только танцую!... Кстати, Петръ Ивановичъ, вы хорошо танцуете? Вы танцуете мазурку? Знаете: послѣ завтра у насъ балъ — весело будетъ! Пойдемте, Петръ Ивановичъ! Вы что-то суровы сегодня. Прошу васъ быть любезнымъ.... по крайней мѣрѣ, какъ были въ тотъ вечеръ, когда избавили насъ отъ чего-то....

Эти слова были произнесены гармоническимъ голосомъ легкомысленнаго рѣзваго ребенка, хотя и говорятъ опытные люди, что дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ

Digitized by Google

вовсе не ребенокъ. Слова сопровождались громкимъ простодушнымъ смѣхомъ, отъ котораго разлился по лицу Марьи Карловны тонкій румянецъ.

— Пожалуйте, Петръ Ивановичъ! Мамахенъ будетъ рада видѣть васъ. Нынче у насъ никого нѣтъ, за то послѣ завтра.... О! послѣ завтра будетъ весело! Прощайте, Г. Щеточкинъ!

Петръ Ивановичъ машинально пошелъ за нею. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Доселѣ возможность видѣть *ее*, говорить съ *нею* считалъ онъ своимъ счастіемъ; теперь ея присутствіе возбуждало въ немъ мучительное ощущеніе. Мысленно проклиналъ онъ свое любопытство, доведшее Щеточкина до неожиданнаго объясненія, уничтожившаго его счастіе.

Госпожа Гельдзакъ была занята въ своемъ кабинетѣ съ какою-то гостьею. Петръ Ивановичъ, избѣгавшій представленій, рекомендацій и слѣдующихъ за ними учтивостей, остался въ гостиной съ Марьею Карловной, но и съ нею, гнѣтомый дотолѣ неизвѣстною ему тоскою, онъ не могъ завесть сноснаго разговора. И потому извиняясь стереотипною обязанностію явить-

Digitized by Google

ся теперь же къ начальнику, торопился уйти....

— Такъ вы и сегодня не хотите остаться обѣдать съ нами? спросила съ живостію Марья Карловна.

«О, Боже мой! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ съ тяжкимъ вздохомъ: я всегда, повѣрьте, всегда радъ остаться съ вами, но посмотрите только....

Петръ Ивановичъ въ порывѣ искренности едва не убилъ себя окончаніемъ этой фразы; онъ хотѣлъ сказать: «посмотрите только какой на мнѣ вицъ-мундиръ! Могу ли я сѣсть съ вами за столъ и провести у васъ вечеръ, будучи одѣтъ не въ партикулярную пару, какъ слѣдуетъ, а въ эту ветхую форму, которая хотя и содержится въ совершенномъ порядкѣ, хотя и чистится ежедневно, съ крайнею осторожностію и совершеннымъ уваженіемъ къ ея пуговицамъ и древности, однако все таки грозитъ скорымъ, неизбѣжно скорымъ разрушеніемъ! А другой, даже такой какъ эта, формы нѣтъ у меня, и купить ее не на что. Для того, чтобъ имѣть одно счастіе быть принятымъ въ вашемъ домѣ и видѣть васъ, я бросилъ индустрію, доставлявшую мнѣ

Digitized by Google

способы имѣть не только новую установленную форму, но и самую недостижимую ни для какого чиновника одной со мною канцелярской степени — партикулярную пару! Теперь, безъ этой роковой пары, я все таки долженъ отказаться отъ счастія, которому пожертвовалъ ею. Теперь я понимаю, какъ горько ошибся, считая себя счастливымъ... Счастіе есть ни что иное какъ *партикулярная пара*, и партикулярная пара — есть *счастіе!* Я былъ въ заблужденіи, и почему не продлилось оно на всю жизнь мою...!»

Но онъ не сказалъ этихъ словъ, онѣ замерли на устахъ и въ сердцѣ его. Въ пору спохватившись, онъ продолжалъ: «Посмотрите только, какія у меня непріятныя служебныя обязанности!... Службою, знаете, какъ бы она тяжела ни была, нельзя пренебрегать!... Вотъ, по этой одной причинѣ я долженъ снова отказаться отъ удовольствія обѣдать съ вами!»

Марья Карловна пристально смотрѣла на блѣдное лице и въ голубые, сверкающіе отчаяніемъ глаза Петра Ивановича, и послѣ минутнаго молчанія сказала ему:

— Вы очень странный человѣкъ, Петръ

Digitized by Google

Ивановичъ! вы чудакъ! Вы всегда говорите одну и ту же причину, по которой не можете быть у насъ.... но, причина должна быть другая.... Вы, вѣроятно, влюблены....: и торопитесь къ *ней*. Что, не правда ли? Я угадала — иначе вы не покраснѣ ли бы. Признайтесь же, я угадала?

Петръ Ивановичъ точно покраснѣлъ, только отъ радости, что Марья Карловна незнала тайны его.

«Я влюбленъ!... Въ кого же?... Нѣтъ, Марья Карловна! А впрочемъ если смѣю сказать.... я точно влюбленъ, и жалѣю, горько жалѣю, что разныя обстоятельства.... служебныя.... не позволяютъ мнѣ пользоваться приглашеніемъ вашего папеньки и вашимъ....»

— Вотъ! Угадала же я!... Но все таки странно, что вы избѣгаете общества людей, съ которыми можете встрѣтиться и познакомиться у насъ, людей значущихъ и любезныхъ.... Что вы держите себя такимъ дикобразомъ.... А между тѣмъ вы могли бы весело проводить время у насъ, танцовать.... Вѣдь вы хорошо танцуете.

«Въ пансіонѣ меня считали лучшимъ танцоромъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ,

Digitized by Google

успокоенный на счетъ проницательности Марьи Карловны.

— Хорошо же, теперь вы не увернетесь отъ насъ; послѣ завтра, по случаю дня рожденія маменьки и моихъ имянинъ, у насъ будетъ небольшое собраніе.... Вы будете танцовать со мною мазурку — не правда ли? Неужели въ *мои* имянины, когда *я* приглашаю васъ танцовать, вы опять должны быть и будете у своего начальника, отнимающаго у васъ всѣ развлеченія, убивающаго васъ, повидимому, вѣчною работою? Что же, вы опять не соглашаетесь?

«О, нѣтъ! Извините!... Я надѣюсь имѣть честь танцовать съ вами мазурку.... Но, Боже мой! Что заслужба моя! Я долженъ торопиться, бѣжать отсюда, отъ васъ.... Мое почтеніе, Марья Карловна!»

Схвативъ шляпу, Петръ Ивановичъ кинулся къ дверямъ, но тутъ былъ остановленъ громкимъ смѣхомъ Марьи Карловны.... Онъ вспомнилъ, что засвидѣтельствовалъ ей свое почтеніе такимъ тономъ, какимъ испуганный и провинившійся школьникъ оправдывается предъ учителемъ. Думая поправить неловкость, онъ воротился, взялъ Марью Карловну за руку, слегка пожалъ

Digitized by Google

ее, и не говоря ни слова вышелъ изъ гостиной сопровождаемый новымъ смѣхомъ.

Машинально шелъ Петръ Ивановичъ въ свою квартиру въ Большой Мѣщанской Улицѣ. Въ первый разъ онъ видѣлъ разрушеніе своихъ лучшихъ надеждъ и плановъ. Желая имѣть значеніе порядочнаго человѣка, необходимое для того, чтобъ быть принятымъ въ домѣ Гельдзака, онъ оставилъ мелкое, но выгодное занятіе, доставлявшее ему средства къ скромному существованію. Но, «порядочный человѣкъ» кромѣ того, что онъ не долженъ заниматься мелкою промышленостію, можетъ явиться въ общество другихъ порядочныхъ людей не иначе, какъ съ соблюденіемъ строгихъ приличій въ своей наружности, одѣтый въ *партикулярную пару* — а этой-то пары и не было у него. Доселѣ онъ хаживалъ къ Гельдзакамъ только «по пути изъ должности, на минутку,» засвидѣтельствовать почтеніе матери и дочери, и по этой причинѣ имъ не странно было видѣть его въ рабочемъ костюмѣ; но какъ бы приняли онѣ его, если бъ онъ явился въ той же формѣ, по приглашенію, на обѣдъ или на вечеръ, и можетъ ли въ комъ нибудь до

Digitized by Google

такой степени простираться дерзость и сумасшествіе? Несчастный Петръ Ивановичъ! А между тѣмъ какъ счастливъ былъ онъ прежде, когда ограничивалъ собственные виды и выгоды своимъ полуплебейскимъ кругомъ, когда жилъ по пословицѣ: «всякій сверчокъ, знай свой шестокъ.» Теперь нельзя уже было возвратить прошлаго самодовольствія, нельзя было и продолжать посѣщеній въ домъ Гельдзака. Не явясь на имянины Марьи Карловны, онъ обнаружитъ свое истинное значеніе среди Петербургскихъ людей; надъ нимъ посмѣются, и она посмѣется! И опять какая ничтожная причина разрушаетъ его золотыя надежды, недопускаетъ его вступить въ соперничество съ перъ-прокурою! Развѣ вліяніе и доброжелательство Гельдзака не могло доставить ему высшаго значенія по службѣ? а чиновникъ значущій по службѣ, по «хорошему мѣсту,» не можетъ жениться на дочери купца, значущаго по капиталу, по Биржевымъ оборотамъ? Все это могло быть, если бы онъ имѣлъ партикулярную пару, протанцовалъ въ ней мазурку съ Марьею Карловною, сдѣлался бы постояннымъ гостемъ на обѣдахъ и вечерахъ Гельдзака, ознакомился съ людьми, стоящи-

Digitized by Google

ми въ первыхъ рядахъ общества по званію, или по состоянію, или по уму, хотя впрочемъ, въ Петербургѣ, умъ самъ собою рѣдко ставитъ въ эти ряды людей необладающихъ юридическою силою *званія*, или матеріяльною силою *состоянія*. И ничего этого не можетъ быть, потому что онъ не имѣетъ какой нибудь ничтожной партикулярной пары!

Но можно ли, по справедливости, назвать ничтожнымъ черный фракъ со всѣми къ нему принадлежностями, фракъ, который облекая глупца и негодяя, дѣлаетъ его на видъ «порядочнымъ человѣкомъ,» открываетъ ему входъ и доставляетъ пріемъ всюды, куда не впустятъ, гдѣ не примутъ съ уваженіемъ человѣка умнаго и благороднаго, если онъ одѣтъ въ кафтанъ, или старый вицъ-мундиръ, а не такъ какъ постановилъ всевластный обычай толпы? Изъ тысячи человѣкъ, принятыхъ всюды, нарекающихъ общественное мнѣніе, судящихъ обо всемъ, незнающихъ ничего, держащихся въ своемъ кругу съ помощію точныхъ визитовъ, девятьсотъ девяносто принимаются именно потому, что они всегда одѣты «какъ слѣдуетъ,» въ черный фракъ,

Digitized by Google

или иной мундиръ порядочныхъ людей. Но стоитъ только снять съ нихъ эту оболочку, нарядить ихъ въ платье паяца, гаера, или ѣздоваго лакея, и въ нихъ не найдется ни одной нравственной черты, которая показала бы что они не паяцы, не гаеры, что подъ лохмотьемъ ихъ скрываются люди, которыхъ надобно облечь въ «партикулярную пару» и ввести въ благодатный кругъ обитателей вторыхъ этажей.

Грезы, то непріятныя, то страшныя возмущали сонъ его. Онъ спалъ какъ человѣкъ, угнѣтенный невыносимымъ горемъ, доведенный до отчаянія, страждущій во снѣ еще съ большимъ сознаніемъ нежели на яву, когда подъ бременемъ страданія онъ жесточаетъ духомъ и только смутно понимаетъ свое положеніе.

Собираясь на другой день въ должность, онъ получилъ съ городской почты пригласительный билетъ торговаго дома братьевъ Гельдзакъ и Комп., подписанный перъ-прокурою. Съ горькою улыбкою прочиталъ онъ этотъ билетъ, и положивъ его въ карманъ своего почтеннаго вицъ-мундира, отправился въ канцелярію.

Тамъ не могли узнать его: онъ былъ

Digitized by Google

блѣденъ, растрепанъ, даже въ невычищенномъ вицъ-мундирѣ, что служило товарищамъ его очевиднѣйшимъ доказательствомъ несчастія, а между тѣмъ не было до того времени ни одного случая, по поводу котораго онъ назвалъ бы себя, подобно другимъ, несчастнымъ, и вдругъ, ясно, что этотъ благоразумный, мудрый Петръ Ивановичъ несчастенъ какъ и другіе. Онъ не говорилъ объ этомъ, но мутные глаза и страдальческій видъ его выражали глубочайшее, нестерпимѣйшее ощущеніе несчастія.

«Что это съ вами, Петръ Ивановичъ? Не дай Богъ!... Съ кѣмъ не случается несчастія!... Но если разсудить, то несчастіе такой же вздоръ какъ и счастіе! сказалъ ему пріятель и ближайшій начальникъ,» взглянувъ на прочихъ пишущихъ людей, какъ бы ожидая отъ нихъ признанія высокой утѣшительности своего довода....

— Денегъ нѣтъ, Андрей Тихановичъ! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ — сдѣлайте милость, дайте мнѣ денегъ, иначе я пропаду!

«Сколько вамъ нужно денегъ?»

— По крайней мѣрѣ, тридцать рублей серебромъ!

Digitized by Google

«О! Что это вы, Петръ Ивановичъ, сами разсудите! Вѣдь на тридцать рублей серебромъ, легко сказать, можно сдѣлать партикулярную пару!»

— Мнѣ и нужна партикулярная пара!

«Вамъ? Да къ чему она вамъ? Вы человѣкъ... какъ бы это сказать опредѣлительнѣе.... Богъ знаетъ, какой.... живете скромно, одиноко, знакомства такого не имѣете.... Послѣ этого, въ самомъ дѣлѣ, на кой чортъ вамъ партикулярная пара?»

— Вотъ несчастіе!

«Неужели съ вами точно случилось несчастіе! Это просто странность!... Что же за причина такая вашему несчастію?»

— Денегъ нѣтъ! Ради Бога, дайте мнѣ денегъ, на какихъ вамъ угодно условіяхъ, только дайте! Вижу, какое горе тому, у кого нѣтъ денегъ!

Андрей Тихановичъ, помолчавъ съ полминуты, разсудилъ, что нельзя просто отвязаться отъ Петра Ивановича, и потому сдѣлавъ декламаторскій жестъ, сказалъ во всеуслышаніе: «*Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ, а съ благодарностію — были!*».

Эти слова произвели чудесный эфектъ во всей канцеляріи. Товарищи Андрея Тиха-

Digitized by Google

новича сказали, ему: ну, братъ, ты, просто сказать, утѣшитель! Ты хоть мертваго развеселишь! Помощники ихъ, неотваживавшіеся сказать этого, подумали: Вотъ, видно, что учился въ Университетѣ, и хорошее воспитаніе получилъ! Очень умный человѣкъ, хотя и безчувственный, какъ скотина!

Но Петра Ивановича нисколько не утѣшало остроуміе его начальника. Это былъ единственный денежный человѣкъ, на помощь котораго онъ имѣлъ нее-какую надежду, и когда эта надежда была разрушена равнодушіемъ, вообще свойственнымъ людямъ небывавшимъ подъ деспотическимъ гнетомъ нужды, онъ предался глубокому, даже малодушному отчаянію.

«Гдѣ бы достать партикулярную пару?» думалъ онъ во весь вечеръ этого дня. «Ее можно купить въ *одномъ мѣстѣ* даже за двадцать рублей серебромъ; но гдѣ, у кого достать двадцать рублей серебромъ? Нынче всѣ люди лицемѣры: пока не просишь у нихъ денегъ въ заемъ, они хороши съ тобою, ласкаютъ тебя, предлагаютъ тебѣ свою дружбу..... а вдругъ случись несчастіе, когда понадобится партикулярная пара, ни кто гроша не дастъ!»

Digitized by Google

Десять часовъ вечера. Небольшой домъ въ Морской былъ ярко освѣщенъ. Въ цѣльныхъ стеклахъ оконъ его мелькали черныя партикулярныя пары и бѣлыя платья, головы умныя и пустыя, и головки, вообще вѣтряныя. По улицѣ предъ окномъ стояло множество каретъ и колясокъ; но останавливались у подъѣзда и скромные извощики: тѣ, высадивъ своего сѣдока, торопливо уѣзжали «къ чорту отъ жандармовъ». Толпа народа Русскаго, Чухонскаго и Нѣмецкаго, мастеровыхъ, кухарокъ и чиновниковъ стояла насупротивъ этого дома, наблюдала дѣйствіе въ немъ происходившее, и бросала на вѣтеръ и въ назиданіе проходящимъ окаменѣлыя истины; очень хорошо быть богатымъ человѣкомъ: богатому все возможно, даже то, что и присниться не можетъ бѣдному человѣку! и проч.

Богатый человѣкъ можетъ имѣть каждый день новую партикулярную пару и новое счастіе. Онъ можетъ мѣнять свое счастіе по послѣдней модной картинкѣ! сказалъ Петръ Ивановичъ такимъ голосомъ, въ которомъ выражались странная торжественность и глубокое убѣжденіе. Отвѣтомъ на это изрѣченіе былъ громкій смѣхъ толпы.

Digitized by Google

Вдругъ раздались глухіе звуки бальной музыки. Петръ Ивановичъ кинулся на другую сторону улицы къ самому дому..... Играли мазурку..... Онъ поглядѣлъ въ верхъ, въ окно втораго этажа, и ему показалось; будто *она* ждетъ его тутъ же у окна, будто она сердится на него, что онъ опять не сдержалъ обѣщанія; она сама пригласила его танцовать съ нею мазурку, и вотъ мазурка началась, а онъ все еще не явился. Послѣ этого стоитъ ли любить, хотя уважать, даже хотя не пренебрегать такого неучтивца, каковъ онъ, Петръ Ивановичъ?

Замелькали мужскіе и женскіе силуэты. *Она* то же танцуетъ. Можетъ быть, она и не сердится на него! Можетъ быть и не вспомнила о немъ! Но съ кѣмъ же инымъ она можетъ танцовать, если не съ нимъ? А *перъ-прокура?* А бухгалтеръ Щеточкинъ? А множество другихъ людей, которые слывутъ почтенными, хорошими и порядочными людьми, приглашены на балъ и танцуютъ, только потому, что они счастливцы, имѣющіе партикулярную пару?

Очень легко и весело стало на душѣ Петра Ивановича. Насвистывая мазурку, танцовальнымъ шагомъ шелъ онъ къ Синему

Digitized by Google

Мосту. Тутъ онъ остановился у перилъ и оглянулся: длинныя тѣни ложились отъ высокихъ домовъ. Въ тѣхъ домахъ, думалъ онъ, живутъ Петербургскіе люди, несчастливцы, подобные ему; тамъ обитаетъ, какъ и въ его бѣдной каморкѣ, вѣчное горе, неутолимое мимолетною радостію, которую судьба даруетъ страдальцу для того, чтобы живѣе, мучительнѣе чувствовалъ онъ отсутствіе *счастія*; гдѣ же оно?

Петръ Ивановичъ взглянулъ на небо, и оно сіяло вѣчною, мирною красотою, милліонами звѣздъ, которыхъ мерцаніе служитъ какъ бы маякомъ для измученныхъ душъ, отбывающихъ на тотъ свѣтъ. Онъ опустилъ взоръ къ Мойкѣ, и она, въ другую пору грязная, мутная, какъ жизнь обитателей Петербургскихъ вершинъ, теперь отражала въ себѣ тѣ же звѣзды, то же небо..... то же счастіе!

На небѣ все прекрасно....
На небѣ горя нѣтъ!

Подумалъ Петръ Ивановичъ, и твердо рѣшившись окончить злополучную жизнь свою въ мутныхъ струяхъ Мойки, опрометью побѣжалъ къ плоту.

Digitized by Google

Въ то же мгновеніе Нѣмецкій шарманщикъ, возвращавшійся съ семьею изъ долгаго музыкальнаго странствованія по Петербургскимъ улицамъ на свой убогій чердакъ, въ Глухомъ Переулкѣ, заигралъ, для собственнаго удовольствія, любимую обывателями Петербургскихъ Вершинъ пѣсню Торопки: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ!» Его жена, высокая и тощая Нѣмка, ведшая на сворокѣ десятокъ голодныхъ собаченокъ, драпированныхъ ветхими лоскутьями краснаго сукна, запѣла эту пѣсню пронзительнымъ голосомъ. За ними безмолвно шли четверо оборванныхъ мальчиковъ, каждый съ двумя учеными обезьянами на плечахъ.

Извощики, стоявшіе у моста и негоціянты, торговавшіе тамъ же сайками и спичками, не имѣвшіе въ этотъ день ни малѣйшаго способа къ пріятному препровожденію времени въ «съѣстномъ заведеніи», развлеклись этою сценою, забыли свое горе, и дружно принялись смѣяться надъ бѣдными артистами.

Петръ Ивановичъ, такъ философически рѣшившійся отправиться изъ сего міра, ночнымъ путемъ чрезъ Мойку, въ міръ лучшій, внезапно потерялъ свою рѣшимость,

Digitized by Google

когда слуха его коснулись рѣзвый «вѣтерокъ» и смѣхъ извощиковъ. Бросивъ взглядъ на живую картину нищеты, переносимой терпѣливо, по крайней мѣрѣ, безъ неистовыхъ порывовъ отчаянія, онъ былъ отвлеченъ отъ собственнаго горя къ филантропическому сочувствію толпѣ музыкантовъ, олицетворявшихъ пословицу: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсеньки поетъ.» Потомъ, возвращаясь къ самому себѣ, онъ вспомнилъ, что мучимый заботою о партикулярной парѣ, онъ необѣдалъ два дня сряду, и что по этой причинѣ не худо бы зайти *куда нибудь*; а когда, произведя въ карманахъ тщательный розыскъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ трехрублевый и четыре копѣйки, забылъ и партикулярную пару, и балъ, и демуазель Гельдзакъ, и мазурку. Въ радостномъ предчувствіи ужина, онъ снова сталъ самодоволенъ и счастливъ, и торопливо идя по Вознесенскому Проспекту въ трактиръ, думалъ: «Какъ мало нужно человѣку для счастія!»

Конецъ второй книги.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google